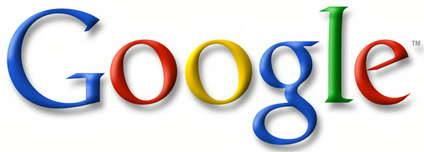
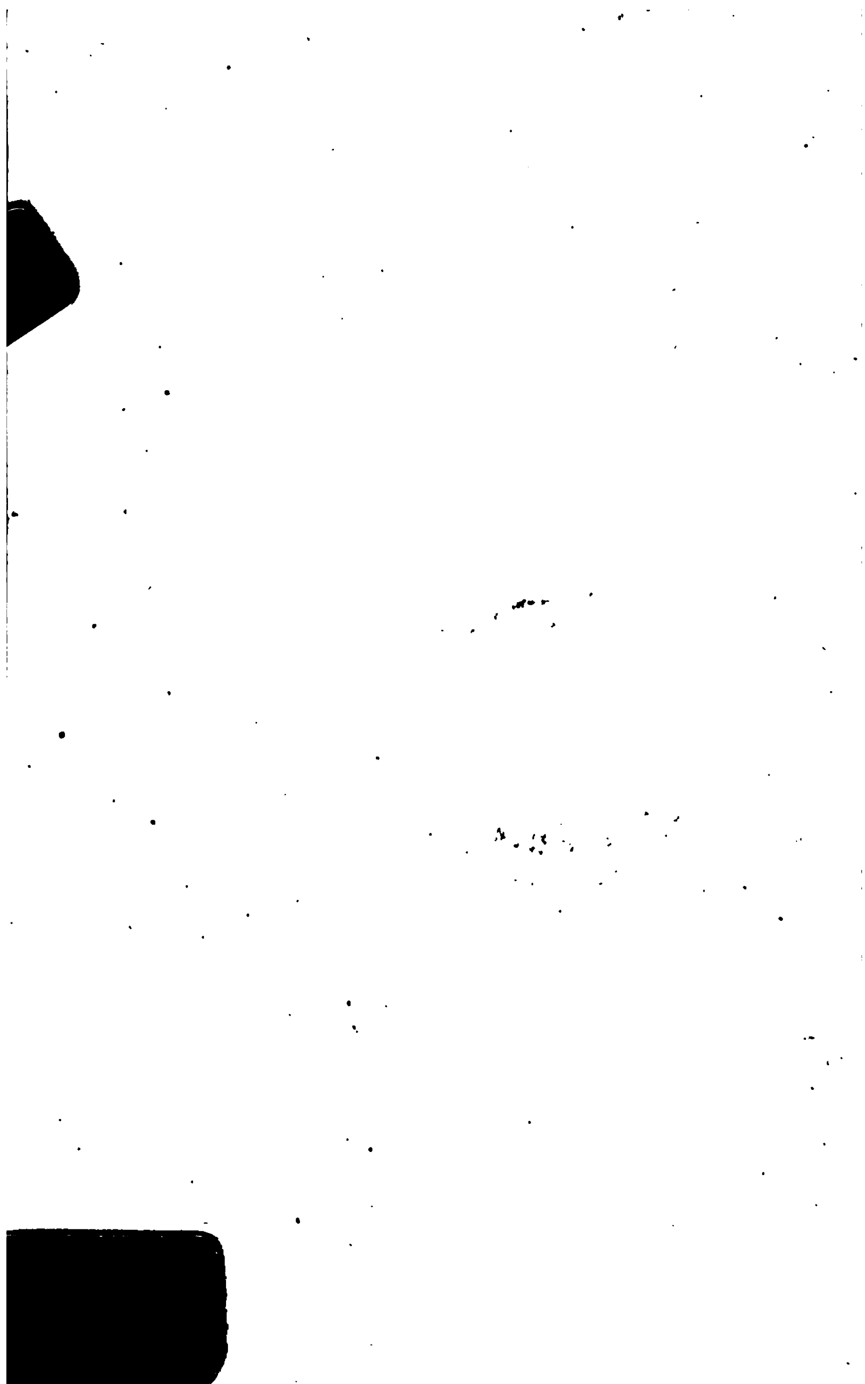

Александръ Семеновичъ

ШИШКОВЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ

В. СТОЮНИНА

ЧАСТЬ I

АЛЕКСАНДРЪ СЕМЕНОВИЧЪ

ШИШКОВЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2
1880

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Молодые годы. — Морское путешествіе.

Одна изъ замѣчательныхъ личностей, связанныхъ съ царствованіемъ императора Александра I-го, Александръ Семеновичъ Шишковъ составляетъ интересный предметъ для изученія историческаго и психологическаго. Оцѣнка этой личности не сдѣлана безпристрастно ни его современниками, ни потомствомъ. Сужденія о немъ и тѣхъ и другихъ довольно разнорѣчивы, хотя почти никто не отказываетъ ему ни въ честности, ни въ прямотѣ. Трудно было прослѣдить его дѣятельность, такъ какъ она являлась на глазахъ у другихъ только моментами, отрывочно и притомъ въ разныхъ сферахъ, но всегда шумно и бурно, всегда заставляла говорить о себѣ. Собственно въ трехъ моментахъ общественной жизни онъ рѣзко выдается: въ началѣ царствованія, уже въ чинѣ адмирала, онъ выступаетъ въ литературной сферѣ и производитъ тамъ бурю своимъ рѣзкимъ

словомъ противъ любимца тогдашней образованной молодежи, Карамзина; онъ вызвалъ на борьбу два литературныя поколѣнія,—борьбу, которая не скоро улеглась и которая представляетъ видный фактъ въ исторіи нашей литературы. Затѣмъ, черезъ десять лѣтъ, въ эпоху борьбы русскихъ съ нахлынувшими врагами, въ 1812 году, Шишковъ является посредникомъ между царемъ и народомъ, выражая патріотическимъ словомъ мысли и чувства царя, рѣшившагося защищать свою землю до послѣдняго изнеможенія, и сильными патріотическими возгласами поддерживая народную энергію въ отчаянной борьбѣ. Этой эпохой впослѣдствіи поэтъ Пушкинъ характеризовалъ Шишкова:

Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года.

Наконецъ, еще черезъ десять лѣтъ онъ является въ новой борьбѣ—противъ мистиковъ, направлявшихъ дѣятельность Библейскаго общества, и въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія съ мыслію дать иное направленіе общественному образованію и воспитанію. Въ промежутки между этими моментами онъ велъ тихую, уединенную кабинетную жизнь, о которой знали только немногіе близкіе ему люди. У многихъ осталась въ памяти только послѣдняя его дѣятельность, какъ министра, и, имѣя причины быть недовольными ею по тѣмъ разрушительнымъ слѣдствіямъ, какія вытекали изъ нея, они клеймили

сѣдую голову разными непривлекательными эпитетами, которые не могутъ остаться за нимъ въ исторіи на ряду съ разными инквизиторами, злобными обскурантами, фанатиками, выслужившими себѣ эти прозванія своими подвигами.

Я намѣренъ прослѣдить жизнь этого человѣка, чтобы можно было представить его цѣльный нравственный образъ, безъ намѣренія возвеличить или унизить его. Пусть сгруппируются всѣ біографическіе факты: они нарисуютъ портретъ на фонѣ, который для всѣхъ лицъ готовитъ исторія; а впечатлѣніе, какое произведетъ онъ, зависитъ отъ настроенія зрителя.

Родился Шишковъ въ 1754 г. Какъ онъ росъ и воспитывался въ первое десятилѣтіе своей жизни—мы не знаемъ; но, имѣя въ виду направленіе въ его юности, можемъ заключать, что жизнь его развивалась не въ модномъ семействѣ, близкомъ ко двору—тамъ выходили другіе юноши; развивалась и не въ богатой помѣщичьей семьѣ—оттуда выступали люди другаго сорта, наконецъ и не въ грубой невѣжественной семьѣ, откуда плодились Митрофаны, являясь на свѣтъ въ своемъ нравственномъ уродствѣ. Скорѣе всего онъ воспитался при тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ воспитывались и нѣкоторые изъ его сверстниковъ, почтенныхъ дѣятелей въ общей русской жизни второй половины прошедшаго столѣтія, какъ напримѣръ, Фонъ-Визинъ, Державинъ и др. Въ нихъ развивались религіозное чувство и

мысль подъ вліяніемъ чтенія церковныхъ книгъ, священной исторіи и четіи-минеи, а съ этимъ вмѣстѣ и ухо роднилось съ церковнымъ языкомъ; развивалась и любовь къ природѣ подъ вліяніемъ близкихъ отношеній къ ней, развивалась любовь къ человѣку подъ впечатлѣніями любящей родной семьи, развивалась любовь къ родинѣ подъ впечатлѣніемъ разсказовъ о славныхъ и громкихъ прошедшихъ временахъ Петра, подъ впечатлѣніемъ народныхъ пѣсенъ, а можетъ быть и звучныхъ одъ Ломоносова и другихъ стихотворцевъ. По крайней мѣрѣ, чутье народнаго языка въ немъ не было заглушено въ дѣтствѣ, какъ въ то время уже заглушалось въ модныхъ семьяхъ придворнаго общества; равнымъ образомъ и пониманіе старо-славянскаго языка библіи на столько сдѣлалось доступно, что позволяло понимать поэтическія красоты выраженія. Научное образованіе Шишковъ получилъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ въ первые годы директорства Ивана Логиновича Кутузова, котораго въ запискахъ онъ называетъ своимъ свойственникомъ, человѣка весьма просвѣщеннаго, энергически принявшагося за образованіе морскихъ кадетовъ. Кутузовъ зналъ въ совершенствѣ языки французскій и нѣмецкій и въ особенности любилъ зачинавшуюся тогда русскую литературу. Въ его гостинной можно было встрѣтить ученыхъ, писателей и художниковъ, которые время отъ времени пріѣзжали изъ-за моря въ Петербургъ. Для чтенія лекцій въ корпусѣ Кутузовъ приглашалъ

извѣстныхъ ученыхъ, какъ напримѣръ, Эпинуса, Миллера. Въ это же время подвизался тамъ и бывшій питомецъ корпуса, знаменитый Кургановъ, котораго характеризуютъ такими словами: наивной, но безпощадной ироніей онъ казнилъ современный ему педантизмъ и умышленную темноту науки, и самъ старался по возможности упрощать ее и передавать занимательно. Онъ оказывалъ большое нравственное вліяніе на учениковъ, которые за то любили и уважали его. Кромѣ морскихъ спеціальныхъ наукъ и связанной съ ними математики, въ корпусѣ преподавали языки: нѣмецкій, французскій, англійскій, латинскій и такъ-называемыя словесныя науки, т. е. физику, генеалогію, риторику. Изъ географіи и исторіи уроковъ не задавали, а обучали въ классѣ „черезъ затверживаніе при сказываніи поочередно всѣхъ“. Изъ исторіи давали только краткія хронологическія таблички. Во время обѣда, по монастырскому образцу, читали хорошія историческія и нравоучительныя книги, „для знанія прежнихъ обращеній свѣта и вкорененія благонравія“ *). Въ спискѣ преподаваемыхъ предметовъ того времени не встрѣчаемъ ни русскаго, ни славянскаго языка. Въ нихъ молодые люди могли совершенствоваться только изъ практики черезъ переводы съ иностранныхъ языковъ и чтеніе немногихъ русскихъ писателей, во главѣ которыхъ стоялъ только-что умершій Ломоносовъ.

---

*) Историческій очеркъ Морскаго кадетскаго корпуса, соч. Веселаго.

Шишковъ, по-видимому, вынесъ изъ корпуса все, что могъ вынести прилежный и добронравный ученикъ. по крайней мѣрѣ всегда [illegible] выказывалъ и знаніе иностранныхъ языковъ, и знакомство съ морскими науками, и любовь къ отечественной поэзіи, и стремленіе къ литературнымъ упражненіямъ и занятіямъ, не черствое и не [illegible] сердце.

Послѣдній годъ его корпусной жизни долженъ былъ быть особенно образовательнымъ по его кругу— по множеству такихъ испытаній и впечатлѣній, съ какими обыкновенно мужаетъ и нравственно крѣпнетъ молодой человѣкъ. О нихъ мы можемъ говорить довольно подробно, потому что у насъ есть воспоминанія, записанныя самимъ Шишковымъ. Въ началѣ 1771 года, когда Шишковъ былъ уже гардемариномъ, онъ вмѣстѣ съ другими своими товарищами, въ числѣ тридцати человѣкъ, былъ отправленъ въ городъ Архангельскъ для того, чтобы оттуда возвратиться моремъ на трехъ построенныхъ тамъ шестидесяти-шести-пушечныхъ корабляхъ. Это была первая морская экскурсія, пробная для молодыхъ людей. Шишкову на первыхъ же порахъ пришлось испытать горькія случайности службы, которыя вѣчной обидой остаются въ жизни. Капитанъ корабля, къ которому былъ причисленъ Шишковъ, былъ человѣкъ властолюбивый, вспыльчивый и нетрезвый. Несправедливо разсердившись на Шишкова за то, что тотъ въ свободнее время поѣхалъ для

прогулки съ однимъ мичманомъ на берегъ, имѣя на то право, пьяный капитанъ присуждаетъ молодому человѣку наказаніе, когда онъ воротится — продержать ему всю ночь на плечахъ двѣ свинцовыя гири болѣе пуда вѣсомъ, и, не дожидаясь его возвращенія, идетъ въ каюту спать. Каково отчаяніе молодаго человѣка, когда, вступивъ на палубу, онъ слышитъ капитанскій приговоръ! Онъ возмущается, спѣшитъ къ своему начальнику по корпусу, капитану, прибывшему съ гардемаринами изъ Петербурга. Этотъ былъ, по описанію Шишкова, человѣкъ добрый, услужливый, усердный къ службѣ и довольно неглупый, но часто заблуждавшійся отъ излишнихъ умствованій и притомъ передъ старшими до крайности почтительный и робкій. Конечно, на кораблѣ онъ долженъ былъ во всемъ подчиняться капитану корабля. Къ нему-то подъ защиту хотѣлъ прибѣгнуть Шишковъ, никогда не подвергавшійся никакимъ штрафамъ и не могшій вынести мысли о жестокомъ и несправедливомъ наказаніи. Но ни жалобы, ни просьбы, ни опасенія получить чахотку, ни угрозы, ни слезы, ничто не помогло. Корпусный капитанъ признавалъ правоту своего гардемарина и жестокость наказанія, но не рѣшался не исполнить приказанія своего командира, и не осмѣливался будить его, чтобы помочь молодому человѣку. И вотъ ужъ ведутъ его на мѣсто казни, съ ужасомъ представляетъ себѣ юный гардемаринъ, какъ придется провести ему ночь, — снова плачъ, отчаяніе и наконецъ послѣднія прось-

бы—по крайней мѣрѣ отсрочить до утра исполненіе приговора, когда проснется капитанъ. Только на это согласился исправляющій должность педагога. Какую ночь провелъ несчастный осужденный! Но съ утромъ все измѣнилось. Капитанъ, отрезвившись, всталъ въ другомъ расположеніи духа и, выслушавъ объясненія Шишкова, рѣшилъ, что его не за что наказывать. Дѣло обошлось повидимому благополучно; но конечно не безслѣдно прошло оно по душѣ семнадцатилѣтняго самолюбиваго юноши.

По вскрытіи Двины корабли пустились въ Бѣлое море, затѣмъ приблизились къ Лапландскимъ берегамъ, около которыхъ задержали ихъ противные вѣтры. Здѣсь впервые пришлось Шишкову наслаждать свои чувства видами морской природы и испытывать свою любовь къ грандіозной природѣ. Лавируя, забрались далеко къ сѣверу, такъ что солнце въ самую полночь уже не заходило подъ горизонтъ. „Смотря на него, прибавляетъ Шишковъ, я припоминалъ стихи Ломоносова:

Достигло дневное до полночи свѣтило,
Но въ глубинѣ лица горящаго не скрыло.
Какъ пламенна гора казалась межъ валовъ
И простирала блескъ багровый изъ-за льдовъ.
Среди пречудныя при ясномъ солнце ночи
Верхи златыхъ зыбей пловцамъ сверкаютъ въ очи...

„Мнѣ мечталось, что я смотрю на него глазами Ломоносова и плыву съ Петромъ Великимъ“. Поэтическое настроеніе фантазіи юноши-Шишкова про-

должалось и въ дальнѣйшемъ плаваніи. Благополучно миновали Мальстремъ, въ половинѣ октября были въ Копенгагенѣ, а черезъ нѣсколько дней поплыли далѣе; съ попутнымъ вѣтромъ въ темную ночь быстро приближались къ острову Борнгольмъ. Капитанъ спалъ въ каютѣ, а штурманъ, по ошибочному соображенію, далъ кораблю нѣсколько иное направленіе, и его принесло къ Шведскому берегу. Такъ какъ въ темнотѣ нельзя было разглядѣть окружающей мѣстности, то допустили корабль попасть на мелкое мѣсто, и произошло кораблекрушеніе. Сильныя волны стали подхватывать тяжелый корабль и ударять о морское дно. Для облегченія пришлось рубить мачты и сбрасывать въ море. Открылась течь, съ которою не могли справиться. Каждый часъ угрожалъ гибелью. Люди потеряли надежду на спасеніе и стали готовиться къ смерти, надѣвая на себя бѣлыя рубашки. Священникъ въ облаченіи читалъ передъ образомъ молитвы. Вся эта картина поражала испуганныхъ неопытныхъ гардемариновъ". „Всѣ были въ отчаянномъ страхѣ,—передавалъ потомъ Шишковъ,—иные, падши ницъ, иные стоя на колѣняхъ, иные съ воздѣтыми къ небу руками, молились и, какъ обреченныя жертвы, оплакивали послѣднія свои минуты. Между тѣмъ шумъ моря, скрипъ членовъ корабля, унылый свистъ вѣтра вокругъ обломковъ мачтъ и пушечные, для призванія помощи, ежеминутно производимые выстрѣлы, напоминали безпрестанно, что мы гибнемъ и нѣтъ спасенія".

Настало утро. Положеніе не улучшилось. При дневномъ свѣтѣ оно представилось даже худшимъ. Капитанъ пришелъ въ такое отчаяніе, что даже не хотѣлъ думать о спасеніи людей, ушелъ въ каюту и отказался отъ всякихъ распоряженій. Мысль о спасеніи на лодкахъ приходитъ всѣмъ въ голову; но капитанъ лучше хочетъ погибнуть со всѣмъ экипажемъ и не даетъ своего согласія. „Мы всѣ, гардемарины,—говоритъ Шишковъ, — бѣжимъ къ нему въ каюту и передъ нимъ рыдаемъ“. Но и ихъ слезы не подѣйствовали. Капитанъ съ угрозами прогоняетъ ихъ. Тогда экипажъ рѣшается выбрать другаго капитана и съ нимъ подумать о средствахъ спасенія. Выборъ падаетъ на кадетскаго капитана. Онъ не вдругъ соглашается нарушить священное въ его глазахъ подчиненіе, ведетъ весь экипажъ къ капитану, чтобы сдѣлать ему послѣднее предложеніе и объявить, что ожидаетъ его въ случаѣ отказа. Капитанъ смиловался и принялъ снова команду. Корабль удалось стянуть съ мелкаго мѣста. Спустили шлюпку, чтобы отправить нѣсколько человѣкъ на берегъ — требовать помощи. Между ними назначенъ былъ одинъ гардемаринъ, лифляндскій дворянинъ, какъ говорящій по-нѣмецки, хорошій пріятель Шишкова. „Онъ былъ въ восхищеніи, — разсказываетъ Шишковъ,—прибѣгаетъ ко мнѣ и говоритъ: знаешь ли что, меня посылаютъ на берегъ, поѣдемъ со мною, здѣсь опасно оставаться, а тамъ мы будемъ спокойны; хочешь ли, я скажу капитану, что ты

мнѣ надобенъ. — Я съ радостью согласился, — продолжаетъ Шишковъ, —и мы пошли вмѣстѣ. Но лишь только приходимъ мы къ дверямъ капитанской каюты, какъ вдругъ, не знаю отчего, родившійся во мнѣ страхъ перемѣняетъ во мнѣ мысли. Я останавливаю товарища и усильно прошу: ради Бога, не говори о мнѣ капитану, я не хочу ѣхать". Несмотря на всѣ убѣжденія товарища, Шишковъ упорно стоялъ въ своемъ намѣреніи, такъ что тотъ долженъ былъ одинъ войти въ капитанскую каюту. Но когда онъ вышелъ оттуда, —замѣчаетъ Шишковъ, —то въ немъ всѣ замѣтили перемѣну: онъ былъ смущенъ, обыкновенная веселость его исчезла, слезы катились по лицу. Вѣроятно, безотчетный страхъ Шишкова перешелъ и къ нему, но отказаться отъ исполненія порученія было нельзя. При сходѣ въ шлюпку, онъ сказалъ: прощайте, братцы, я первый ѣду на смерть. Шлюпка отчалила, распустила парусъ, понеслась птицею по морю. Съ корабля смотрятъ, какъ она ныряетъ въ волнахъ, какъ подходитъ къ берегу и — вдругъ опрокидывается. Всѣ въ тяжеломъ недоумѣніи, не зная, спасутся ли несчастные моряки, а подать помощь съ корабля не было никакой возможности. Бѣдный пріятель Шишкова дѣйствительно погибъ. Вся эта сцена произвела на него сильное впечатлѣніе. „Я бросился въ свою каюту, —говорилъ онъ, —затворился въ ней и, упавъ на колѣни, изъ глубины души моей благодарилъ Бога за внушенную въ мысли мои перемѣну, избавившую меня

отъ предстоящей мнѣ погибели". Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ случай долженъ былъ сильно подѣйствовать на религіозное чувство юнаго Шишкова и оставить глубокій слѣдъ въ его душѣ. Здѣсь же могла зародиться въ немъ и нѣкоторая склонность къ мистицизму. Утомленный всѣми предшествовавшими тревогами, юноша наконецъ заснулъ, но не долго пришлось ему отдыхать. Его будятъ и еще въ просонкахъ тащатъ на палубу, накинувъ только тулупъ на плечи. Оказывается, что кромѣ него никто на кораблѣ не умѣлъ говорить по-нѣмецки, а нужно было объясниться съ подплывшей къ кораблю лодкой. Хотя лодочникъ говорилъ больше по-шведски, чѣмъ по-нѣмецки, но едва опамятовавшійся гардемаринъ съумѣлъ понять, что тотъ посланъ изъ городка Истедъ какимъ-то проѣзжимъ Сальдерномъ, который, узнавъ о бѣдствіи русскаго корабля, приказалъ разузнать о немъ. Капитанъ тотчасъ же приказалъ Шишкову пересѣсть въ лодку къ посланному и ѣхать въ городъ. Такъ какъ лодка за сильнымъ волненіемъ не могла стоять у борта корабля, то всѣ засуетились, чтобы какъ-нибудь спустить въ нее юношу, и онъ даже не слыхалъ, зачѣмъ посылается на берегъ. Въ полное сознаніе пришелъ онъ уже тогда, когда волны отнесли лодку далеко отъ корабля. Посреди бурнаго моря, глазъ на глазъ съ незнакомыми гребцами, которыхъ трудно было понимать, безъ приличнаго платья, безъ денегъ, безъ хлѣба, и не зная при этомъ, для чего онъ ѣдетъ,—

положеніе крайне затруднительное. Пришлось проплыть восемь верстъ: холодный осенній вѣтеръ насквозь продувалъ его, брызги отъ волнъ, какъ дождемъ, кропили его и, наконецъ, не оставили ни одной сухой нитки. Уже въ три часа утра пристали къ берегу. Окоченѣлаго моряка привели въ какой-то домъ, достучались, зажгли огня, разбудили хозяина; тотъ что-то спрашиваетъ его; но на всѣ вопросы юноша не можетъ отвѣчать ни слова, языкъ не повинуется, мысли мѣшаются, и наконецъ исчезаютъ всякое понятіе и сознаніе. Только на другой день очувствовался русскій пришелецъ и могъ говорить съ Сальдерномъ, къ которому привели его. Оказалось, что у этого добраго человѣка былъ въ Россіи братъ, и изъ любви къ нему онъ рѣшился сдѣлать и для бѣдствующихъ русскихъ что было въ его силахъ. Узнавъ, въ какомъ они положеніи, онъ направляетъ Шишкова къ бургомистру, который, по усиленной просьбѣ юноши, одѣтаго въ тулупъ, и отправилъ къ кораблю двухъ лоцмановъ и десять лодокъ. Шишковъ остается въ городѣ и удивляетъ своею расторопностію и находчивостью, хотя и могъ объясняться только на нѣмецкомъ языкѣ, который понимаютъ далеко не всѣ шведы. Имя русскаго, со временъ Петра Великаго, пугало простой народъ въ Швеціи, и безпріютному юношѣ съ трудомъ удалось найти себѣ ночлегъ въ городѣ. На другой день онъ узналъ, что посланныя лодки высадили на берегъ въ восьми верстахъ отъ города всѣхъ боль-

ныхъ съ корабля. Онъ спѣшитъ къ нимъ пѣшкомъ и находитъ въ самомъ жалкомъ положеніи: всѣ они лежали подъ открытымъ небомъ, на вѣтру, подъ дождемъ, и вдобавокъ безъ хлѣба. И спасенные отъ кораблекрушенія, они были обречены на гибель. Сюда же прибило волной и погибшаго его товарища. Похоронивъ его съ сокрушеннымъ сердцемъ, Шишковъ понималъ, что отъ его заботъ зависитъ участь всѣхъ его спутниковъ, такъ какъ онъ одинъ только могъ кое-какъ объясняться со шведами. И вотъ онъ спѣшитъ снова въ городъ, умоляетъ Сальдерна и бургомистра помочь больнымъ и голоднымъ, и послѣ многихъ усилій удается ему уже на другой день привезти нѣсколько пищи измученнымъ товарищамъ. Всѣ встрѣтили его съ радостью и благодарностью, понимая, что безъ него пришлось бы имъ очень горько. Только одинъ грубый солдатскій командиръ, которому довѣрены были больные, принялъ его очень сурово. Онъ считалъ и расторопнаго гардемарина подъ своимъ начальствомъ и некстати хотѣлъ это показать ему. Тутъ-то юноша выказалъ замѣчательную черту характера, рѣдкую въ его годы.

— Знаешь ли ты, что я здѣсь начальникъ? — услышалъ онъ гнѣвныя командирскія слова: — какъ ты смѣлъ вчера уйти отсюда безъ спроса? Ежели ты еще разъ осмѣлишься это сдѣлать, то я тебѣ руки и ноги переломаю.

„Толь грубыя слова,—разсказываетъ Шишковъ,—

весьма меня огорчили; я не опасался угрозъ его, но боялся слѣдствій нашей ссоры, ибо въ случаѣ какой-либо дальнѣйшей отъ него дерзости, я бы принужденъ былъ обратиться къ людямъ съ просьбою защитить меня, а люди такъ были противъ него озлоблены и столько изъявляли мнѣ благодарности за попеченіе мое о нихъ, что при малѣйшемъ отъ меня ободреніи, легко могло бы родиться изъ сего какое-либо несчастное происшествіе. Сія опасность преодолѣла во мнѣ движеніе гнѣва и я отвѣчалъ съ кротостію, что признаю его начальникомъ надъ собою и готовъ ему повиноваться, но что посланъ съ корабля въ городъ за дѣломъ, которое и долженъ выполнить"... Командиръ смягчился.

Съ помощью бургомистра Шишкову удалось устроить больныхъ въ городѣ, и затѣмъ нужно было еще хлопотать о судьбѣ корабля; онъ тоже былъ похожъ на больнаго, нуждающагося въ леченіи. Для починокъ требовалось много времени. Сказали, что за это можно приняться въ городѣ Карлсгомнѣ, въ шестидесяти верстахъ отъ Истеда. Шишкову было поручено уговориться съ двумя купеческими кораблями, которые должны были сопровождать русскій корабль и въ случаѣ опасности принять къ себѣ экипажъ.

Воспользовавшись затруднительными обстоятельствами, купцы потребовали четыре тысячи рублей, но у капитана не было такихъ денегъ. Рѣшили занять двѣ тысячи у города Истеда, которыя и вручить нанятымъ кораблямъ при отправленіи; осталь-

ныя же занять въ городѣ Карлсгомнѣ и заплатить тамъ. При этихъ переговорахъ истомленный юноша уже слегъ въ постель: силы его не выдержали, но и тутъ безъ него не могли обойтись.

Нанятые корабельщики въ день отправленія, когда подулъ попутный вѣтеръ, заупрямились и потребовали впередъ всѣ деньги. Нужно было везти больнаго, въ горячечномъ состояніи, на берегъ для объясненія. На рукахъ перенесли его въ лодку, на рукахъ перенесли къ бургомистру, куда были призваны и упрямые корабельщики. Они стояли на своемъ требованіи, несмотря на всѣ убѣжденія юноши. Наконецъ онъ вышелъ изъ терпѣнія и съ жаромъ началъ говорить имъ: „Стыдно для шведовъ не вѣрить русскому военному кораблю въ двухъ тысячахъ руб. Если господа корабельщики сомнѣваются въ полученіи, то я отдаю имъ себя въ залогъ; я остаюсь здѣсь, пока они не получатъ деньги, и еслибы капитанъ не заплатилъ ихъ и правительство наше не удовлетворило ихъ (чему никакъ статься невозможно), то отецъ мой, русскій дворянинъ и достаточный человѣкъ, меня выкупитъ“. Эти слова, произнесенныя, какъ говорилъ Шишковъ, съ жаромъ и досадою, поколебали корабельщиковъ. Дѣло было сдѣлано, но виновникъ всего поплатился нѣсколькими днями болѣзни.

Въ Карлсгомнѣ гардемарины были размѣщены въ одномъ домѣ вмѣстѣ съ своимъ капитаномъ. „Когда мы пришли въ Карлсгомнъ,—говоритъ Шиш-

ковъ—то въ первые дни женщины не смѣли ввечеру ходить по улицамъ и часто пугали именемъ русскихъ". Такъ по преданію страшны были русскіе. Скоро все перемѣнилось, къ русскимъ присмотрѣлись; убѣдились, что они не такіе варвары, какъ о нихъ разсказывали, и стали мало-по малу завязываться знакомства, при которыхъ офицеры, въ особенности капитанъ, пользовались знаніемъ нѣмецкаго языка своего гардемарина. Ему было не скучно. Впрочемъ у юноши скоро завязался свой романъ. Въ сосѣдствѣ онъ часто видѣлъ въ окнахъ два хорошенькія личика, которыя смотрѣли на него съ привѣтливой улыбкой. Встрѣчи были почти ежедневно, такъ что подъ конецъ молодой человѣкъ сталъ смотрѣть на нихъ какъ на знакомыхъ и снималъ передъ ними шляпу. Онѣ отвѣчали ему ласковыми улыбками, а скоро явился случай и познакомиться съ ними. Онъ нашелъ большое, простое и доброе семейство, съ которымъ очень сблизился, а съ однимъ изъ братьевъ даже подружился. Но особенно привлекала его старшая сестра, восемнадцатилѣтняя Христина, веселая и бойкая дѣвушка. Такъ какъ ни она, ни сестра ея не знали понѣмецки, а молодой гость ихъ по шведски, то съ перваго же визита онъ началъ учиться у нихъ шведскому языку, и, благодаря интереснымъ учительницамъ, скоро научился свободно объясняться. Черезъ недолгое время русская колонія сдѣлалась знакома почти всему городу. „Мы видѣли отъ всѣхъ жителей отличную къ намъ привязанность,—

говоритъ Шишковъ: для насъ часто дѣлали обѣды, вечеринки, катанье на саняхъ за городъ“. Въ этихъ удовольствіяхъ молодые люди сближались еще болѣе. Но любовь ихъ встрѣтила помѣху. „Удовольствіе мое видѣться съ Христиною,—продолжаетъ Шишковъ,—и быть безпрестанно у нихъ въ домѣ, гдѣ я такъ со всѣми свыкся и такъ отъ нихъ былъ любимъ, какъ самый близкій ихъ родственникъ, не долго продолжалось. Изъ Стокгольма отъ посланника нашего Остермана пришло повелѣніе, чтобъ всѣхъ гардемариновъ отправить съ капитаномъ для продолженія наукъ въ Карлскрону, гдѣ былъ шведскій корпусъ. Разлука съ домомъ Берлингьери была тяжелая: какъ ни утѣшались мы черезъ нѣсколько времени опять увидѣться, однакоже не обошлось съ обѣихъ сторонъ безъ пролитія слезъ“.

Въ Карлскронѣ для гардемариновъ были взяты два учителя—шведскаго и французскаго языковъ. Такъ какъ Шишковъ уже могъ нѣсколько объясняться пошведски, то этотъ языкъ доставилъ ему входъ во многіе дома, что, конечно, помогало развитію молодаго человѣка, хотя, по его сознанію, всѣ эти знакомства не могли замѣнить ему одного дома: „сердце и мысли мои туда стремились“. Такъ прошло время до весны. Нужно было снова отправиться въ Карлсгомнъ, чтобы оттуда плыть въ Россію. Влюбленный юноша нашелъ Христину похудѣвшею: она была больна. Они снова съ утра до вечера вмѣстѣ; но немного было счастливыхъ дней. Корабль готовъ, насталъ и

день отправленія. Прощаніе было самое чувствительное. „Я пришелъ къ нимъ въ послѣдній разъ,—пишетъ Шишковъ,—они всѣ были вмѣстѣ. Всѣ мы сѣли, не говоря ни слова. Печальное молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ. Наконецъ я всталъ и подошелъ съ сокрушеннымъ сердцемъ къ матери поцѣловать у нея руку. Всѣ встали. Она обняла меня, облилась слезами и сказала:—другъ нашъ уѣзжаетъ отъ насъ и мы никогда уже на этомъ свѣтѣ не увидимся съ нимъ. Христина стояла съ потупленною головою; я подошелъ къ ней, но мы не имѣли даже силы сказать другъ другу „прости“. Рыданія заглушали меня, и я вышелъ отъ нихъ изъ дому, почти не помня самъ себя [1]“.

Черезъ нѣсколько дней Шишковъ былъ въ Кронштадтѣ. Онъ уже не былъ похожъ на того мальчика, который за нѣсколько мѣсяцевъ выѣхалъ изъ Петербурга на сѣверъ. Разнообразныя впечатлѣнія вызвали въ немъ тѣ силы, которыя имѣютъ значеніе въ жизни. Грандіозная природа сѣвера сблизила его и съ величественною поэзіею; опасности морского пути сдѣлали его смѣлымъ и въ то же время осторожнымъ; любовь выказала въ немъ чувствительное сердце. Фантазія и чувство нашли себѣ пищу и дали направленіе его жизни.

Въ спискѣ 1772 года въ числѣ гардемариновъ Морскаго корпуса, выпущенныхъ въ мичманы, находимъ

---

[1]) Разбитіе русскаго военнаго корабля у береговъ Швеціи въ 1771 году.—Сочиненія Шишкова, ч. XII.

капрала Александра Шишкова,—значитъ онъ кончилъ курсъ въ числѣ лучшихъ учениковъ. Онъ былъ хорошо образованъ для морской службы и для свѣтской жизни, но, имѣя въ виду пройденный имъ научный курсъ, нужно сказать, что для ученой дѣятельности подготовка его была очень неудовлетворительна; умъ его не прошелъ надлежащей школы; да вѣроятно онъ и самъ не предвидѣлъ себѣ ученаго поприща.

Скоро пришлось Шишкову совершить новое продолжительное плаваніе, въ которомъ еще болѣе окрѣпъ его характеръ. Въ 1776 г. предполагалось провести изъ Кронштадта черезъ Дарданеллы въ Черное море три тридцатидвухпушечные фрегата „Павелъ", „Григорій" и „Наталья". Это нужно было сдѣлать обманомъ, такъ какъ турки не пускали въ Черное море нашихъ военныхъ кораблей. Рѣшено было вести ихъ подъ купеческимъ флагомъ, оставивъ на виду по восьми пушекъ на каждомъ фрегатѣ, а остальныя закопать въ песокъ на днѣ судна: по договорамъ турки не могли останавливать нашихъ купеческихъ кораблей. Сопровождать ихъ назначенъ былъ сорокапушечный фрегатъ „Сѣверный Орелъ" подъ командою капитана Козлянинова. Въ числѣ офицеровъ къ нему былъ причисленъ и Шишковъ, какъ знакомый съ иностранными языками. Путешествіе продолжалось три года. Впослѣдствіи Шишковъ напечаталъ его описаніе [1]. Мы извлечемъ изъ него то, что, по

[1]) Сочиненія его, часть XVII.

нашему мнѣнію, можетъ имѣть біографическое значеніе. Плаваніе до береговъ Италіи было благополучно; только на пути отъ Магона къ Ливорно Шишкова поразило одно обстоятельство: съ мачты „Сѣвернаго Орла“ упалъ матросъ; летя стремглавъ оттуда, онъ слегка коснулся своимъ тѣломъ руки Шишкова, который обратилъ на него вниманіе уже тогда, когда тотъ лежалъ у его ногъ съ переломленною въ трехъ мѣстахъ хребтовою костью. Вскорѣ за этимъ несчастный умеръ. Шишковъ видѣлъ особую Божескую милость въ своемъ собственномъ спасеніи: „Сожалѣя о семъ бѣдномъ матросѣ,—говоритъ онъ,—благодарилъ Бога, что самъ остался цѣлъ, ибо еслибъ я на одинъ вершокъ еще подвинулся, то, упавъ мнѣ на плечо, онъ подвергнулъ бы меня той же самой участи, какую самъ претерпѣлъ“. Такіе случаи способствали къ большому развитію религіозности въ молодомъ морякѣ. У береговъ Ливорно фрегату „Павелъ“ назначалась продолжительная стоянка. Прельщаемый Италіею, Шишковъ перепросился на этотъ фрегатъ и, пользуясь случаемъ, сталъ учиться по итальянски. „Учитель мой,—разсказываетъ онъ,—очень любилъ Петрарка и имѣлъ самыя старинныя изданія; онъ толковалъ мнѣ сонеты его и пѣсни. Хотя я въ итальянскомъ языкѣ былъ еще очень слабъ и хотя начали мы съ самой трудной книги; однакожъ онъ такъ хорошо объяснялъ, что я самыя труднѣйшія мѣста могъ понимать и восхищаться красотами сего славнаго писателя. Иногда

для перемѣны читали мы Тасса. Высокій стихотворецъ сей скоро сталъ душу мою наполнять такимъ сладкимъ восторгомъ и удивленіемъ, что она отъ часу больше жадничала его слушать. Учителю моему такъ полюбилось бесѣдовать со мною о Петраркѣ и Тассѣ, что онъ вмѣсто двухъ условныхъ часовъ просиживалъ со мною по три и по четыре, а иногда приходилъ и два раза въ день. Мнѣ казалось, что онъ самъ не меньше Тасса превозносился духомъ, читая его „Освобожденный Іерусалимъ" и не меньше Петрарка влюбленъ въ Лауру". Вдохновленный своимъ учителемъ, Шишковъ впослѣдствіи самъ перевелъ эту поэму Торквата Тасса.

Въ Ливорно нашъ морякъ прожилъ два съ половиною мѣсяца, ѣздилъ отсюда въ Пизу, Лукку, Монтенегро. Въ томъ же портѣ зимовалъ нашъ маленькій фрегатикъ „Констанція", который теперь былъ причисленъ къ прибывшимъ русскимъ фрегатамъ подъ командою Козлянинова. За недостаткомъ офицеровъ на него былъ переведенъ Шишковъ. „На немъ,—замѣчаетъ онъ,—надлежало въ глухую осень плыть по морямъ неизвѣстнымъ, въ чужую сторону, изъ Италіи къ туркамъ. Сіе непріятное воображеніе, смѣшанное съ грустію разставанія съ береговою, довольно весело препровожденною нами жизнію и притомъ еще совершенная неизвѣстность объ оставшихся въ Россіи родныхъ моихъ и знакомыхъ приводили меня въ уныніе". У береговъ Сициліи, ночью, во время вахты Шишкова, корабль едва не потер-

пѣлъ крушеніе, наткнувшись на какую-то волканическую скалу: къ счастію, она во время выкинула изъ себя огонь, который далъ возможность разглядѣть, на какую гибель летитъ корабль. Съ нѣкоторыми усиліями удалось дать ему другое направленіе и избавиться отъ смерти. „Милость Божія,— замѣчаетъ Шишковъ,—повелѣла этому каменному острову насъ спасти. Тутъ узнали мы, что въ счисленіи нашемъ была великая погрѣшность и что мы считали себя гораздо далѣе отъ Сициліи, нежели въ самомъ дѣлѣ были. Я во время плаванія моего по морямъ,—прибавляетъ онъ, — примѣтилъ, что какъ бы нѣкій промыселъ Провидѣнія печется о спасеніи мореплавателей: онъ поправляетъ ошибочное и немогущее никогда быть вѣрнымъ искусство ихъ; ибо если исчислить непредвидимые случаи, въ которыхъ предстоящая опасность нечаяннымъ образомъ открывается, то сихъ случаевъ несравненно болѣе, нежели кораблекрушеній. Часто бываетъ, что плавающее долговременно судно нѣсколько разъ внезапнымъ образомъ исторгалось изъ угрожавшаго ему бѣдствія. Не явенъ ли здѣсь промыслъ Божій“.

Поразила также Шишкова смерть его слуги. Въ портѣ Магонѣ тотъ былъ избитъ въ дракѣ и раненъ въ бокъ. Узнавъ объ этой дракѣ, Шишковъ хотѣлъ было наказать его тѣлесно, но по душевной добротѣ сжалился надъ нимъ, увидя его окровавленное лицо и не зная объ его ранѣ, которую тотъ скрылъ. Слуга былъ прощенъ; но о ранѣ никому

не говорилъ, и она привела его къ смерти. „Я укорялъ себя,—пишетъ Шишковъ,—въ моей несчастной къ нему жалости, ибо если бы тогда, когда я за сію драку наказать его хотѣлъ, не сжалился я надъ нимъ и велѣлъ его раздѣть, то открылось бы, что онъ раненъ, и тогда рану легко бы можно было залечить. Долго не могъ я выкинуть сего изъ головы своей, почитая себя какъ бы виновникомъ его смерти"...

Въ Мессинѣ соединились съ фрегатомъ „Сѣверный Орелъ", куда снова перешелъ Шишковъ. Наконецъ доплыли до порта Мандра, близъ Аѳинъ, простояли вблизи этихъ развалинъ около трехъ недѣль, но, несмотря на сильное желаніе русскихъ моряковъ, имъ не удалось посѣтить мѣсто знаменитаго города. „Мы часто съѣзжали на берегъ,—пишетъ Шишковъ, — на сію, толико въ греческихъ бытописаніяхъ прославленную землю, называемую Аттикою; ходили по пустыннымъ, едва обитаемымъ мѣстамъ; ничего не попадалось намъ на ней примѣчанія достойнаго, кромѣ что находились индѣ почти уже сравнявшіяся съ землею подножія огромныхъ мраморныхъ столповъ, которые хотя и сохранили еще видъ свой, но были уже такъ рухлы, что ихъ можно было какъ песокъ брать рукою. Мы видѣли также нѣсколько новѣйшихъ греческихъ часовенъ съ написанными на стѣнахъ ихъ изображеніями святыхъ и не могли надивиться буйству и злочестію безбожныхъ французовъ, которые, заходя

ногда въ сей портъ (Мандра), не оставили ни одной часовни безъ того, чтобы не обезобразить лицъ святыхъ и не начертать вездѣ насмѣшливыхъ и ругательныхъ подписей. Удивительно,—при этомъ прибавляетъ онъ,—до какой злобы и неистовства доводитъ развращеніе нравовъ. Пусть бы сами они утопали въ безвѣріи; но зачѣмъ же вѣроисповѣданіе другихъ, подобныхъ имъ христіанъ, ненавидѣть. Для чего турки не обезобразили сихъ часовенъ? Для чего не иной какой языкъ читается въ сихъ гнусныхъ надписяхъ, какъ только французскій"? Вотъ откуда начинается ненависть Шишкова противъ французовъ. Ими было оскорблено самое священное для него чувство, прежде чѣмъ революція уничтожила расположеніе къ нимъ въ сердцахъ многихъ русскихъ.

Наконецъ „Сѣверному Орлу" пришлось разстаться съ прочими фрегатами, которые подъ купеческимъ флагомъ поплыли въ Мраморное море. Шишкову не хотѣлось упустить случая взглянуть на Константинополь, и онъ снова перепросился на фрегатъ „Павелъ". Но не весело пришлось ему провести время въ турецкой столицѣ. „Нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ,—разсказываетъ онъ,—почти ежедневно были въ собраніяхъ; но я не раздѣлялъ съ ними ихъ удовольствій или участвовалъ въ томъ очень мало, провождая по нѣскольку дней сряду въ уединеніи, запершись съ книгами въ маленькой моей каютѣ. На это были многія причины: безпокой-

ный нравъ и сварливость моего начальника наводили мнѣ много скуки и огорченій, не было никакой возможности съ нимъ ужиться; никакая осторожность не помогала, никакого терпѣнія недоставало. Къ сему присовокупилось еще несравненно горестнѣйшее обстоятельство: я получилъ изъ Россіи письмо, увѣдомившее меня о смерти весьма близкой къ сердцу моему особы“. Объ этой новой любви Шишкова у насъ нѣтъ свѣдѣній. Она намъ только подтверждаетъ нѣкоторыя свидѣтельства объ его частыхъ любовныхъ увлеченіяхъ.

Изъ Константинополя наши фрегаты и подъ купеческими флагами не были пропущены въ Черное море: у турокъ явилось подозрѣніе въ обманѣ, и послѣ девяти-мѣсячной стоянки фрегаты должны были вернуться въ Архипелагъ и снова соединиться съ „Сѣвернымъ Орломъ“. Два съ половиною мѣсяца они лавировали около Тенедоса въ виду Анатолійскаго берега, вблизи предполагаемой древней Трои. Говоря объ этомъ, Шишковъ замѣчаетъ: „слѣды знаменитой Трои такъ изчезли, что ничего примѣтнаго не осталось. Однакожъ воображеніе работало, и душа поражалась при взглядѣ на тѣ мѣста, гдѣ за нѣсколько предъ симъ вѣковъ Гекторъ сражался съ Ахиллесомъ, гдѣ погибъ Пріамъ, гдѣ Елена съ Парисомъ воздыхала, гдѣ плакала Андромаха и откуда Эней, исхитивъ изъ пламени отца своего Анхиза, уѣхалъ затѣмъ, чтобы воспалить любовію несчастную Дидону и построить на морѣ чудный городъ

Венецію (?). О, стихотворство (размышлялъ я, ходя по пустому Азіатскому берегу и взглядывая то на гору Иду, то на небольшой островъ Тенедосъ), какую очаровательную имѣешь ты силу, когда кистію твоею управляетъ превосходный умъ и чувствующая красоты душа. Не родись Гомеръ, Виргилій: сколько именъ и дѣлъ сквозь множество вѣковъ гремящихъ потонули бы давно въ рѣкѣ забвенія".

Въ новый 1778 г. приближались къ берегамъ Калабріи. Цѣлый годъ пробыли въ Средиземномъ морѣ и остались зимовать. У Шишкова истощился кошелекъ, и онъ не зналъ какъ быть. Наконецъ вздумалъ испытать счастье въ карточной игрѣ и выигралъ пятьсотъ червонцевъ. „Никакой мильонщикъ не былъ меня благополучнѣе,—въ радости восклицаетъ онъ:—тотчасъ запираю денежки свои въ сундукъ и даю себѣ честное слово, что скорѣе возьму въ руки горячее желѣзо, нежели карты; всю ночь отъ радости я не спалъ и проводилъ ее въ разныхъ размышленіяхъ. Первое представилось мнѣ, что я по прибытіи въ Ливирно могу отпроситься путешествовать по Италіи. Воображеніе быть въ Римѣ, Неаполѣ—восхищало меня".

Но Шишковъ не сдержалъ своего слова: въ Ливорно онъ опять увлекся и едва не проигралъ всего. Однакожъ ему удалось побывать во Флоренціи, въ Римѣ, Миланѣ, Венеціи, о которыхъ впрочемъ разсказываетъ не много. Затѣмъ отправились въ Россію. „Я съ радостью возвратился въ отечество,—

заключаетъ Шишковъ, — но радость моя была смѣшана съ горькимъ напоминаніемъ, что во время отсутствія моего лишился я близкой къ сердцу моему особы"... Произведенный въ лейтенанты, Шишковъ былъ переведенъ въ Морской кадетскій корпусъ, помѣщавшійся уже въ Кронштадтѣ, тамъ онъ преподавалъ гардемаринамъ морскую тактику. Это показываетъ, что онъ успѣлъ на себя обратить вниманіе какъ знающій морякъ, которому можно было ввѣрить образованіе будущихъ моряковъ. Въ обществѣ онъ обращалъ на себя вниманіе своими краснорѣчивыми разсказами. Тимковскій въ своихъ запискахъ говоритъ, что въ Петербургѣ у И. И. Шувалова онъ встрѣчалъ Шишкова и однажды слышалъ, какъ плѣнительно и живо онъ описывалъ Палермо [1]).

II.

Литературные опыты.—Война.—Смерть Екатерины.—Служба при дворѣ императора Павла.

Литературную дѣятельность Шишковъ началъ еще въ молодости. Хотя она стояла на второмъ планѣ въ его жизни и не составляла главнаго ея интереса, но тѣмъ не менѣе она способствовала ему выдвигаться впередъ, привлекая вниманіе тѣхъ лицъ, отъ которыхъ зависѣло оффиціальное его положеніе. Не оставивъ большаго слѣда въ литературѣ, она все

[1]) „Рус. Арх.", 1874.

же имѣетъ важное біографическое значеніе, и мы не можемъ упоминать о ней только мимоходомъ. Чтó могло привлечь молодаго моряка къ литературѣ? Обыкновенно замѣчается, что люди чувствительные, съ воображеніемъ, рано пристращаются къ чтенію и любятъ пробовать свои собственныя силы въ литературныхъ занятіяхъ, чаще всего начиная съ сочиненія стиховъ. Восхищенію Ломоносовымъ у Шишкова уже и въ зрѣломъ возрастѣ не было предѣловъ, тѣмъ болѣе въ юности. Понятія о поэзіи у него составились по произведеніямъ Ломонóсова и Сумарокова. Въ нихъ онъ и подъ старость находилъ такія красоты, какихъ не находилъ уже никто. Вкусъ его установился въ молодые годы, удовлетворялся произведеніями Петрова, Хераскова, Державина, и разныхъ стилистовъ XVIII столѣтія, но далѣе уже не пошелъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ самъ сдѣлался стилистомъ. Поэзія религіозная и героическая цѣнилась имъ преимущественно, но нужно замѣтить, что ему были доступны и народныя пѣсни: онѣ трогали его сердце своими живописными выраженіями. Но самъ онъ по природѣ не былъ поэтомъ, хотя и былъ одаренъ фантазіей. Въ своихъ первыхъ опытахъ онъ скорѣе является моралистомъ, какимъ навсегда и остался. Эти опыты были очень скромны. Онъ познакомился съ тогдашнимъ президентомъ Академіи Наукъ Домашневымъ, который, вѣроятно замѣтивъ его любовь къ литературнымъ упражненіямъ, надоумилъ его заняться переводомъ нѣмецкой дѣт-

ской библіотеки Кампе—небольшой книжки, наполненной нравоучительными разсказами для дѣтей, въ стихахъ и въ прозѣ. Хотя выраженныя въ нихъ дѣтскія моральныя идейки далеко не удовлетворили бы нашу педагогію, но для того времени и онѣ должны были обогатить нашу бѣдную литературу, которая не могла представить дѣтямъ ничего, кромѣ нехитрыхъ букварей и часослова. Предложеніе Домашнева пришлось Шишкову по сердцу, и вотъ онъ начинаетъ вырабатывать простой дѣтскій слогъ, передавая готовое содержаніе. Конечно, не мало пришлось ему поработать и надъ этимъ простымъ слогомъ, надъ которымъ едва ли кто прежде работалъ, такъ что этотъ трудъ вѣроятно былъ начатками его будущихъ стилистическихъ трудовъ. Когда переводъ былъ оконченъ, президентомъ академіи была уже извѣстная княгиня Дашкова. Ей переводчикъ представилъ свою работу, которая по ея приказанію и была напечатана. „Книжка моя,—замѣтилъ впослѣдствіи Шишковъ,—простымъ своимъ слогомъ увеселяла дѣтей и наставляла ихъ въ благонравіи; они многіе изъ ней стихи наизусть читали, и родители ихъ принимали оную благосклонно, такъ что въ теченіе шестнадцати или семнадцати лѣтъ была она троекратно издана“. Она дѣйствительно была очень долго въ употребленіи въ русскихъ семействахъ, гдѣ обучали дѣтей грамотѣ [1]). Въ тридцатыхъ годахъ, въ

[1]) Гречъ въ своихъ запискахъ съ благодарностью говоритъ объ этой книжкѣ Шишкова, которую въ дѣтствѣ онъ выучилъ

своемъ дѣтствѣ, я еще слышалъ отъ нѣкоторыхъ лицъ не совсѣмъ пожилыхъ, которые произносили стихи, заученныя ими въ дѣтствѣ:

Хоть весною и тепленько
А зимою холодненько,
Но и въ стужѣ мнѣ не хуже.
Въ зимній холодъ
Всякій молодъ...

или:

Дорогой школьникъ шелъ
И финикъ онъ нашелъ,
Къ сластямѣ ребята падки,—
А финики вѣдь сладки.

Эти стихи я пишу по памяти, сохранившей ихъ съ устъ другихъ. Вѣроятно и теперь во многихъ захолустьяхъ Русской земли повторяются эти столѣтнія дѣтскія пѣсенки.

Къ этому же времени нужно отнести переводъ Шишкова какой-то французской моральной маленькой драмы „Благодѣянія пріобрѣтаютъ сердца“, но мы нѣсколько остановимся не на ней, а на оригинальной его пьескѣ, написанной въ 1780 г. Въ этомъ году императрица Екатерина II путешествовала. Въ ея отсутствіе назначено было торжественно открыть Петербургское намѣстничество. Директору театра Бибикову вздумалось ознаменовать этотъ день какимъ-нибудь особымъ театральнымъ пред-

---

наизусть.—„Русскій Арх.“ 1873. То же говоритъ и Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Семейная хроника“.

ставленіемъ въ честь императрицы. Темы искать было не нужно: она была наготовѣ. Не задолго до этого Екатерина послала значительную сумму денегъ въ Алжиръ для выкупа христіанскихъ невольниковъ, въ числѣ которыхъ былъ и русскій солдатъ. Бибиковъ хотѣлъ представить этотъ выкупъ въ дѣйствіи, и обратился къ Шишкову съ просьбою написать маленькую драму. Значитъ, въ это время Шишковъ уже успѣлъ прослыть за литератора, конечно, въ своемъ небольшомъ кружку. Онъ составилъ пьесу „Невольничество". Въ ней хотя онъ выказалъ довольно фантазіи, но она была не въ ладу съ естественностью. Нелѣпость вымысла скрасилась риторическими похвалами великодушію и щедрости императрицы, и успѣхъ пьесы и актеровъ былъ обезпеченъ. По возвращеніи Екатерины представленіе было повторено въ пользу тюремныхъ должниковъ. Въ числѣ зрителей былъ и великій князь Павелъ Петровичъ. Но драма ему не понравилась. Авторъ ея объясняетъ это тѣмъ, что въ ней не было упомянуто о немъ ни слова. Правда, Бибиковъ и Шишковъ спохватились о томъ еще передъ началомъ представленія, но было уже поздно. Этотъ промахъ былъ причиною, что великій князь, не знавшій до того Шишкова, обратилъ на него вниманіе, и хотя сначала сурово обошелся съ нимъ, но потомъ сблизился по другому поводу.

Занятія Шишкова въ Морскомъ корпусѣ вызывали его на труды по учебной литературѣ: онъ пере-

велъ съ французскаго языка „Морское искусство“ и составлялъ треязычный морской словарь (англійскій, французскій и русскій). Но война со Швеціею отвлекла его отъ этихъ трудовъ.

Въ то время, когда русскій корабельный флотъ уже дѣйствовалъ подъ командою адмирала Чичагова, наша гребная флотилія снаряжалась для дѣйствій подъ начальствомъ принца Нассау. За недостаткомъ настоящихъ моряковъ, которые всѣ были при Чичаговѣ, сюда назначались офицеры изъ гвардіи и арміи. Снаряженная такимъ образомъ, она выступила въ море, и когда проходила мимо Кронштадта, то Шишкову, служившему тамъ въ морскомъ корпусѣ, вздумалось посѣтить фрегатъ, на которомъ находился принцъ. Здѣсь все видѣнное имъ поселило въ немъ весьма невыгодное мнѣніе о флотиліи безъ моряковъ. Предубѣжденіе его не исчезло даже и черезъ нѣсколько дней, когда онъ услышалъ о громкой побѣдѣ, одержанной принцемъ Нассау надъ шведскимъ гребнымъ флотомъ. Въ Кронштадтѣ въ это время вооружался новый гребной фрегатъ „Св. Николай“. Шишковъ, произведенный въ чинъ капитана втораго ранга, былъ назначенъ на немъ командиромъ. Но въ этомъ году онъ не участвовалъ въ дѣлѣ, а съ весною 1790 г. получилъ приказаніе соединиться съ эскадрою вице-адмирала Крузе, когда шведскій флотъ приближался уже къ Кронштадту. Вскорѣ затѣмъ Крузе соединился съ Чичаговымъ, а фрегату „Св. Николай“

велѣно было поступить подъ команду принца Нассау. Составивъ уже невыгодное мнѣніе объ этомъ начальствѣ, Шишковъ захотѣлъ остаться при корабельномъ флотѣ и сталъ просить о томъ адмирала. Случай ему благопріятствовалъ, такъ какъ Чичагову нужно было исполнить, по особой инструкціи — опредѣлить командиромъ какого-либо судна присланнаго ею капитана Марчала. Тогда-то Чичаговъ и смѣнилъ Шишкова, котораго перевелъ къ себѣ на корабль, обѣщая при первой вакансіи назначить его командиромъ на какой-либо фрегатъ. Шишковъ былъ и тѣмъ очень доволенъ, не ожидая добра отъ гребной флотиліи и какъ бы въ силу предчувствія — дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени онъ получилъ поводъ сказать: „предчувствіе мое меня не обмануло“.

Шведскій флотъ съ королемъ попалъ въ Выборгскую губу; худая погода и вѣтры долго не позволяли ему выйдти оттуда. Русскій флотъ стерегъ его, имѣя передъ собою четыре непріятельскіе корабля, которые при самомъ входѣ въ губу заграждали фарватеръ. По всѣмъ распоряженіямъ русскаго адмирала можно было заключить, что онъ готовился къ нападенію на шведскій флотъ; ждали только прибытія нашей гребной флотиліи, которая еще не была готова. „Слухи о скоромъ ея приходѣ, — пишетъ Шишковъ, — приближали часъ къ столь важной развязкѣ положенія нашего съ непріятелемъ. Чрезвычайная скромность адмирала не подавала никогда

случая пристойнымъ образомъ узнать отъ него, точно ли онъ намѣренъ атаковать непріятеля и по собственному ли своему усмотрѣнію или по настоянію отъ верховной власти. Въ семъ сомнѣніи вздумалось мнѣ написать нѣчто касающееся до сихъ обстоятельствъ“. Здѣсь впервые у Шишкова проявилась страсть къ ораторству, т. е. стремленіе дѣйствовать убѣжденіями на извѣстныя лица и склонять ихъ въ пользу того или другаго дѣйствія. Эта страсть собственно и составляла талантъ его. Она поддерживалась патріотическимъ желаніемъ быть полезнымъ отечеству своимъ умомъ, который всегда и во всемъ руководствовался осторожностью. Въ своемъ разсужденіи Шишковъ доказывалъ, что для насъ выгоднѣе держать непріятеля взаперти, чѣмъ атаковать его. Непріятель ждетъ съ нетерпѣніемъ нападенія, въ надеждѣ воспользоваться многими благопріятными для него обстоятельствами, тогда какъ мы при атакѣ можемъ ожидать скорѣе всего такихъ случайностей, которыя будутъ для насъ крайне неблагопріятны. Притомъ же, въ случаѣ изнеможенія непріятеля, онъ лишается только морскихъ силъ; въ случаѣ же нашего изнеможенія, ему отворяются врата русской столицы. По заключенію Шишкова, намъ слѣдовало лишь выжидать, какъ непріятель самъ рѣшитъ свою судьбу. Его флотъ почти цѣлый мѣсяцъ пребывалъ въ такомъ тѣсномъ заключеніи, что даже король, по слухамъ, не могъ иначе переслать своего письма въ Швецію, какъ приславъ его

подъ открытою печатью къ графу Салтыкову, съ просьбою доставить въ Стокгольмъ; люди на ихъ флотѣ нуждались въ съѣстныхъ припасахъ и въ прѣсной водѣ. Такимъ образомъ, нужно было ожидать, что шведскій флотъ въ скоромъ времени сдастся или при первомъ благопріятномъ вѣтрѣ будетъ пытаться прорваться сквозь нашъ флотъ, и тогда наша побѣда будетъ несомнѣнна. Шишковъ совѣтовалъ только вооружиться терпѣніемъ. Это разсужденіе онъ передалъ адмиралу Чичагову съ просьбою прочитать его внимательно и потомъ сказалъ ему, правъ ли онъ? Черезъ два дня адмиралъ возвратилъ ему бумагу съ словами: „читалъ не одинъ разъ и совершенно согласенъ съ тобою, но думаю, что мы не то будемъ дѣлать“. Изъ этого Шишковъ заключилъ, что адмиралу приходилось дѣйствовать не по собственному разсужденію, а по настоянію изъ Петербурга. Такого рода отвѣты на свои бумаги Шишковъ не разъ слышалъ и впослѣдствіи.

Но обстоятельства направили дѣло такъ, какъ хотѣлось Шишкову: прежде чѣмъ русскій флотъ собрался напасть на шведскій, подулъ вѣтеръ, благопріятный шведамъ. Непріятель распустилъ паруса и смѣло и искусно сталъ пробиваться черезъ нашъ флотъ. Оплошность русскихъ командировъ помогла ему, такъ что онъ успѣлъ спасти большую часть своихъ судовъ, хотя и съ большими потерями. Вся гребная шведская флотилія была уже въ нашихъ рукахъ; но и ее упустили по нераспорядительности

принца Нассау, который въ скоромъ времени чувствительно поплатился за это. Шведы день 22-го іюня могли считать для себя счастливымъ, хотя мы и провозгласили себя побѣдителями. Въ реляціи о своей побѣдѣ Чичаговъ представлялъ въ числѣ отлично рачительныхъ и усердныхъ капитана второго ранга Шишкова. Послѣ на-скоро составленной реляціи, посланной съ сыномъ адмирала, была написана другая, подробная и обстоятельная, которую повезъ къ Екатеринѣ Шишковъ. „Пріѣхавъ прямо въ Царское Село (гдѣ находилась императрица),—разсказываетъ онъ,—явился я къ Трощинскому, который представилъ меня князю Безбородкѣ. Я удивленъ былъ довольно холоднымъ, какъ мнѣ казалось, пріемомъ; но удивленіе мое уменьшилось, какъ скоро услышалъ я, что за нѣсколько часовъ передо мною пришла печальная вѣсть о разбитіи шведами нашей флотиліи подъ начальствомъ принца Нассау (разбила его та же гребная флотилія, которую за нѣсколько дней онъ такъ опрометчиво выпустилъ изъ своихъ рукъ),—побѣда, едва не сравнившаяся съ нашею, въ которой потеряли мы до пятидесяти судовъ со множествомъ взятыхъ въ плѣнъ офицеровъ". По своей тупости, принцъ Нассау поставилъ нашу флотилію въ такое затруднительное положеніе, что ей оставалось гибнуть безъ всякой пользы, тѣмъ болѣе, что офицеры были не моряки и не могли распорядиться въ трудныхъ обстоятельствахъ. Здѣсь же погибъ и капитанъ Марчалъ, который замѣстилъ

Шишкова на фрегатѣ „Св. Николай". „Нельзя не подивиться,—восклицаетъ Шишковъ,—превратности случаевъ и безъизвѣстности судебъ человѣческихъ!".

„Опозданіе пріѣзда моего двумя или тремя часами въ Царское Село,—съ грустью приписываетъ онъ.—лишило меня многихъ выгодъ и того всемилостивѣйшаго пріема и бесѣдованія съ императрицею, какими, конечно, безъ сего предварившаго меня извѣстія, былъ бы я удостоенъ". Но онъ все же не остался безъ награды. На другой день позвали его во дворецъ. и князь Безбородко вручилъ ему пожалованную золотую шпагу съ надписью за храбрость и золотую. осыпанную бриллiантами табакерку, съ пятью стами червонцевъ. Императрица въ то время спѣшила въ Петербургъ; при ея выходѣ онъ былъ представленъ ей, и успѣлъ только поцѣловать ея руку [1]).

10 августа 1790 г. былъ подписанъ миръ,—и Шишковъ поселился въ Петербургѣ. Послѣ военныхъ тревогъ онъ снова обратился къ своимъ ученымъ занятіямъ; но, по своему характеру, онъ не былъ изъ числа тѣхъ, которые легко и ловко устраиваютъ свои дѣла. Ему нужно было получить высочайшій приказъ напечатать его книгу „Морское искусство" и для этого пришлось вытерпѣть много непріятностей. прежде чѣмъ она явилась въ свѣтъ въ 1793 г. За то эта книга послужила къ сближенію автора съ

[1]) Военныя дѣйствія россійскаго флота противъ шведскаго въ 1788, 89, 90 гг. по запискамъ адмирала Чичагова, составл. А. Ш. 1800 г.

великимъ княземъ. Его школьный товарищъ Кушелевъ, бывшій въ то время при наслѣдникѣ, посовѣтовалъ ему поднести книгу Павлу Петровичу, какъ генералъ-адмиралу, научивъ при этомъ, какимъ образомъ можно было снискать его расположеніе: слѣдовало, подавая книгу, стать на одно колѣно и поцѣловать руку. Шишковъ сдѣлалъ все это и доставилъ великому князю удовольствіе посмѣяться надъ дворомъ Екатерины, гдѣ не были вознаграждены труды его. Съ этого времени Шишковъ былъ на виду у наслѣдника. Скоро послѣ того другой случай доставилъ наслѣднику новое удовольствіе. Начальникъ черноморскаго флота, извѣстный Мордвиновъ, котораго Шишковъ называлъ своимъ другомъ и благодѣтелемъ, по казнямъ разныхъ лицъ, былъ отставленъ, а вмѣсто него назначенъ всесильный князь Зубовъ. Эта партія хотѣла привлечь къ себѣ Шишкова. Ему предложили видное мѣсто правителя канцеляріи при Зубовѣ по морской части. Шишковъ согласился принять его. Но пріятель его Кушелевъ далъ ему хорошій совѣтъ, спроситься прежде у великаго князя, какъ у генералъ-адмирала, которому будетъ очень пріятно, что это сдѣлается не безъ его воли. Шишковъ послѣдовалъ этому совѣту, получилъ согласіе великаго князя и заручился на будущее его расположеніемъ.

Отъ новаго правителя канцеляріи потребовали не одной службы. Для покровительства Зубова ему нужно было пожертвовать дружбою съ Мордвиновымъ и

сойтись съ его врагами. Но Шишковъ здѣсь не задумался показать свой характеръ, котораго, какъ видно, отъ него не ожидали, когда давали намеки, какими средствами можно пользоваться довѣренностью князя Зубова. Онъ далъ достойный отпоръ словами: „я еще отнюдь не знатный, ниже какой-либо важный человѣкъ; но ежели-бъ, когда и сдѣлался такимъ, то первые мои друзья всегда будутъ честь и правда, которымъ я ни для кого не измѣню".

Понятно, что Шишковъ оставался здѣсь въ тѣни и не хотѣлъ самъ напрашиваться на службу, только изрѣдка появляясь въ пріемной князя Зубова, гдѣ такъ многіе искали и ожидали себѣ милостей. Но 5 ноября 1796 г. ему пришлось въ послѣдній разъ заглянуть въ эту пріемную и не найти въ ней многолюднаго собранія. Это было въ день скоропостижной смерти Екатерины.

Вотъ какъ впослѣдствіи Шишковъ выразилъ впечатлѣніе этихъ дней: „Павелъ I воцарился. Никто не ожидалъ сей внезапной перемѣны. Кроткое и славное Екатеринино царствованіе, тридцать-четыре года продолжавшееся, такъ всѣхъ усыпило, что, казалось, оно, какъ-бы какому благому и безсмертному божеству порученное, никогда не кончится. Страшная вѣсть о смерти ея, не предупрежденная никакою угрожающею опасностью, вдругъ разнеслась и поразила сперва столицу, а потомъ и всю обширную Россію... Я вошелъ въ залу и столь же пораженъ былъ удивленіемъ, сколько удрученъ печалью. Пере-

мѣна сія была такъ велика, что не иначе показалась мнѣ, какъ-бы непріятельскимъ нашествіемъ. Дворецъ наполненъ былъ множествомъ разнаго рода людей, стоявшихъ неподвижно, съ изображенною на лицахъ скорбью и безпокойствомъ. Весь прежній блескъ, вся величавость и важность двора исчезли. Вездѣ въ немъ и вокругъ его появились солдаты съ ружьями. Знаменитѣйшія особы, первостепенные чиновники, управлявшіе государственными дѣлами, стояли какъ-бы лишенные уже должностей и званій, съ поникнутою головой, непримѣтные въ толпѣ народной. Люди малыхъ чиновъ, о которыхъ день тому назадъ никто не помышлялъ, никто почти не зналъ ихъ,—бѣгали, повелѣвали, учреждали. Въ одинъ часъ все такъ перемѣнилось, что, казалось, насталъ иной вѣкъ, иная жизнь, иное бытіе. Удивленный, смущенный отъ всего того, что̀ глазамъ моимъ представлялось, возвратился я домой съ печальными мыслями, съ сокрушеннымъ сердцемъ“ [1]).

Въ эти дни многимъ сильнымъ и даже несильнымъ лицамъ дѣйствительно пришлось дрожать за себя. Но Шишкову повидимому нечего было безпокоиться. Судьба его не была связана съ судьбою Зубова: какъ мы видѣли, онъ поступилъ на службу въ его канцелярію съ одобренія наслѣдника. Скорѣе онъ могъ выиграть съ новымъ царствованіемъ; но при своемъ болѣзненномъ настроеніи духа и отчасти мнитель-

[1]) Записки Шишкова, т. I.

номъ характерѣ, онъ припомнилъ то неудовольствіе, какое новый императоръ когда-то выказалъ ему, и съ трепетомъ ждалъ своей участи. Но страхъ былъ напрасенъ: Шишкову объявляютъ, что онъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга. Нужно было благодарить императора на **вахтъ-парадѣ** (екатерининскіе офицеры не знали даже этого слова). Морозъ сильный, а новопожалованный сидитъ дома на лекарствахъ съ предписаніемъ медицины беречься всего болѣе простуды. Какъ же простоять на морозѣ въ одномъ мундирѣ? Нужно было рисковать или жизнію, или службою. Шишковъ былъ не настолько неблагоразуменъ, чтобъ рѣшиться на первое, и не настолько смѣлъ, чтобъ отважиться на второе. Онъ придумалъ удачный выходъ изъ своего труднаго положенія. Онъ поѣхалъ на вахтъ-парадъ, но выбралъ себѣ мѣсто за толпою, гдѣ непримѣтно можно было стоять въ шубѣ, до той минуты, когда начнется представленіе государю. „Я смотрю во всѣ глаза,— разсказываетъ Шишковъ,—не смѣю мигнуть, чтобы не пропустить этой минуты. Тотчасъ, по наступленіи ея, сбрасываю съ себя шубу, продираюсь сквозь людей и кидаюсь на колѣни. Павелъ поднимаетъ меня, даетъ мнѣ поцѣловать руку свою и говоритъ: „Поди, поди домой. Я знаю, что ты боленъ, береги свое здоровье, ты мнѣ надобенъ“. И такъ, императоръ зналъ даже объ его болѣзни, значитъ интересовался имъ, и не скрылъ, что цѣнитъ его. На какую же службу могъ ему пригодиться Шишковъ? Однѣ на-

дежды на блестящую карьеру могли бы занимать его воображеніе. Но ежедневные примѣры быстраго возвышенія и паденія, и покровительства и кары мѣшали ему радоваться. Честолюбіе не соблазняло его. Онъ считалъ болѣе благоразумнымъ отдалиться отъ той почвы, гдѣ безпрестанно были взрывы, и для безопасности скрыться даже въ толпѣ. Предлогомъ послужило ему слабое его здоровье, которое беречь совѣтовалъ самъ государь. Не рѣшаясь просить объ отставкѣ, онъ просилъ годичнаго отпуска и получилъ его. Хотя онъ и остался въ Петербургѣ, такъ какъ ѣхать ему было некуда, но онъ былъ уже постороннимъ зрителемъ тѣхъ быстрыхъ перемѣнъ, которыя начались при дворѣ, и въ войскѣ, и во всемъ чиновномъ мірѣ. Все старое, екатерининское, одно за другимъ исчезло. Каждый день приносилъ какую-либо новость, а съ нею пересказы, шопотъ, толки, которые сопровождались горькими или насмѣшливыми улыбками. Съ глубокимъ огорченіемъ смотрѣлъ на все это Шишковъ, какъ человѣкъ, передъ глазами котораго оскорбляли все то, что онъ считалъ идеальнымъ: такимъ ему представлялось царствованіе Екатерины со всѣми его порядками. Онъ вращался въ томъ кругу, гдѣ было много блеска, довольства и счастія; ихъ не затмевали нѣкоторыя неудачи собственной его жизни. Онъ не зналъ того круга, гдѣ терпѣли отъ вельможескихъ злоупотребленій, отъ разныхъ призраковъ, созданныхъ французской революціей, и гдѣ имѣли поводы роптать и желать луч-

шаго. Свѣтлый образъ вынесъ онъ изъ этого царствованія и съ сокрушеннымъ сердцемъ смотрѣлъ на разрушеніе. Онъ такъ боялся, чтобы о немъ не вспомнили, что даже рѣдко выходилъ изъ дому, избѣгалъ всякихъ встрѣчъ. А между тѣмъ какъ-будто судьба противъ его воли заботилась объ его карьерѣ и тянула его впередъ. При дворѣ возвысился пріятель его Кушелевъ, не потерялъ значенія и графъ Безбородко; оба они, по словамъ Шишкова, доброхотствовали ему и при раздачѣ, или при расхваткѣ деревень выпросили и на его долю двѣсти пятьдесятъ душъ — въ Кашинскомъ уѣздѣ. „Даръ сей, — замѣчаетъ Шишковъ, — тѣмъ болѣе для меня былъ пріятенъ, что доходы мои заключались въ одномъ только весьма небольшомъ жалованьѣ“. Какъ ни скрывался онъ, но о немъ напомнили государю. Послѣ коронаціи, по возвращеніи изъ Москвы, императоръ назначилъ его въ эскадръ-маіоры при своей особѣ, хотя срокъ отпуска далеко еще не кончился. Пріятели не совѣтовали ему отказываться отъ службы изъ опасенія навлечь немилость государя. Онъ долженъ былъ принять назначеніе, хотя даже не зналъ обязанности этого новаго чина. Ему объяснили, что должность его—быть при государѣ и изъявлять его повелѣнія флагами, когда онъ пойдетъ въ море и будетъ командовать флотомъ. Этому назначенію, конечно, способствовала книга Шишкова о „Морскомъ искусствѣ“, о которой мы говорили и благодаря которой императоръ могъ убѣдиться въ учености Шишкова.

Къ веснѣ въ Кронштадтѣ вооружалась эскадра, которая должна была соединиться съ другою, вооружаемою въ Ревелѣ. Самъ императоръ, со всѣмъ своимъ семействомъ, хотѣлъ сопровождать ее на вновь построенномъ фрегатѣ „Эммануилъ“. Конечно, Шишковъ долженъ былъ быть при немъ и хотя не всегда успѣвалъ угождать ему, противорѣча такимъ необдуманнымъ его желаніямъ и приказаніямъ, которыя были несогласны съ правилами морскаго искусства; но неудовольствія скоро забывались. Послѣ десятидневнаго похода всѣ служившіе на фрегатѣ получили награды. Шишкову объявили, что онъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты его величества. „Я бросился на колѣни,—говоритъ онъ,—благодарить государя; онъ, надѣвая на меня орденъ св. Анны 2-й степени, сказалъ мнѣ: „ну, теперь ты мой домашній: старое забыто! а прежде я на тебя былъ очень сердитъ“. Восхищенный чрезвычайной радостью, поѣхалъ я за нимъ въ Петергофъ. Почти всю ночь не спалъ. Тысячи мыслей толпились въ моей головѣ. Я не могъ вѣрить случившемуся со мною; мнѣ казалось это сновидѣніемъ. Какъ, думалъ я, изъ малозначащихъ офицеровъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, вдругъ сдѣлался я, можно сказать, вельможею! Ибо, имѣя въ свѣжей памяти важное званіе генералъ-адъютанта при Екатеринѣ (званія, котораго фельдмаршалъ Суворовъ, при всемъ своемъ домогательствѣ, не могъ получить), мудрено ли было мнѣ мысленно летать

подъ небесами и почитать себя великимъ человѣкомъ? Но мечтанія мои не долго продолжались: на другой же день спустился я съ высокой горы на низкій холмикъ. Мнѣ досталось быть дежурнымъ. Я иду съ гордостью во дворецъ, думая тамъ всѣми повелѣвать. Меня зовутъ къ государю. Я вхожу къ нему. Онъ держитъ въ рукахъ записку и, отдавая мнѣ оную, говоритъ: справьтесь, такъ ли въ этой бумагѣ записано имя пріѣхавшаго сюда. И ежели такъ, то велите его отыскать. Зная, что онъ не жаловалъ, когда повелѣнія его медленно исполнялись, я вышелъ отъ него съ торопливостью и спросилъ: кто здѣсь подъ моимъ начальствомъ? Мнѣ съ холодностью отвѣчаютъ: никого!—Да какъ же? Государь приказалъ мнѣ справиться объ одномъ имени; надобно послать на шлагбаумъ, кого-жъ я пошлю? Мнѣ говорятъ: поди самъ! А между тѣмъ льетъ дождикъ; улицы грязны и шлагбаумъ отстоитъ почти на версту. Не знаю, что дѣлать, хочу самъ бѣжать, да боюсь отлучиться и опоздать".

Изъ такого затруднительнаго обстоятельства Шишкова выручилъ великій князь Константинъ Павловичъ, считавшійся петергофскимъ главнокомандующимъ. Изъ этого мы видимъ, что, при такомъ быстромъ, хотя и мнимомъ возвышеніи, и въ сердцѣ Шишкова стало шевелиться властолюбіе. Но обольщеніе было такъ минутно, что Шишковъ, какъ наклонный къ морали, могъ изъ него вывести себѣ только полезный урокъ. Эта новая служба, въ

качествѣ домашняго, была въ тягость Шишкову: ему поручались разныя мелочи, которыя не всегда можно было исполнять въ точности, а это легко навлекало гнѣвъ государя. За то моралисту было довольно матеріаловъ.

Въ это время Шишковъ выступилъ съ новымъ литературнымъ трудомъ. Его увѣрили, что государю будетъ очень пріятно и онъ щедро наградитъ того, кто представитъ ему описаніе его недавняго морскаго похода. Шишковъ составилъ поденныя записки и, напечатавъ вмѣстѣ съ разными чертежами, поспѣшилъ вручить Павлу. Хотя въ первую минуту трудъ былъ принятъ очень благосклонно, но когда книга была прочитана, то автору пришлось услышать сухое замѣчаніе: „вы много лишняго написали". И затѣмъ пришлось ломать голову и догадываться, что могло не понравиться августѣйшему читателю: лесть ли, которая была выражена не совсемъ ловко, такъ какъ она была дѣломъ непривычнымъ для непридворнаго моряка; или замѣтка о томъ, что Павелъ страдалъ отъ качки, тогда какъ онъ дорожилъ званіемъ моряка,—или что другое. Но въ своемъ безпокойствѣ бѣдный авторъ ни на чемъ не могъ остановиться. И еще урокъ: ни лестью, ни правдой не слѣдуетъ напрашиваться на награды! Нерѣдко важный генералъ-адъютантъ чувствовалъ себя и въ комическомъ положеніи. „Однажды,—разсказываетъ онъ,—смѣнялъ я генералъ-адъютанта Неплюева. Онъ сдалъ мнѣ

такое приказаніе, которое показалось мнѣ и странно, и непонятно: привелъ меня на маленькомъ дворикѣ къ нѣкоторому отверстію, куда—не знаю: въ погребъ ли или иное мѣсто — спускаются внизъ, и сказалъ мнѣ, чтобъ я чаще на эту дыру ходилъ смотрѣть. Я сперва подумалъ, что онъ шутитъ; но онъ увѣрилъ меня въ томъ; и когда я спросилъ о причинѣ, то онъ отвѣчалъ, что причина ему не объявлена. Приказъ сей навелъ мнѣ скуку часто ходить туда, не зная зачѣмъ, и притомъ погрузилъ въ нѣкое сомнѣніе, чтобъ мнѣ какъ-нибудь нечаянно не провиниться. Хотя государь продолжалъ всегда ко мнѣ быть милостивъ, но часто случавшіеся уже со мною непредвидимые мои проступки тревожили меня".

Тягостное чувство безпокойства иногда вызывало въ Шишковѣ рѣшимость и смѣлость, на которую не всякій бы отважился, но она сходила ему съ рукъ, можетъ быть потому, что въ ней проглядывала какая-то наивность. На него особенно наводила страхъ верховая ѣзда. „Я, служа всегда на морѣ,—пишетъ онъ,—не ѣзжалъ никогда верхомъ, и всякій разъ, ѣздя за государемъ, боялся, чтобъ не попалась мнѣ такая лошадь, съ которою я не управлюсь и которая легко можетъ вовлечь меня въ какую-нибудь бѣду. Не смѣя самъ объясниться съ нимъ, я нарочно всѣмъ это твердилъ, чтобъ какъ-нибудь до него дошло. Скоро случилось, что государь ѣдетъ обучать какіе-то полки. Я рѣшился

въ этотъ день не ѣхать за нимъ. Но какъ это сдѣлать? Долго думалъ я, и наконецъ вотъ что придумалъ: снарядился, какъ должно, для верховой ѣзды, то-есть обулся въ большіе сапоги и пошелъ за нимъ. Онъ, когда подведутъ ему лошадь, гладитъ ее и кормитъ сахаромъ. Въ это время всѣ адъютанты побѣгутъ садиться на своихъ лошадей. Я, напротивъ, остался и стою передъ нимъ, какъ стопочка. Онъ сѣлъ на лошадь, взглянулъ на меня, усмѣхнулся и, кивнувъ головою, сказалъ мнѣ: оставайся.—Съ тѣхъ поръ, ставъ свободенъ, я не иначе ѣздилъ на смотры и ученья, какъ за императрицею, съ придворными дамами, на линейкахъ. Всѣ надо мной смѣялись, но я радъ былъ, что избавился отъ верховой ѣзды и большихъ сапоговъ".

Послѣ этого Шишковъ, въ качествѣ моряка, сталъ позволять себѣ и другія вольности—устраняться отъ маневровъ и вообще избѣгать порученій. Императоръ сталъ замѣтно къ нему охлаждаться; но это уже мало печалило его: честолюбіе смягчалось моралью. Однимъ могла быть полезна ему для будущаго эта безпокойная служба: ему приходилось часто встрѣчаться съ молодымъ наслѣдникомъ Александромъ Павловичемъ и вступать съ нимъ въ бесѣду, въ которой будущій императоръ могъ оцѣнить его честность и прямоту.

III.

Поѣздка за границу.—Удаленіе отъ двора.—Смерть Павла.

Скоро Шишковъ совсѣмъ избавился отъ придворной службы. Ему было поручено ѣхать въ Вѣну и принять въ русскую службу голландскихъ морскихъ офицеровъ и матросовъ, которые должны были покинуть отечество по причинѣ нашествія французовъ. Быстро собрался Шишковъ въ дорогу; но въ Вѣнѣ онъ не нашелъ голландскаго графа Пфоффенгофена, къ которому былъ посланъ для переговоровъ. Нужно было ѣхать за нимъ въ Дрезденъ, но и тамъ его не оказалось. Убѣдившись, что это человѣкъ ненадежный, Шишковъ послалъ о томъ донесеніе къ императору и въ то же время просилъ позволенія ѣхать на воды въ Карлсбадъ. Отвѣтъ скоро пришелъ: въ немъ приказывалось возложенное на Шишкова дѣло оставить безъ всякаго исполненія, и позволялось, для собственныхъ надобностей, отправиться въ Карлсбадъ; но при этомъ возлагалась на него такая обязанность, которая и огорчила, и оскорбила его: имѣть прилежно наблюденіе за поступками всѣхъ русскихъ, которые окажутся въ Карлсбадѣ, особенно же за княземъ Зубовымъ, Орловымъ и Разумовскимъ; и если въ ихъ поведеніи примѣтятся какія худости, немедленно съ нарочнымъ присылать о томъ донесенія. „Смотри, братъ,

держи, ухо востро,—писалъ при этомъ по-пріятельски статсъ-секретарь Обрѣзковъ: къ тебѣ послано такое приказаніе, отъ котораго легко можешь попасть въ бѣду“. Человѣку съ шаткой нравственностью могло бы показаться пріятнымъ такое порученіе, имѣя въ виду прежнія отношенія къ нѣкоторымъ лицамъ, на которыя теперь указывалось. Но честнаго и прямодушнаго Шишкова возмущало это. „Сіе порученіе, которымъ я гнушался,—говорилъ онъ,—и сіи угрозы произвели во мнѣ и омерзеніе, и страхъ“. Конечно, онъ не могъ сдѣлаться шпіономъ; но нужно было постараться, чтобы не навлечь на себя и гнѣвъ. Зубовъ предупредилъ визитъ Шишкова еще въ Дрезденѣ, что вызвало опять мораль въ его думахъ. „Свиданіе наше для обоихъ насъ имѣло въ себѣ нѣчто необыкновенное,—говорилъ онъ.—Чрезъ такое короткое время, такъ еще свѣжее въ памяти нашей, изъ толь различнаго между нами состоянія,—онъ столько, если не больше, упалъ, сколько я возвысился. Прежде я приходилъ къ нему, какъ ожидающій отъ него великія и богатыя милости, съ трепетомъ,—а теперь онъ пріѣхалъ ко мнѣ съ нѣкоторою, можетъ быть, боязнью. О, счастіе!—воскликнулъ я, по отъѣздѣ его,—покуда очаровываешь ты чувства наши, по тѣхъ поръ кажешься существеннымъ и вѣчнымъ; но когда проходишь, тогда превращаешься въ мечту и сновидѣніе“.

Огорченіе Шишкова еще усилилось, когда онъ

узналъ, что повѣренный французскаго революціоннаго правительства разглашалъ въ Дрезденѣ, будто русскій генералъ возитъ съ собою большія денежныя суммы для того, чтобы подкупать нѣмцевъ воевать съ французами. Положеніе тѣмъ болѣе непріятное, что ему часто приходилось бывать у нашего посла и встрѣчаться съ посланниками другихъ иностранныхъ дворовъ. Впрочемъ, по собственному его сознанію, онъ проводилъ здѣсь время довольно весело; нерѣдко приглашали его къ столу, а иногда и на вечера къ саксонскому герцогу, который жилъ довольно скромно.

Изъ Дрездена онъ ѣздилъ на нѣсколько дней въ Лейпцигъ, гдѣ ежедневно, почти безвыходно, какъ говорилъ онъ, проводилъ время у опальнаго графа Орлова, который жилъ здѣсь съ семействомъ. Оно такъ понравилось нашему путешественнику, что онъ даже пересталъ досадовать на данный ему приказъ— слѣдить за русскими: „безъ того не смѣлъ бы и ходить въ домъ къ графу, — замѣчаетъ онъ, — опасаясь, чтобъ по какому-нибудь—неизвѣстному мнѣ— за мной присмотру, не подать на себя подозрѣнія“.

Наконецъ прибылъ Шишковъ и въ Карлсбадъ. Сюда скоро явились и Орловъ, и Зубовъ, и нѣсколько другихъ русскихъ; сюда же съѣхались и нѣсколько нѣмецкихъ принцевъ, курляндская герцогиня съ дочерьми, разные князья, графы, генералы. Въ такой компаніи пришлось лечиться Шишкову. Скоро графъ Орловъ окончательно выручилъ его изъ непріятнаго

положенія, въ какое онъ былъ поставленъ передъ русскими петербургскимъ приказомъ. Въ день имянинъ императора Павла (29іюня) Орловъ устроилъ для всего Карлсбада великолѣпный праздникъ, на которомъ участвовало все общество туземныхъ стрѣлковъ, еще прежде избравшее Орлова своимъ главою. Всѣ русскіе приглашены были къ обѣденному столу. Послѣ обѣда былъ театръ, гдѣ въ аллегорическомъ балетѣ выставленъ былъ бюстъ императора Павла, въ честь которому геніи пѣли разные стихи, напечатанные и розданные всѣмъ зрителямъ. Вечеромъ былъ блестящій балъ, съ роскошнымъ угощеніемъ и ужиномъ, за которымъ, при тостѣ за здоровье императора, палили изъ пушекъ, нарочно для того выписанныхъ. Домъ и вокругъ роща были блистательно иллюминованы и въ заключеніе сожженъ красивый фейерверкъ. Подробное описаніе всего этого праздника внесено въ лѣтопись Карлсбада, который въ то время былъ очень маленькимъ городкомъ. Шишковъ былъ особенно доволенъ и радъ, такъ какъ имѣлъ случай, безъ всякихъ хитростей, представить правдивое донесеніе объ усердіи и благонамѣренности опальнаго графа. Императоръ Павелъ такъ былъ доволенъ этимъ, что, несмотря на свое крайнее нерасположеніе къ Орлову, написалъ къ нему благодарственное письмо.

Много заботъ принесъ Шишкову и юноша Кутайсовъ, котораго онъ взялъ съ собою изъ Петербурга по усиленной просьбѣ его отца, одного изъ

самыхъ близкихъ лицъ къ императору. Желая угодить ему, Шишковъ обѣщалъ имѣть всякое попеченіе объ юношѣ и употребить все, что можетъ послужить къ его пользѣ. Но въ путешествіи юношѣ, какъ видно, не нравилась опека серьезнаго человѣка; безъ его вѣдома онъ пишетъ къ отцу, чтобъ тотъ позволилъ ему остаться въ Дрезденѣ, пока его менторъ будетъ лечиться въ Карлсбадѣ. Кутайсовъ-отецъ, сдѣлавшійся въ эти мѣсяцы при дворѣ самымъ сильнымъ вельможею, писалъ Шишкову, что предоставляетъ ему рѣшить вопросъ о сынѣ. Скрытность молодого человѣка огорчила Шишкова. Сдѣлавъ ему выговоръ, онъ взялъ его собою въ Карлсбадъ. Но юноша не угомонился. Не получая отъ своего спутника позволенія распоряжаться деньгами, какъ бы ему хотѣлось, онъ въ своихъ письмахъ къ отцу сплетничалъ на Шишкова и жаловался, въ надеждѣ такимъ способомъ избавиться отъ него. Одно изъ этихъ писемъ попало въ руки Шишкову и привело его въ крайнее замѣшательство. Онъ убѣдился, что за добро платилось ему зломъ и неблагодарностью. Сильно выбранивъ испорченнаго юношу, моралистъ не могъ этимъ ограничиться. „Ночью размышлялъ я,—пишетъ онъ,—какъ бы мнѣ въ семъ случаѣ лучше поступить: довесть ли это до свѣдѣнія отца или нѣтъ? Первое могло бы послужить къ моему оправданію, но за то изобличило бы непріятную для отца въ сынѣ его наклонность къ неблагодарности и лжи; во второмъ—представлялось мнѣ,

что жалобы сына его, буде онъ по прiѣздѣ возобновитъ ихъ, могутъ безъ объясненiя сего приключенiя показаться ему дѣйствительно справедливыми или, по крайней мѣрѣ, такими, къ какимъ вѣроятно подалъ я какой-нибудь поводъ. Сiе послѣднее, хотя и подвергало меня свободному злорѣчiю молодаго Кутайсова, безъ всякаго съ моей стороны предупрежденiя о настоящихъ тому причинахъ, однакожъ, я, жертвуя моими пользами, тишинѣ и миру отца съ сыномъ, предпочелъ оное первому". Остановившись на этой мысли, Шишковъ на другой день объявляетъ юношѣ, что рѣшается предать все забвенiю и что даетъ ему честное слово скрыть отъ его родителей, злостное письмо его, которое наканунѣ онъ обѣщалъ показать имъ и потребовать отъ него отчета въ его жалобахъ.

Хотя этотъ случай самъ по себѣ ничтоженъ, но мы приводимъ его, чтобъ выяснить нѣкоторыя черты характера Шишкова, у котораго мораль и поступки стоятъ въ тѣсной связи.

По окончанiи курса леченья Шишковъ направился черезъ Берлинъ къ Петербургу. Въ Подсдамѣ въ церкви онъ остановился передъ гробомъ Фридриха-Великаго и отошелъ отъ него съ слѣдующею моралью: вотъ пища къ размышленiю о суетности земной славы и о томъ, кто въ гордости ума своего, вопiя противъ церкви, долженъ, наконецъ, смиренно лежать въ ней.

Въ Берлинѣ, — замѣчаетъ онъ, — не хотѣлъ онъ

видѣть одного извѣстнаго француза, потому что „не могъ никогда терпѣть сихъ революціонныхъ вороновъ, съ такою жадностью пившихъ кровь человѣческую“.

Прибывъ въ Петербургъ, Шишковъ тотчасъ же явился къ государю. Первый вопросъ Павла былъ о Зубовѣ и Орловѣ: смирно ли они живутъ.—Сколько могъ я усмотрѣть,—отвѣчалъ онъ,—они преисполнены къ вашему в—у благоговѣніемъ и ведутъ жизнь самую кроткую. Слышать это императору было очень пріятно и онъ прибавилъ: я тебѣ вѣрю. Но у Шишкова вдругъ мелькнула боязливая мысль: ну, что какъ императоръ заподозритъ его въ неискренности. Чтобы не допустить его до этого, онъ еще поспѣшилъ прибавить: Государь, долгъ мой велѣлъ бы мнѣ донести вашему в—у правду даже и тогда, когда бы они были ближайшіе мои родственники или благодѣтели; но Зубову и Орлову я ничѣмъ не обязанъ, и потворствовать имъ не имѣю никакой причины.

Императоръ остался очень доволенъ Шишковымъ, особенно когда разсмотрѣлъ его денежные счеты, которые показались ему слишкомъ умѣренными. Но особенной награды не получилъ Шишковъ, хотя и ожидалъ ея. Въ этомъ онъ винилъ Кутайсова, подозрѣвая, что сынъ успѣлъ наговорить на него отцу.

Но не долго пришлось Шишкову быть при дворѣ. Въ первое же свое дежурство онъ навлекъ на себя немилость Павла, „Я съ дороги не успѣлъ еще отдохнуть, и долженъ былъ встать очень рано. При

смѣнѣ товарищъ мой сдаетъ мнѣ приказаніе, чтобъ въ извѣстный часъ поутру быть въ той комнатѣ, которую государь проходитъ мимо, когда изъ внутреннихъ своихъ покоевъ идетъ во внутренніе покои императрицы. Въ наставшее время пошелъ я туда, сѣлъ на мягкія бархатныя кресла и дожидаюсь выхода его величества. Довольно долгое ожиданіе, при моей усталости и спокойномъ положеніи, не взирая на всю мою предосторожность, усыпили меня, такъ что я не слыхалъ, когда государь отворилъ дверь и хотя скоро проснулся и вскочилъ, но это было поздно: онъ уже прошелъ мимо меня. Ужаснувшись такой бѣды, какъ ни досадовалъ я на себя, но пособить было нечѣмъ. Ожидаю со страхомъ возвратнаго пути и лишь только услышалъ его идущаго, тотчасъ вытягиваюсь какъ можно прямѣе, нахмуриваю лицо, чтобъ показать ему печаль мою и раскаяніе о содѣянной мною винѣ. Онъ прошелъ, имѣя видъ суровый и не взглянувъ на меня".

На другой день былъ отданъ приказъ—состоять Шишкову въ званіи члена въ адмиралтейской коллегіи. Опальный внутренно былъ радъ такому распоряженію, испытавъ на себѣ правду старинной пословицы: близъ царя—близъ смерти. Но императоръ все же не забылъ Шишкова и черезъ нѣсколько времени наградилъ орденомъ Анны первой степени и произвелъ въ вице-адмиралы.

Но разные страхи не переставали преслѣдовать пугливаго вице-адмирала. По случаю смерти Суво-

рова онъ написалъ довольно остроумные стихи, въ которыхъ характеризовалъ великаго полководца противоположеніями въ его жизни, какъ напр.:

Съ полками тамъ ходилъ, гдѣ чуть летаютъ птицы,
Жилъ въ хижинахъ простыхъ и покорялъ столицы;
Вставалъ по пѣтухамъ, сражался на штыкахъ,
Чужой народъ его носилъ на головахъ,
Одною пищею съ солдатами питался,
Цари къ нему въ родство, не онъ къ нимъ причитался.
Былъ двухъ имперій вождь, Европу удивлялъ,
Сажалъ царей на тронъ—и на соломѣ спалъ.

Эти стихи ходили въ рукописяхъ по городу противъ воли автора. Онъ дрожалъ отъ боязни, что они могутъ дойти до императора, который, сердясь на Суворова, не хотѣлъ оффиціально присутствовать даже на его похоронахъ. Но дѣло обошлось безъ бѣды. Скоро потомъ новое безпокойство. Заболѣлъ предсѣдатель адмиралтейской коллегіи графъ Кушелевъ, и съ докладами къ государю приказано было ходить Шишкову. Въ первый же день ему пришлось выслушать невыгодное мнѣніе Павла о Кушелевѣ, его пріятелѣ, будто онъ женился на богатствѣ и пошелъ въ холопы къ своей женѣ. Не могъ этого вытерпѣть прямодушный Шишковъ и сталъ выше своего страха передъ императоромъ, рѣшившись возразить ему: „Государь, можетъ быть, онъ нехорошо сдѣлалъ, что въ такихъ лѣтахъ женился, но я смѣю за него ручаться, что къ этому побудило его достоинство сей дѣвицы, а не богатство ея, въ

которомъ онъ, будучи столько отъ вашего в—а награжденъ, не имѣетъ никакой надобности". И эта смѣлость сошла съ рукъ Шишкову. Скоро по интригамъ честолюбиваго Рибаса, попавшаго въ милость, Шишковъ былъ устраненъ отъ докладовъ и успокоился на такомъ моральномъ выводѣ: властолюбивые люди, равно какъ и мучимые всегдашними подозрѣніями, готовы для всякой пустой тѣни пожертвовать всякимъ, о комъ возмечтаютъ, что онъ можетъ имъ повредить. Но Рибасъ не долго пользовался плодами своихъ интригъ: онъ умеръ, и Шишкову снова назначено являться къ императору. На этотъ разъ ему пришлось выносить разныя придирки, такъ что бѣдный докладчикъ, по собственному его признанію, всегда входилъ въ кабинетъ государя со страхомъ и трепетомъ. Наконецъ, графъ Кушелевъ выздоровѣлъ. „Я сдалъ ему мои доклады, — замѣчаетъ Шишковъ, — и отправился благополучно домой, радуясь, что могу отъ безпокойства и страха отдохнуть". Но еще разъ и уже послѣдній, суждено ему было сильно перетревожиться. Ночью на 12-е марта 1801 г. слуга будитъ Шишкова и докладываетъ, что за нимъ присланъ фельдъегерь. „Я вскочилъ,—говоритъ Шишковъ,—съ ужасомъ разбудилъ жену и говорю ей: прости, меня зовутъ, и въ эту пору; какая-нибудь бѣда случилась со мною! Прости, можетъ быть, я не возвращусь". Не зная за собою никакой вины, онъ былъ увѣренъ, что на него была взведена какая-либо клевета, благодаря

которой его вѣроятно ожидаетъ ссылка, — судьба уже многихъ его сослуживцевъ. Но страхъ былъ напрасенъ, то былъ не фельдъегерь, а матросъ, который объявилъ ему о кончинѣ государя и о приказѣ съѣзжаться на утро въ адмиралтейскую коллегію для присяги новому императору.

Такимъ образомъ и Шишкову, хотя уже послѣ смерти больнаго духомъ Павла, пришлось испытать чувство, соединенное со словомъ „ссылка", если Богъ отъ нея избавилъ его во все это царствованіе. „Я не могу объяснить чувствъ, — говорилъ онъ, — какія внезапная сія вѣсть произвела во мнѣ; хотя, съ одной стороны, благодарность за благодѣянія его ко мнѣ и рождала въ сердцѣ моемъ печаль и сожалѣніе; но съ другой —, освобожденіе отъ безпрестаннаго страха, въ какомъ я и почти всякій находился, смѣшивало печаль сію съ нѣкоторою радостью". Дѣйствительно, много пришлось ему перечувствовать въ эти годы, хотя въ то же время служебныя отличія были ему наградою за эти тяжелыя чувства. Подъ впечатлѣніемъ всѣхъ событій, какія совершались на его глазахъ, Шишковъ дѣлаетъ такую характеристику императору Павлу: „Нельзя сказать, чтобъ онъ былъ злонравенъ или чуждъ способностей разума. Причиною сей крутой пылкости, часто затмевавшей разсудокъ его, должно полагать во-первыхъ ложное понятіе о худомъ и слабомъ, по мнѣнію его, правленіи матери своей, которое будто бы, а особливо по военной части, над-

лежало исправить перемѣнами и строгостями, и во-вторыхъ боязливая и всегда опрометчивая подозрительность, преклонявшая слухъ его ко всякимъ доносамъ, кои, волнуя въ немъ кровь и устрашая воображеніе, побуждали его, для мнимаго предупрежденія угрожающихъ послѣдствій, предпринимать поспѣшно и необдуманно такія мѣры, которыя скорѣе навлекать, нежели отвращать ихъ могли. Несчастная подозрительность сія представляла ему вездѣ опасности. Наушники потрясали довѣренность его даже и къ тѣмъ самымъ, которые были у него въ великой милости. Самый образъ жизни его долженствовалъ также много способствовать къ содѣланію нрава его суровымъ и мрачнымъ: онъ вставалъ рано и въ шесть часовъ утра садился уже выслушивать доклады, въ которыхъ помѣщаемы были подробныя донесенія о болѣзняхъ, смертяхъ, убійствахъ, злонамѣреніяхъ и всякихъ несчастіяхъ или преступленіяхъ, въ томъ или другомъ мѣстѣ толь обширнаго государства случившихся. Ежедневныя или по крайней мѣрѣ частыя тотчасъ по пробужденіи отъ сна выслушиванія сихъ обстоятельствъ, безъ сомнѣнія, возмущали въ немъ духъ и располагали чувства его къ угрюмости и гнѣву. Послѣ докладовъ съ сими мрачными мыслями обыкновенно спѣшилъ онъ на вахтъ-парадъ обучать офицеровъ и солдатъ, гдѣ, какъ въ это время, такъ и въ остальные часы дня всѣ приказы и дѣйствія его отзывались утренними впечатлѣніями. Вездѣ казались ему измѣны, непо-

въ виду лишь тотъ либеральный духъ, съ какимъ она явилась на русскомъ престолѣ. Онъ полагалъ, что законы и государственныя учрежденія должны цивилизовать и облагораживать народъ, должны дать ему свободу широко развивать человѣческое достоинство въ жизни и съ нимъ нравственный идеалъ человѣка. Увлеченный этимъ идеаломъ, онъ не могъ безъ сердечной боли выносить ничего рабскаго, гнетущаго духъ, унижающаго достоинство. Лица, которыя на первый разъ онъ могъ выбрать себѣ помощниками, составлявшія кругъ интеллигентный русскаго общества, съ стремленіями болѣе высшими, не совсѣмъ эгоистическими, распадались на нѣсколько группъ. Одни изъ нихъ, какъ и Шишковъ, принадлежавшіе старому поколѣнію, были дѣльцы, цѣнившіе старыя формы, знавшіе законы изъ собственной практики, заслуженные, правдивые, неподкупные, считавшіе себя опытными и потому способными направлять молодаго государя; сюда относились Трощинскій, Державинъ, Мордвиновъ, и нѣкоторые другіе. Другая группа можетъ быть названа теоретиками. Это люди сравнительно молодые, знакомые съ новѣйшими западными политическими теоріями, увлекавшіеся ими, мечтавшіе, что ихъ легко провести въ государственное управленіе; одни изъ нихъ воспитались за-границею, преимущественно въ Англіи, и ее взяли себѣ за идеалъ, пользовались дружескимъ расположеніемъ государя, когда онъ былъ еще великимъ княземъ, какъ: Новосильцевъ, Строга-

новъ, Кочубей, Чарторыжскій; другіе еще прежде пострадали за свои неосторожныя либеральныя выходки, какъ Радищевъ; третьи, наконецъ, только начинали свою службу, но уже успѣли выказать свои таланты и рвеніе къ службѣ, какъ Сперанскій. Всѣ были либералы въ полномъ значеніи, всѣ съ хорошими стремленіями, но незнакомые съ дѣйствительною жизнію Русскаго государства и народа. Еще была группа людей, на время притихшихъ, подавленныхъ въ послѣдніе годы Екатерины—массоны, мистики, которые не дорожили ни формами, ни теоріями, а стремились перерабатывать чувственнаго и плотскаго человѣка въ духовнаго, ожидая какого-то возрожденія государства, черезъ что будтобы падетъ лжеименный разумъ и на землѣ водворится первобытная церковь Христова. Одни изъ нихъ увлекались болѣе, другіе менѣе этими идеями, какъ напримѣръ, Новиковъ, въ то время впрочемъ уже разслабленный, Лабзинъ, Голицынъ, Лопухинъ и др. Прочіе всѣ составляли массу эгоистовъ, думавшихъ только о себѣ, о своихъ выгодахъ, о наживѣ, о карьерѣ—это люди, выслужившіеся при Павлѣ, какъ: Кутайсовъ, Аракчеевъ, Растопчинъ, или стремившіеся выслужиться всякими путями, какъ Магницкій, Руничъ.

Въ первые дни Александръ въ текущемъ управленіи дѣлами довѣрился Трощинскому, который въ качествѣ перваго статсъ-секретаря докладывалъ ему о всемъ, что требовало его разрѣшенія. Но сердцемъ онъ былъ съ молодыми теоретиками, которымъ онъ со-

чувствовалъ, подготовленный къ тому воспитаніемъ и направленіемъ своего ума. У нихъ въ теоріи уже было рѣшено, въ какомъ духѣ слѣдуетъ управлять государствомъ. Нужно было обсудить, какъ провести эту теорію въ практику, для чего подъ предсѣдательствомъ государя и составился тайный комитетъ изъ лицъ, которыхъ онъ называлъ своими друзьями. Это были графъ Строгановъ, родственникъ его Новосильцевъ, Кочубей и Чарторыжскій. Они представляли тогдашнюю администрацію имперіи, какъ безобразное зданіе, смотрѣли на нее какъ на больнаго, котораго нужно лечить методически [1]). Въ другихъ группахъ было извѣстно, что въ комитетѣ готовятся коренныя преобразованія. Но дѣльцы на нихъ смотрѣли съ сомнѣніемъ. Молодость и неопытность членовъ комитета возбуждали недовѣріе; боязнь вліянія новыхъ идей вызывала опасенія. Разнообразные толки о личностяхъ друзей государя были не въ ихъ пользу. О Строгановѣ говорили, что онъ воспитывался въ Парижѣ въ разгаръ революціи, что у него гувернеромъ было якобинецъ Роммъ, который посѣщалъ съ своимъ питомцемъ клубъ жакобиновъ, а потомъ ничѣмъ не уступалъ Робеспьеру. Новосильцева считали англоманомъ, съ ненавистью смотрящимъ на все русское и мечтающимъ объ англійской конституціи. Чарторыжскій представлялся опаснымъ полякомъ, который не можетъ пожелать

[1]) Протоколы засѣданій комитета, веденные Строгановымъ. „Вѣстникъ Европы", 1866. Т. I.

добра Россіи. О самомъ императорѣ говорили, что онъ воспитанъ либераломъ Лагарпомъ, который самъ теперь сдѣлался революціонеромъ: онъ посѣялъ въ сердцѣ своего питомца тѣ же сѣмена, которыя произвели всѣ ужасы французской революціи. Если эти толки доходили до императора, то они не могли смутить его. Онъ успѣлъ узнать своихъ сотрудниковъ еще тогда, когда не предполагалъ, что ему скоро придется царствовать. Въ слѣдующихъ словахъ высказывается прекрасная душа его: „мнѣ нужно уважать тѣхъ, съ коими я работаю; лишь при этомъ условіи я могу имѣть къ нимъ довѣріе; о ропотѣ я мало забочусь; онъ обыкновенно есть лишь выраженіе духа партіи [1])“.

Шишковъ раздѣлялъ взглядъ дѣльцовъ на ближайшихъ сотрудниковъ императора, но, не зная объ ихъ прежней дружбѣ, онъ полагалъ, что они овладѣли государемъ, въ первые дни его воцаренія, по оплошности стариковъ, которые въ его глазахъ были настоящими государственными людьми. Ихъ-то собственно онъ и винитъ въ томъ, что надежды солидныхъ людей не исполнились; а эти надежды были такія свѣтлыя, утѣшительныя. „Самый поворотъ отъ хладной зимы къ яснымъ и теплымъ днямъ весны,— писалъ онъ потомъ въ своихъ воспоминаніяхъ, казалось предвѣщалъ, съ уничтоженіемъ худо-введенныхъ новизнъ, оборотъ на старый, благотворный

---

[1]) Письмо его къ Чарторыжскому „Русскій Архивъ“, 1871 г.

образъ правленія. Можетъ быть, не взирая на трехлѣтнюю, при неопытной молодости, привычку къ симъ новизнамъ, и сбылось бы сіе ожиданіе, еслибъ окружающіе юнаго царя пожилые люди и старики составили единодушную окрестъ его стражу, не отлучаясь отъ него, а особливо при самомъ началѣ, ни на одну минуту; еслибъ, сравнивая два послѣднія царствованія, твердили ему, какъ первое изъ нихъ долговременно процвѣтало и величіемъ, и славою, и благоденствіемъ, и какъ, напротивъ, второе, оставившее съ ненавистью пути великой Екатерины...— продолжалось столь кратковременно; еслибъ, говорю, истребляя мало по малу всѣ нововведенныя худости, прежде нежели онѣ выростутъ и усилятся, и приведя все гражданское и нравственное въ прежній порядокъ и устройство, пріучили они государя, еще неискуснаго и младаго, обращать вниманіе свое на важныя государственныя дѣла и занятія, а не на тѣ, которыхъ существенная часть состоитъ въ одной только наружности и увеселеніи зрѣнія: тогда бы вѣрно принесли они великую пользу ему и царству. Но, вмѣсто сего, обуянные радостью перемѣны и безопасностью своею, пустились они въ многолюдныя пиршества, на которыхъ за пышными столами, съ шумомъ и крикомъ, распивали шампанскія и венгерскія вина, били рюмки и стаканы, читали стихи, прославляли при всѣхъ служителяхъ гласно и громко низверженіе тиранства и возстановленіе спокойствія“.

Изъ этихъ словъ видно, что Шишковъ не зналъ и не понималъ молодаго государя. Ему казалось, что старики могли бы дать ему какое угодно направленіе, лишь бы только употребить нѣкоторые педагогическіе пріемы. Но кто изъ нихъ былъ тотъ искусный педагогъ, который, не пользуясь прежде нравственнымъ на него вліяніемъ, могъ бы сразу овладѣть волею молодаго человѣка, которому, впрочемъ, уже давно было за двадцать лѣтъ, уже женатаго и усвоившаго себѣ извѣстные взгляды? Кто изъ этихъ уподобившихся школьникамъ, почувствовавшимъ себя на свободѣ, могъ взять на себя такую задачу, какая представилась фантазіи Шишкова? Онъ, какъ моралистъ, думалъ, что достаточно извѣстной морали и нравоучительныхъ примѣровъ, чтобы овладѣть такой натурой, какова была натура императора Александра; но это было бы трудно даже и въ годы болѣе юные, чѣмъ онъ былъ, вступая на престолъ.

„Шумныя празднества сіи, — продолжаетъ Шишковъ, — устрашили дворъ и дали время оставленному царю сблизиться съ подобными себѣ молодыми людьми, заступившими мѣсто веселящихся и празднующихъ. Окруженный ими, вскорѣ почувствовалъ онъ власть свою и чрезъ нѣсколько дней пирующіе и притомъ же неимѣвшіе должнаго между собою единодушія, увидѣли въ немъ повелителя, не требовавшаго болѣе руководства ихъ. Они должны были умолкнуть и уступить новому образу мыс-

лей, новымъ понятіямъ, возникшимъ изъ хаоса чудовищной французской революціи. Молодые наперстники Александровы, напыщенные самолюбіемъ, не имѣя ни опытности, ни познаній, стали всѣ прежнія въ Россіи постановленія, законы и обряды порицать, называть устарѣлыми, невѣжественными. Имена вольности и равенства, пріемлемыя въ превратномъ и уродливомъ смыслѣ, начали твердиться предъ младымъ царемъ, имѣвшимъ, по несчастью, наставникомъ своимъ француза (швейцарца) Лагарпа, внушавшаго ему таковыя же понятія. Избранные по сходству мыслей любимцы сіи, поставляя главнѣйшее достоинство свое въ презрѣніи къ чинамъ и знакамъ отличій, вздумали безъ нихъ и безъ всякихъ заслугъ, по одной къ нимъ привязанности монаршей, сдѣлаться и законодателями, и вельможами, и полководцами, равняясь со всѣми, хотѣли быть выше всѣхъ. Такимъ образомъ, торжественное обѣщаніе царское — идти по стопамъ бабки своей — не исполнилось“.

Изъ этихъ словъ видно, что особенно оскорбляло заслуженныхъ дѣльцовъ и чего они не могли простить членамъ тайнаго комитета — молодымъ, безчиновнымъ и безъ видимыхъ знаковъ отличій. Въ ихъ глазахъ это были отрицательныя качества и не могли входить въ идеалъ государственнаго человѣка.

Шишковъ даже написалъ, въ посланіи къ своему другу А. С. Хвостову, сатирическое стихотвореніе на тогдашнихъ политическихъ дѣятелей. Вотъ его начало:

Рѣши, Хвостовъ, задачу:
Я шелъ гулять на дачу,
Туда же и Глупонъ;
Весь въ блесткахъ, златѣ онъ,
Съ лорнетомъ при зеницѣ
Съ massue d'Hercule [1]) въ десницѣ...
Жеманится, кривится,
Зоветъ меня съ собой.
Не лучше ль воротиться
Отселѣ мнѣ домой?

Въ этомъ описаніи видѣли князя Чарторыжскаго; другіе, по свидѣтельству современниковъ, также описаны рѣзкими красками. Хвостовъ отвѣчалъ Шишкову добавочными рѣзкостями, заключивъ свои стихи замѣчаніемъ, что умный человѣкъ

Считаетъ дурака за тучу
И радуется, какъ пройдетъ [2]).

Замыслы комитета были дѣйствительно очень широки; у нихъ заходила рѣчь даже о правахъ Habeas corpus; но порывы фантазіи быстро охлаждались, когда приходилось спускаться къ дѣйствительности. Слѣдуетъ хорошенько подумать,—записано въ одномъ изъ протоколовъ,—не будетъ ли правительство вынуждено иногда нарушать Habeas corpus, а въ такомъ случаѣ лучше ужъ и не принимать его. Но, увлекаясь крайними преобразовательными идеями,

---

[1]) Тогда была мода ходить съ толстыми сучковатыми палками.

[2]) Записки Греча—„Русскій Архивъ“, 1873 г.—Воспоминанія Аксакова, „Семейная хроника“.

они не покидали мысли, что новыя учрежденія слѣдуетъ привязывать къ нашимъ древнимъ учрежденіямъ и что новое уложеніе должно вытекать изъ истиннаго народнаго духа. Но эта справедливая мысль должна была остаться только въ теоріи. Кто же изъ нихъ, да и изъ всѣхъ чиновныхъ дѣльцовъ зналъ народный духъ? Въ тайныхъ комитетахъ ничего не можетъ дѣлаться на основаніи народнаго духа. Для этого прежде всего нужна самая широкая гласность, о которой не было и рѣчи. Обманывались близкіе совѣтники государевы въ своихъ силахъ; не менѣе обманывались и тѣ, которые порицали ихъ: со своими отжившими идеалами они бы тоже ничего не сдѣлали: но такъ какъ у нихъ не было воли помѣшать увлекающимся теоретикамъ, то скоро они стали считать себя правыми, когда преобразованія оказались не совсѣмъ удачными; за ними осталась роль обвинителей и судей.

Заболѣлъ предсѣдатель адмиралтейской коллегіи, адмиралъ Мордвиновъ, заступившій мѣсто вышедшаго въ отставку графа Кушелева. Съ докладами сталъ ходить къ государю Шишковъ. Въ одинъ день,—говоритъ онъ,—пріѣхалъ я въ Гатчину. Трощинскій, по выходѣ отъ государя, прочиталъ мнѣ, съ пасмурнымъ лицомъ, новое въ Россіи учрежденіе министерствъ, вмѣсто коллегій (8 сент. 1802 г.). Признаюсь, что сія перемѣна, разрушившая постановленіе Петра Великаго и Екатерины II крѣпко меня опечалила: казалось мнѣ, что многое послѣ

сего не устоитъ на своемъ мѣстѣ и что новый порядокъ и новое преобразованіе вещей едва ли поведутъ насъ по лучшему пути, нежели тотъ, который проложенъ былъ толь мудрыми монархами". Хотя въ числѣ министровъ были назначены и пріятели Шишкова — Мордвиновъ (морскимъ), Державинъ (юстиціи); но и это не успокоило его. Александръ не хотѣлъ отдаться одной партіи, онъ искалъ людей для осуществленія своихъ плановъ и хотѣлъ испытать силы лицъ, которыя пріобрѣли себѣ опытность въ предшествовавшее царствованіе и были у него на виду, какъ люди честные и усердные. Онъ думалъ отъ нихъ слышать указаніе на ошибки наскоро составленнаго устава о министерствахъ и на средства исправить ихъ. Но, сводя къ одной дѣятельности старыхъ и молодыхъ, практиковъ и теоретиковъ, онъ не предвидѣлъ, что между ними выйдутъ интриги, съ одной стороны порицанія, съ другой—неудовольствія, и въ недолгомъ времени придется кѣмъ-нибудь пожертвовать. Трощинскій прежде всѣхъ имѣлъ возможность выказать передъ императоромъ свои убѣжденія, которыя не подходили къ замышляемымъ преобразованіямъ, и онъ первый лишился довѣрія государя. Съ учрежденіемъ министерствъ всѣ личные доклады перешли отъ него къ Новосильцеву, которому поручено и управленіе дѣлами комитета министровъ. Трощинскій видѣлъ все зло въ новой философіи, что онъ повторялъ спустя даже много лѣтъ. Онъ находилъ, что старое коллегіальное управленіе

либеральнѣе новаго—министерскаго, такъ какъ первое болѣе ограждаетъ личность отъ чиновничьяго произвола, министерское же есть не что иное, какъ канцелярское, т. е. форма такого управленія, въ которомъ каждое обстоятельство зависитъ отъ произвольнаго сужденія одного чиновника. Такимъ образомъ, новый уставъ не достигалъ той цѣли, какую имѣлъ императоръ—обезпечить благоденствіе народа. „Министры,—говорилъ Трощинскій,—которымъ все подчинено, находятся сами въ величайшей зависимости отъ подчиненныхъ. Если нѣтъ возможности воспрепятствовать дѣйствію воли министровъ, то и нѣтъ ничего легче, какъ употребить во зло ихъ довѣренность. Въ тѣхъ дѣлахъ, кои особенно интересуютъ министровъ и на которыя они обращаютъ особенное вниманіе, министры—настоящіе суперъарбитры; во всѣхъ же прочихъ они только слѣпыя орудія своихъ чиновниковъ всякаго званія, которые всѣ пользуются равною привиллегіею обманывать ихъ, не подвергаясь никакому законному взысканію“[1]).

Мнѣніе Трощинскаго раздѣлялъ Шишковъ и многіе изъ ихъ сверстниковъ. Но они не хотѣли видѣть, что тутъ виноваты не новыя идеи, а слишкомъ поспѣшныя работы, при которыхъ онѣ не могли выработаться въ надлежащихъ формахъ. Ихъ работамъ недоставало того, что императоръ Александръ приписывалъ Наполеону, какъ государственному че-

[1]) Сборникъ Рус. Историч. Общ., ч. III.

ловѣку. По свидѣтельству князя Чарторыжскаго, Александръ говорилъ: одна изъ любимыхъ поговорокъ Наполеона та, что во всякомъ дѣлѣ прежде всего нужно отыскать методъ, что нѣтъ такой трудной вещи, съ которою не можно бы было справиться, если только придумать надлежащій способъ дѣйствій; что если только этотъ послѣдній отысканъ, остальное ничто; но что, съ другой стороны, какъ бы ни было просто дѣло, не слѣдуетъ за него приниматься, не отыскавши къ тому надлежащаго метода: иначе все испортишь и не достигнешь никакого результата [1]).

Нельзя не согласиться съ этими словами, если только еще прибавить, что при отыскиваніи метода слѣдуетъ держаться опредѣленныхъ нравственныхъ принциповъ, чего часто недоставало Наполеону. У императора Александра они были, но о методахъ не думалъ позаботиться никто изъ его сотрудниковъ. Державинъ въ первыя же засѣданія настаивалъ, что необходимо составить основательныя инструкціи для каждаго министра по его должности, что безъ нихъ не будетъ отъ министерскаго комитета въ государственныхъ дѣлахъ никакой пользы, ни успѣха, а, напротивъ, будутъ впадать въ обязанности одинъ другаго, перессорятся, и все пойдетъ въ безпорядокъ; „но господа сочлены, — прибавляетъ Державинъ, — всѣ возстали“. „И пошла путаница день ото дня

---

[1]) „Рус. Арх.“. 1871 г. Письма Чарторыжскаго.

болѣе,—замѣчаетъ онъ,—и стали сами по себѣ приходить законы въ неуваженіе день ото дня болѣе; все пошло по прихотливой волѣ каждаго министра, въ распоряженіе коего никто не долженъ былъ вмѣшиваться, и спала съ господъ министровъ всякая обузданность, а потому и забота; стали дѣлать, что кому захотѣлось“ [1]). Державину пришлось даже защищать монархизмъ въ качествѣ генералъ-прокурора противъ нѣкоторыхъ сенаторовъ, поддерживавшихъ слишкомъ либеральныя мнѣнія графа Потоцкаго, которому впрочемъ сочувствовалъ государь. Горячій къ тому, что ему казалось правдой, Державинъ не щадилъ ни чьихъ самолюбій. Противъ него стали наговаривать государю, жалуясь, будто онъ старается тормозить всѣ дѣла, и государь сталъ охладѣвать къ нему, иногда при его замѣчаніяхъ высказывать досаду и, наконецъ, отставилъ его, замѣтивъ, что онъ очень ревностно служитъ [2]). Державинъ съ злорадствомъ, въ своихъ запискахъ, прибавляетъ, что „послѣ онъ утѣшился тѣмъ, когда, послѣ его отставки, доведено стало государство до близкой въ 1812 году погибели“.

Въ такомъ настроеніи находились многіе изъ прежнихъ дѣльцовъ. Недовольные стали разсуждать, что Россія падаетъ; нѣкоторые доказывали это даже „Наказомъ“ Екатерины, статьею о примѣтахъ паденія государствъ: всѣ эти примѣты находили въ

---

[1]) Записки Державина, стр. 456—8.

[2]) Тамъ же, стр. 494.

тогдашнемъ положеніи. Другіе съ злорадствомъ поддакивали на такія доказательства [1]). Шишковъ также замѣтилъ, что государь становился къ нему холоднѣе. Конечно, Александръ не могъ не замѣтить, чью сторону держитъ адмиралъ. Шишковъ объяснялъ себѣ причину охлажденія интригами возвысившагося Чичагова, сына извѣстнаго екатерининскаго адмирала. Онъ также можетъ быть отнесенъ къ теоретикамъ, воспитывался въ Англіи, и говорили, что научился тамъ презирать свою родину. Вотъ какъ характеризуетъ его сторонній наблюдатель графъ Ж. де-Местръ: „Рѣчи его отличаются смѣлостью, которую можно бы назвать инымъ именемъ. Такъ какъ онъ очень уменъ и самобытенъ, то его тонкія и мѣткія остроты уязвляютъ глубоко. Онъ считается рѣшительнымъ сторонникомъ Франціи; но это не такъ вѣрно, какъ думаютъ, ибо несомнѣнно, что онъ вынесъ изъ Англіи весьма замѣтное уваженіе къ этой странѣ. Полагаютъ, что у него въ головѣ не мало французскихъ идей; но трудно въ этомъ убѣдиться, такъ какъ онъ всему противорѣчитъ единственно для забавы“ [2]).

Понятно, чѣмъ Чичаговъ могъ возвыситься во мнѣніи государя и стать въ числѣ его приближенныхъ. Государь произвелъ его въ вице-адмиралы и сдѣлалъ товарищемъ морскаго министра Мордвинова, съ правомъ, не министру, а ему, ходить съ докла-

---

[1]) „Рус. Архивъ“, 1873 г. Записки Греча.

[2]) Письма де-Местра въ Италію въ 1808 г. „Рус. Арх.“ 1871 г.

дами къ государю. Этимъ нанесена была обида и Мордвинову, который, послѣ нѣсколькихъ другихъ интригъ, вышелъ въ отставку, а его мѣсто заступилъ Чичаговъ и, такимъ образомъ, сталъ выше Шишкова. Скоро между ними произошло явное столкновеніе. „Чичаговъ,—разсказываетъ Шишковъ—желая отличить себя новою выдумкою, испросилъ чудный указъ, по которому должно было обходить всякаго, кому положенъ будетъ хоть одинъ черный или сомнительный шаръ (при баллотировкѣ для производства въ слѣдующій чинъ). Я, какъ членъ коллегіи, находился при началѣ сей баллотировки и когда, во время продолженія оной, прочитали сіе новое постановленіе, тогда я всталъ и сказалъ, что я не кладу моего шара закрытымъ образомъ, а прошу всякій разъ, какъ вынутъ шары изъ ящика, прилагать къ нимъ шаръ мой всегда бѣлый. — „Зачѣмъ это?“ спросили у меня.—Затѣмъ,—отвѣчалъ я,—что когда на прежнемъ основаніи баллотировали, тогда однимъ моимъ чернымъ шаромъ не наносилъ я никому вреда, покуда большая половина членовъ такими же черными шарами не подтвердятъ моего мнѣнія; но когда одинъ мой голосъ, не взирая на всѣ другіе, противные моему, останавливаетъ производство офицера, то я самому себѣ, какъ человѣкъ, могущій ошибиться, меньше вѣрю, чѣмъ всѣмъ другимъ; и потому не хочу, чтобы кто-нибудь подозрѣвалъ меня въ положеніи ему чернаго шара“.

Конечно, этотъ смѣлый и прекрасный поступокъ

нашелъ себѣ сочувствіе во многихъ присутствующихъ; но за то и Чичаговъ воспользовался имъ, чтобы представить Шишкова въ дурномъ свѣтѣ передъ государемъ. Шишковъ на другой же день получилъ приказъ не присутствовать при баллотировкѣ. Вслѣдъ за этимъ къ нему перестали присылать билеты на эрмитажные спектакли. Шишковъ, принявъ это за обиду, обратился, черезъ генералъ-адъютанта, съ жалобою къ государю, но долженъ былъ выслушать отвѣтъ: „государь приказалъ объявить вамъ, что это сдѣлано было по его на то волѣ“. Теперь ужъ не было сомнѣнія, что и Шишковъ попалъ въ опалу.

V.

Членъ Россійской академіи. — Разсужденіе о слогѣ.—Литературныя собранія.

Какимъ Шишковъ выказался въ политикѣ, такимъ явился и въ литературѣ. Но тамъ онъ долженъ былъ молча отступить,—здѣсь имѣлъ возможность смѣло выступить на борьбу и упорно вести ее, найдя себѣ сочувствіе въ членахъ Россійской академіи, которая оффиціально считалась законодательницею въ отечественной литературѣ и языкѣ. Какъ осуждалъ онъ все новое въ административной сферѣ, такъ не хотѣлъ допустить и въ литературной ничего, что̀ приносило и вырабатывало новое поколѣніе. Здѣсь онъ держался странной мысли:

все хорошее въ языкѣ имѣло время выказаться уже у прежнихъ писателей, слѣдовательно все новое у молодыхъ писателей уже будетъ худое. Такія неожиданныя заключенія мы очень часто встрѣчаемъ у Шишкова: въ критикѣ у него преобладаетъ фантазія вмѣсто строго-логическаго мышленія, какъ увидимъ и далѣе. Еще въ 1796 году онъ былъ выбранъ въ члены Россійской академіи. Надо сказать, что въ это время академія уже отжила свою лучшую пору, совершивъ свой капитальный трудъ „Словарь русскаго языка“ [1]). Надъ нимъ трудились почти всѣ русскіе писатели и ученые екатерининскаго времени. Многіе изъ нихъ уже сошли въ могилы. Вмѣсто нихъ приходилось выбирать новыхъ членовъ. И выбирали, но въ похвалу имъ, для оправданія своего выбора, могли говорить только общія фразы; а на самомъ дѣлѣ выбранные далеко не отличались ни литературными трудами, ни глубокимъ знаніемъ языка. Такимъ образомъ, въ члены академіи попалъ даже извѣстный стихотворецъ графъ Хвостовъ, посмѣшище молодаго поколѣнія литераторовъ, или посредственный переводчикъ „Телемака“ — Захаровъ. Изъ молодыхъ писателей члены академіи не хотѣли выбирать себѣ въ товарищи: имъ не нравились ихъ идеи, направленіе и даже самый стиль. А между тѣмъ нужно было замѣщать открывавшіяся вакансіи, и приходилось выбирать такихъ, въ срав-

---

[1]) Послѣднія части его изданы въ 1794 г.

неніи съ которыми Шишковъ могъ назваться даровитѣйщимъ. Онъ любилъ заниматься стихотворствомъ, тщательно обрабатывалъ свой языкъ, былъ одаренъ фантазіей, которая выказывалась въ его остроуміи, напечаталъ нѣсколько сочиненій по своей спеціальности, составилъ морской словарь и былъ знакомъ съ нѣсколькими иностранными языками. Выборъ въ члены академіи какъ бы обязывалъ его, какъ человѣка дѣятельнаго и добросовѣстнаго, заняться изученіемъ языка. Религіозность часто привлекала его къ чтенію церковныхъ книгъ, а внимательное ихъ чтеніе останавливало его на поэтическихъ красотахъ, которыя воспламеняли его фантазію; съ этимъ вмѣстѣ ему приходилось вдумываться и въ нѣкоторыя неясныя выраженія. Чтобы выяснить себѣ значеніе того или другаго слова, онъ обращался къ переводамъ библіи французскому и нѣмецкому, и, сравнивая ихъ съ славянскимъ, дѣлалъ себѣ нужныя объясненія. Конечно, было бы вѣрнѣе обращаться къ латинской и греческой библіи, съ которыхъ сдѣланы новѣйшіе переводы; но Шишковъ не былъ знакомъ съ древними языками. Во всякомъ случаѣ трудъ его былъ почтенный, если бы впослѣдствіи не повелъ его къ крайностямъ.

Углубившись въ славянскій языкъ и пристрастившись къ нему, Шишковъ скоро сталъ въ этой спеціальности ученѣе многихъ изъ своихъ сочленовъ и сталъ считать себя дѣйствительно ученымъ и авторитетомъ. Онъ, можетъ быть, и былъ такимъ въ

объясненіи значенія славянскихъ словъ и выраженій, но онъ хотѣлъ взять въ свое вѣдѣніе филологію, а для этой учености ему не доставало многаго: непривычка къ философскому мышленію, къ анализу фактовъ, непониманіе историческаго развитія,— все это онъ думалъ замѣнить своими личными разсужденіями, въ которыхъ фантазія подсказывала ему посылки и дѣлала разныя сближенія для выводовъ; они были для него весьма убѣдительны, но легко разрушались при строгой логической повѣркѣ. Тутъ онъ поставилъ себя въ ложное положеніе передъ наукой и литературой, и, поддавшись своимъ личнымъ чувствамъ ко всему новому, зашелъ слишкомъ далеко.

Въ средѣ русскихъ молодыхъ писателей, думавшихъ подражать чувствительной и легкой рѣчи Карамзина, оказалось нѣсколько такихъ, которые мыслили по-французски и уродовали свою литературную рѣчь нелѣпыми галлицизмами. Шишковъ, уже гнѣвно-настроенный своими служебными неудачами, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы высказаться противъ всѣхъ, кто ему не нравился своими нововведеніями. Онъ злобился противъ молодыхъ администраторовъ, которые получили не-русское воспитаніе; злобился противъ Карамзина, который не совсѣмъ благосклонно отнесся къ слогу прежнихъ русскихъ писателей, назвавъ его славяно-русскимъ, и который только за слогомъ новѣйшимъ призналъ нѣкоторую пріятность; злобился на него и за новыя

идеи, которыя имъ вносились въ литературу, и за то, что нѣкоторыя новыя распоряженія администраціи оправдывались имъ въ новомъ его журналѣ „Вѣстникѣ Европы". Подъ впечатлѣніемъ всего этого въ 1803 году написана странная книга: „Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка", вызвавшая волненіе въ тогдашнемъ литературномъ мірѣ и задѣвшая не однихъ молодыхъ литераторовъ. Она странна и по формѣ, и по выводамъ. Она была сшита на живую нитку изъ частей, которыя сначала и не предназначались для нея. Это чувствовалъ и самъ Шишковъ, предувѣдомляя читателей, что представляетъ свое сочиненіе „въ неустроенномъ видѣ и составѣ", что время и обстоятельства не позволили ему привесть въ порядокъ всѣ примѣчанія, которыя онъ дѣлалъ въ разное время при чтеніи разныхъ старинныхъ и новыхъ книгъ. Въ самомъ дѣлѣ, сюда вошелъ объяснительный словарь славянскихъ словъ, въ который вставлены нѣкоторыя нападки на новый слогъ и на воспитаніе для того, чтобы ими какъ-нибудь связать его съ разсужденіемъ о старомъ и новомъ слогѣ. Сюда же вошло и длинное сравненіе извѣстной оды Ломоносова „Іовъ" съ книгою „Іовъ", а для того, чтобы связать его съ разсужденіемъ, дѣлается грубая натяжка: если такой превосходный писатель какъ Ломоносовъ едва ли достигъ до красоты писаннаго прозою славянскаго перевода, то какъ же младые умы, желающіе утвердиться въ силѣ красно-

рѣчія, не найдутъ въ сокровищахъ священнаго писанія полезной для себя пищи. Авторъ, употребивъ фигуральное выраженіе, смѣшалъ поэзію съ языкомъ, и ничего не доказалъ своимъ сравненіемъ. Сюдаже вошло изъ „Четіи-минеи“—Житіе трехъ святыхъ дѣвъ: „Минодоры, Митродоры и Нимфодоры“. съ краткими риторическими примѣчаніями и восторженными восклицаніями, для того, чтобы показать, что у насъ есть хорошія поэтическія повѣствованія, которыя ничѣмъ не уступятъ краснорѣчивѣйшимъ иностраннымъ сочиненіямъ. Отсюда авторъ дѣлаетъ странный переходъ къ новѣйшему слогу, какъ будто поэтическое повѣствованіе и слогъ—одно и то же. У него умозаключеніе выходитъ такое: въ нашей древней литературѣ есть много искусныхъ повѣстей, сценъ, описаній; но новѣйшіе русскіе писатели, вмѣсто нихъ, читаютъ иностранныя сочиненія, слѣдовательно ихъ слогъ не можетъ быть хорошъ. Въ своихъ крайнихъ натяжкахъ авторъ даже забываетъ, что ему самому приходилось пользоваться французскими и нѣмецкими переводами для того, чтобы объяснить себѣ многія неясныя славянскія выраженія, а между тѣмъ требуетъ, чтобы всѣ читали и восхищались ими.

Новаго, кромѣ сказаннаго словаря, книга Шишкова также почти ничего не представляла. Нападки на галлицизмы въ русской рѣчи дѣлались въ большомъ обиліи и прежде, особенно въ нашихъ сатирическихъ журналахъ, точно также какъ и на не-

русское воспитаніе русскихъ дѣтей. Мысль о необходимости противопоставить церковно-славянскій языкъ наплыву чужихъ словъ въ русскій литературный языкъ принадлежитъ Ломоносову и развита имъ въ сочиненіи: „О пользѣ книгъ церковныхъ". И не смотря на все это, книга Шишкова надѣлала много шума. Что же было въ ней особеннаго? Если бы авторъ не смѣшалъ Карамзина съ плохими писателями изъ молодаго поколѣнія, то вѣроятно большинство и не замѣтило бы его книги. А Карамзина онъ не могъ не коснуться, хотя и сознавалъ, что нѣтъ ничего общаго между нимъ и другими, на языкъ которыхъ онъ справедливо нападалъ. На Карамзина онъ смотрѣлъ, какъ на представителя новаго, болѣе широкаго образованія, съ которымъ въ его напуганномъ воображеніи соединялась мысль о революціи и развращеніи нравовъ. Открыто нападая на Карамзина за нѣкоторыя новыя русскія слова, которыя ему не нравились, онъ въ то же время косвенно задѣвалъ интересы русскаго образованія, котораго, по самому историческому развитію, русское общество должно было искать въ иностранной, въ особенности французской литературѣ. Онъ иронически говоритъ о чтеніи „Бонетовъ, Вольтеровъ, Юнговъ, Томсоновъ и другихъ иностранныхъ сочинителей, о которыхъ писатели наши на каждой страницѣ твердятъ и, учась у нихъ русскому на бредъ похожему языку, съ гордостью увѣряютъ, что

нынѣ образуется токмо пріятность нашего слога". Еслибы Шишковъ хлопоталъ только въ интересахъ языка, то можно бы было сказать, что онъ во многомъ былъ правъ, но онъ хотѣлъ идти далѣе Ломоносова; онъ думалъ не только противопоставить славянскій языкъ вторгавшимся къ намъ галлицизмамъ, но и всю славянскую литературу, включая сюда и тотъ періодъ, который Карамзинъ назвалъ славяно-русскимъ, противопоставить новѣйшей европейской литературѣ, будто бы развращающей человѣчество. Изъ этого стремленія у него являются и странные совѣты—„почерпать мысли изъ собственнаго языка своего, а не изъ чужаго", какъ будто мысли почерпаются изъ языка. Понятно, что то общество, которое жило идеалами будущаго, не могло не отнестись раздражительно къ такому опекуну, какимъ явился Шишковъ. Оно не могло не вступиться за прогрессъ, которому хотѣли преградить дорогу, прерывая связь съ европейскимъ образованіемъ. Оно не могло не почувствовать отголосокъ того староверства, которое становилось поперекъ дороги и Петру Великому.

Съ вопросомъ о литературномъ языкѣ Шишковъ не совсѣмъ логически связываетъ свой гнѣвъ на нерусское воспитаніе, имѣя въ виду [illegible] тѣхъ, которыхъ онъ считалъ разрушителями недавнихъ административныхъ порядковъ. „Какое знаніе,—спрашиваетъ онъ,—можемъ мы имѣть въ природномъ языкѣ своемъ, когда дѣти знаменитѣйшихъ бояръ и дво-

рянъ нашихъ отъ самыхъ юныхъ ногтей своихъ находятся на рукахъ у французовъ, прилѣпляются къ ихъ нравамъ, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получаютъ весь образъ мыслей ихъ и понятій, говорятъ языкомъ ихъ свободнѣе, нежели своимъ и даже до того заражаются къ нимъ пристрастіемъ, что не токмо не стыдятся не знать онаго, но еще многіе изъ нихъ симъ постыднѣйшимъ изъ всѣхъ невѣжествомъ, какъ бы нѣкоторымъ украшающимъ ихъ достоинствомъ, хвастаютъ и величаются". Изъ этого разсужденія можно бы было заключить, что въ средѣ нашихъ новыхъ писателей явились дѣти знатнѣйшихъ бояръ и дворянъ; но такое заключеніе было бы ошибочнымъ: эти дѣти и не думали писать по-русски. Въ такомъ случаѣ нелогичность сужденія Шишкова уже слишкомъ бросается въ глаза. Логика его представляется въ такомъ видѣ: дѣти нашихъ знатнѣйшихъ бояръ воспитываются французами, слѣдовательно мы не можемъ имѣть знанія въ своемъ природномъ языкѣ. Ясно, что подъ словомъ „мы" никто не будетъ разумѣть дѣтей знатнѣйшихъ бояръ; въ такомъ случаѣ какая же логическая связь между обоими терминами, чтобы изъ одного сужденія выводить другое, какъ его слѣдствіе. Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ: „Все то, что собственное наше, стало становиться въ глазахъ нашихъ худо и презрѣнно. Французы учатъ насъ всему: какъ ходить, какъ стоять, какъ пѣть, какъ говорить, какъ кланяться и даже какъ

сморкать и кашлять. Мы безъ знанія языка ихъ почитаемъ себя невѣждами и дураками. Пишемъ другъ къ другу по-французски. Благородныя дѣвицы наши стыдятся спѣть русскую пѣсню. Мы кликнули кличъ, кто изъ французовъ, какого бы роду, званія и состоянія онъ ни былъ, хочетъ за дорогую плату, сопряженную съ великимъ уваженіемъ и довѣренностію, принять на себя попеченіе о воспитаніи нашихъ дѣтей. Явились ихъ престращныя толпы; стали насъ брить, стричь, чесать. Научили насъ удивляться всему тому, что они дѣлаютъ, презирать благочестивые нравы предковъ нашихъ и насмѣхаться надъ всѣми ихъ мнѣніями и дѣлами. Однимъ словомъ, они запрягли насъ въ колесницу, сѣли на оную торжественно и управляютъ нами, а мы ихъ возимъ съ гордостью, и тѣ у насъ въ посмѣяніи, которые не спѣшатъ отличать себя честію возить ихъ. Не могли они истребить въ насъ свойственнаго намъ духа храбрости; но и тотъ не защищаетъ насъ отъ нихъ: мы учителей своихъ побѣждаемъ оружіемъ; а они побѣдителей своихъ побѣждаютъ комедіями, романами, пудрою, гребенками. Отъ сего-то между прочими вещами родилось въ насъ и презрѣніе къ славянскому языку“.

Хотя въ этомъ описаніи все правда, но оно относится болѣе къ высшему, придворному обществу, а никакъ не ко всѣмъ, съ которыми Шишковъ связываетъ слово „мы“. Чтобы послѣднее его заключеніе имѣло силу, нужно было еще доказать, что молодые писа-

тели, противъ которыхъ онъ вооружался, выходили именно изъ этого общества, чего онъ не могъ сдѣлать, и недоказанныя посылки связались со слѣдствіемъ фантазіей, а не строгой логикой. Притомъ же онъ забылъ, что эта рабская подражательность въ жизни началась съ дѣдовъ того поколѣнія, на которое нападалъ онъ; слѣдовательно, отвѣчать за все должно было то время, за которое такъ горячо стоялъ критикъ. Высшее русское общество въ самомъ дѣлѣ поражало своимъ безобразіемъ иностранцевъ даже болѣе, чѣмъ русскій привычный глазъ. Вотъ какимъ оно представлялось англичанкѣ Вильмотъ, бывшей въ Петербургѣ и въ Москвѣ въ 1805 году: „Высшія сословія стараются, къ сожалѣнію, во всемъ подражать французамъ, и хотя французскія манеры сами по себѣ весьма приличны и порядочны, но я терпѣть не могу обезьянства... Среди этого поклонененія французскимъ манерамъ и обычаямъ есть что-то дѣтски-забавное въ ихъ нападкахъ на Бонапарта и французовъ, когда они не могутъ съѣсть своего обѣда, чтобы онъ не былъ приготовленъ французскимъ поваромъ; когда они не могутъ воспитать своихъ дѣтей безъ разныхъ искателей приключеній изъ Парижа въ видѣ наставниковъ и гувернантокъ; словомъ, когда малѣйшее требованіе моды, роскоши и нарядовъ заимствуется ими у Франціи... Русскіе переносятъ васъ во Францію, не сознавая ни мало, сколько это унизительно для ихъ страны и для ихъ самихъ; національная музыка, національные танцы

и поклоны, національные костюмы и отечественный языкъ—все это упало и въ употребленіи только между крѣпостными“ [1]).

Представляя образцы хорошаго слога, Шишковъ въ своей книгѣ, между прочимъ, приводитъ и рѣчь митрополита Платона въ день коронаціи Александра Павловича. Въ ней нѣкоторыя слова были особенно цѣнны для Шишкова въ его желчно́мъ настроеніи:

„Благочестію твоему предстанетъ и церковь,— говорилъ Платонъ:—простретъ она свои руки и, ими обнявъ твою любезнѣйшую выю, умолять не престанетъ, да сохраниши залогъ вѣры цѣлъ и невредимъ, да сохраниши не для себя токмо, но паче да явиши собою примѣръ благочестія, и тѣмъ заградиши нечестивыя уста вольнодумства и да укротиши злый духъ суевѣрія и невѣрія. Но съ ангелами Божіими не усумнятся предстать и духи злобы. Отважатся окрестъ престола твоего пресмыкатися и ласкательство, и клевета, и пронырство со всѣмъ своимъ злымъ порожденіемъ; и дерзнутъ подумать, что акибы подъ видомъ раболѣпности можно имъ возобладать твоею прозорливостью. Откроетъ безобразную главу свою мздоимство и лицепріятіе, стремясь прекратить вѣсы правосудія. Появится безстыдство и роскошь со всѣми видами нечистоты, къ нарушенію святости супружествъ и къ пожертвованію всего единой плоти и крови, въ праздности и суетѣ“.

[1]) „Русск. Арх.“ 1873 г. письма въ Ирландію изъ Россіи.

Такимъ образомъ книга Шишкова, прикрываясь ученостью и вопросомъ литературнымъ, задѣвала многихъ; за это и ему пришлось выдержать нападенія съ разныхъ сторонъ. Мы не будемъ здѣсь слѣдить за литературной полемикой, продолжавшейся много лѣтъ. О ней можно прочитать въ каждой исторіи русской литературы [1]). Укажемъ только на капитальную ошибку въ разсужденіи Шишкова объ языкѣ. Если бы въ то время кто-либо изъ его противниковъ могъ замѣтить ее, то и дальнѣйшіе споры оказались бы излишними. Шишковъ принималъ за аксіому, что русскій языкъ происходитъ отъ того славянскаго, на который переведены наши богослужебныя книги, и изъ этого выводилъ, что русскій языкъ и церковно-славянскій одинъ и тотъ же языкъ, что различіе ихъ только въ моментахъ развитія и, слѣдовательно, раздѣлять ихъ на два отдѣльные языка невозможно. Его противники, повидимому соглашаясь съ его основнымъ положеніемъ, не хотѣли признать выводимыхъ имъ слѣдствій, и доказывали, что русскій языкъ такъ отдалился отъ церковнаго, что долженъ считаться особымъ языкомъ. Карамзинъ, какъ видно, лучше всѣхъ понималъ дѣло, замѣтивъ мимоходомъ въ одномъ письмѣ къ И. И. Дмитріеву: „кажется, наши петербургскіе авторы, и старые, и молодые, спорятъ о языкахъ славянскомъ и русскомъ,

---

[1]) Наиболѣе подробно она изложена въ Исторіи Галахова, ч. II, и въ Филологич. Розысканіяхъ Грота, т. I.

издаваемые Россійскою Академіею". Тамъ Шишковъ и печаталъ свои оригинальныя и переводныя статьи, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательныя — разборъ примѣчаній къ Слову о полку Игоревѣ, недавно найденному и напечатанному графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, и переводъ того же Слова.

Говоря о враждѣ молодыхъ писателей къ Шишкову, мы не можемъ сказать, что вся русская образованная молодежь была противъ него. Нѣтъ, въ иныхъ молодыхъ людяхъ его „Разсужденіе" нашло особенное сочувствіе. Къ числу ихъ относится извѣстный впослѣдствіи писатель С. Т. Аксаковъ. Когда вышла книга Шишкова, онъ былъ еще очень юнымъ студентомъ казанскаго университета, гдѣ, кромѣ него, всѣ восхищались Карамзинымъ. Онъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Можно себѣ представить, какъ я обрадовался книгѣ Шишкова, человѣка уже не молодого, достопочтеннаго адмирала... Разумѣется, я призналъ его неопроверженнымъ авторитетомъ, мудрѣйшимъ и ученѣйшимъ изъ людей. Я увѣровалъ въ каждое слово его книги, какъ въ святыню! Русское мое направленіе и враждебность ко всему иностранному укрѣпились сознательно, и темное чувство національности выросло до исключительности"... [1]).

Въ скоромъ времени въ Петербургѣ Аксакову

---

[1]) „Семейная хроника", Аксакова — воспоминанія объ А. С. Шишковѣ.

удалось подружиться съ племянникомъ Шишкова, и черезъ него сойтись съ самимъ дядею. „Какую ночь провелъ я,—говорилъ онъ,—въ ожиданіи утра, въ ожиданіи знакомства съ Ал. С. Шишковымъ. Я представлялъ его себѣ какимъ-то высшимъ существомъ, къ которому всѣ приближаются съ благоговѣніемъ... Кабинетъ Шишкова представлялся мнѣ страшнѣе всякой аристократической гостиной: опасность сконфузиться, показаться дуракомъ бросала меня въ знобъ и жаръ. Въ переулкѣ съ Литейной, называемомъ Фурштатскимъ, противъ лютеранской кирки, стоялъ небольшой каменный двухъ-этажный домикъ, оконъ въ восемь, какого-то зеленоватаго цвѣта, весьма скромной наружности: это былъ собственный домъ А. С. Шишкова. Мы въѣхали подъ него въ ворота и поднялись во второй этажъ, по темной, узкой и нечистой лѣстницѣ... Черезъ минуту мы вошли. Кабинетъ былъ маленькій, голубой, съ двумя окошками въ переулокъ; между ними помѣщался большой письменный столъ, загроможденный книгами и бумагами; на окошкахъ стояли банки съ сухимъ кіевскимъ вареньемъ и конфектами, а на столѣ большая стеклянная банка, почти доверху наполненная восковыми шарами и шариками (Шишковъ имѣлъ привычку, занимаясь чтеніемъ и размышленіемъ, скатывать восковые шарики, обирая и общинивая воскъ со свѣчей. Онъ очень любилъ разныя лакомства, особливо плоды и ягоды). Вокругъ, на горкахъ и на полу, лежало много книгъ и тетрадей.

Все было въ пыли и въ безпорядкѣ. Александръ Семеновичъ былъ въ шелковомъ полосатомъ шлафрокѣ съ поясомъ, съ голой шеей и грудью; на ногахъ у него были кожанные, истасканные ичеги (спальные сапоги); онъ имѣлъ средній ростъ, сухощавое сложеніе, волосы сѣдые съ желтизной; лицо у него было поразительно блѣдно; темнокаріе, небольшіе глаза, очень живые, проницательные, воспламеняющіеся мгновенно, выглядывали изъ-подъ нависшихъ бровей; общее выраженіе физіономіи казалось сухо, холодно и серьезно, когда не было одушевлено улыбкой — самой пріятной и добродушной".

Шишковъ принялъ молодаго человѣка очень ласково и сталъ тотчасъ же читать ему новую поэму князя Шихматова, молодаго стихотворца, которому онъ очень покровительствовалъ за его религіозность и въ особенности за любовь къ славянскому языку. „Чтеніе его, — замѣчаетъ Аксаковъ, —было тихо, однообразно, но естественно, произношеніе чисто и явственно, но въ то же время съ какимъ-то стариковскимъ бормотаньемъ и процѣживаньемъ словъ сквозь зубы; онъ читалъ съ большимъ одушевленіемъ и небольшими жестами правой руки... Читая, Шишковъ нерѣдко останавливался и восклицалъ: какое великолѣпіе! какая красота! какое знаніе языка славянскаго, т. е. русскаго! Вотъ что̀ значитъ, когда стихотворецъ начитается книгъ священнаго писанія!" Шишковъ восхищался словами, взятыми

изъ церковно-славянскаго языка, которыхъ до того не употреблялъ ни одинъ русскій писатель. „Чтеніе въ такомъ родѣ, замѣчанія и разсужденія продолжались часа два. Я слушалъ и молчалъ, изъявляя только по временамъ полное согласіе съ мнѣніями и выводами хозяина, хотя нѣкоторыя похвалы и казались мнѣ преувеличенными... По совѣсти долженъ я сказать, — прибавляетъ Аксаковъ, — что Александръ Семеновичъ употреблялъ хитрость: читая Шихматова, онъ выбиралъ или лучшія мѣста, или такія выраженія, которыя, будучи имъ объяснены, переставали, какъ онъ думалъ, казаться читателю странными".

Несмотря на всѣ восторги Шишкова, его любимецъ, котораго по слогу онъ сравнивалъ и съ Ломоносовымъ и съ Державинымъ, не былъ признанъ поэтомъ ни современниками, ни потомствомъ. При другомъ направленіи, можетъ быть, изъ него выработался бы стихотворецъ удобочитаемый, но въ средѣ славянофиловъ онъ остался не отъ міра сего.

Въ это же время познакомился съ Шишковымъ другой начинающій молодой писатель, Жихаревъ, который и записалъ въ своемъ дневникѣ подъ 9 янв. 1807 года слѣдующее: „Гавріилъ Романовичъ (Державинъ) представилъ меня А. С. Шишкову, задушевному другу президента Россійской академіи Нартова. Съ большимъ любопытствомъ разсматривалъ я почтенную фигуру этого человѣка,

котораго дѣтскіе стихи получили такую народность, что, кажется, нѣтъ ни въ одномъ русскомъ грамотномъ семействѣ ребенка, котораго не учили бы лепетать: „хоть весною и тепленько“ [1])... Не могу повѣрить, чтобъ этотъ человѣкъ былъ такимъ недоброжелателемъ нашего Карамзина, за какого хотятъ его выдать. Мнѣ кажется, что находящіяся въ „Разсужденіи о старомъ и новомъ слогѣ“, колкія замѣчанія на нѣкоторыя фразы Карамзина доказываютъ не личное нерасположеніе къ нему Ал. Сем., а только одно несходство въ мнѣніяхъ и образѣ воззрѣнія на свойство русскаго языка. Изъ всего, что ни говорилъ Шишковъ—а онъ говорилъ много,—я не имѣлъ случая замѣтить въ немъ ни малѣйшаго недоброжелательства изъ зависти къ кому нибудь изъ нашихъ писателей; напротивъ, во всѣхъ его сужденіяхъ, подкрѣпляемыхъ всегда примѣрами, заключалось много добродушія и благонамѣренности. [2]).

Шишковъ охотно приближалъ къ себѣ молодыхъ людей, особенно тѣхъ, которые выказывали наклонность къ литературнымъ занятіямъ, и старался удержать ихъ отъ вреднаго стремленія къ легкому модному слогу. Недовольный вялою дѣятельностью Россійской академіи, которая не принимала никакихъ мѣръ противъ новыхъ писателей, и убѣдясь,

---

[1]) Аксаковъ также говорилъ, что онъ въ ребячествѣ вытвердилъ наизусть дѣтскую библіотеку Шишкова.

[2]) Дневникъ чиновника—„Отеч. Записки“ 1855, май.

что книга его, „Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ“, была, какъ онъ выражается, не что иное, какъ малая капля воды къ потушенію пожара, онъ рѣшился составить какъ-бы другую академію въ маломъ видѣ для образованія молодыхъ писателей. Жихаревъ присутствовалъ при первомъ зарожденіи этой мысли и записалъ слѣдующее: „Шишковъ очень долго толковалъ о пользѣ, какую бы принесли русской словесности собранія, въ которыя бы допускались и приглашались молодые литераторы для чтенія своихъ произведеній, и предлагалъ Гаврилу Романовичу (Державину) назначить вмѣстѣ съ нимъ поперемѣнно, хотя по одному разу въ недѣлю, литературные вечера, обѣщая склонить къ тому же А. С. Хвостова и сенатора И. С. Захарова (членовъ академіи), которыхъ домы и образъ жизни представляли наиболѣе къ тому удобствъ. Богъ вѣсть, какъ обрадовался этой идеѣ добрый Гаврила Романовичъ и просилъ Шишкова устроить какъ можно скорѣе это дѣло“.

Самъ Шишковъ въ своихъ запискахъ замѣчаетъ, что съ того времени, какъ онъ отсталъ отъ двора, онъ вмѣстѣ съ Державинымъ, Муравьевымъ (товарищемъ министра просвѣщенія) и Хвостовымъ (другомъ Державина и родственникомъ извѣстнаго стихотворца) устроили для чтенія вечера и въ назначенные дни съѣзжались по очереди другъ къ другу. „Нѣкоторые другіе любители русскаго языка присоединились къ нашему обществу, и мы провождали время съ пользою и пріятностью“.

Но молодые писатели мало находили пользы, а пріятности развѣ въ ужинахъ, которыми заканчивались эти собранія (если судить по дневнику Жихарева, подробно описавшему нѣкоторыя изъ нихъ). Первый вечеръ былъ 3 февраля 1807 года. Въ это время всѣхъ занимали наши политическія обстоятельства: война съ Наполеономъ на русской границѣ, образованіе милицін, назначеніе военныхъ начальниковъ. Это были не только главныя темы для разговоровъ, но и для торжественныхъ и патріотическихъ стихотвореній; они читались въ собраніяхъ, но не производили особеннаго впечатлѣнія, хотя слушатели изъ приличія и восхваляли ихъ. Такъ, по поводу чтенія стиховъ Державина „На выступленіе въ походъ гвардіи", Жихаревъ записалъ: „на этотъ разъ я охотно бы отказался отъ чтенія ихъ передъ публикою — такъ мнѣ они не по сердцу". Князь Шихматовъ представилъ на судъ свою патріотическую поэму: „Пожарскій, Мининъ и Гермогенъ". Самъ Шишковъ взялся читать ее и читалъ, по словамъ того же Жихарева, твореніе своего любимца внятно, правильно и съ необыкновеннымъ одушевленіемъ. „Я отъ души любовался сѣдовласымъ старцемъ— говорилъ онъ, — который такъ живо сочувствовалъ красотѣ стиховъ и передавалъ ихъ съ такою увлекательностью; судя по блѣдному лицу и серьезной физіономіи его, нельзя было предполагать въ немъ такого теплаго сочувствія къ поэзіи". Скучали слушатели за длинными переводами француз-

скихъ моралистовъ, самъ Шишковъ называлъ ихъ „нарумяненными, которыхъ все достоинство заключается въ одномъ щегольствѣ выраженій“. Иногда только оживлялись вечера прекраснымъ чтеніемъ Крылова или Гнѣдича. На иныя чтенія являлась даже петербургская знать: сенаторы, оберъ-прокуроры, камергеры и самъ главнокомандующій Вязмитиновъ, которые, впрочемъ, не высиживали до конца. Литературные судьи, которые признавали за собою право учить и направлять молодыхъ писателей, оказались ниже своей задачи. Они могли критиковать только слова и выраженія, но не болѣе того, тогда какъ отъ нихъ ожидали критики содержанія, оцѣнки цѣлаго произведенія. Эта мелочная и придирчивая критика слога вызывала въ молодыхъ писателяхъ только иронію. Жихаревъ, приводя замѣчанія, сдѣланныя на его стихи, прибавляетъ: „но никто не замѣтилъ мнѣ того, что я замѣтилъ самъ себѣ, т. е. что стихи мои не заключаютъ въ себѣ ничего, кромѣ одного набора словъ и что въ нихъ нѣтъ ни одной мысли, на которой бы остановиться можно: они похожи на какую-то жижу, смѣсь воды съ каплею меда—пить не противно, но и вкуса никакого нѣтъ... Въ заключеніе добродушный хозяинъ (Захаровъ) сказалъ мнѣ съ видомъ прозорливца, что онъ тотчасъ же угадалъ, что я принадлежу къ новой московской школѣ (Карамзина). У васъ есть способности, — примолвилъ онъ,—но вамъ надобно еще поучиться, поживите съ нами, мы васъ выпо-

лируемъ.—Покорнѣйше благодарю! А между тѣмъ я подслушалъ, какъ Гаврило Романычъ, который видно небольшой охотникъ до грамматики и просто поэтъ, кому то прошепталъ: такъ себѣ, переливаютъ изъ пустаго въ порожнее“.

Но и самъ Гаврило Романовичъ, возбуждалъ, какъ видно, небольшую вѣру въ свою критику; по крайней мѣрѣ, Жихаревъ въ одномъ мѣстѣ замѣтилъ: „я начинаю сомнѣваться въ призваніи своемъ къ литературѣ, и похвалы Гаврила Романовича моему дарованію, которыя сгоряча я принялъ за чистыя деньги, теперь, по зрѣломъ размышленіи, кажутся мнѣ не совсѣмъ основательными: онъ въ восторгѣ отъ Боброва, а ктожъ не знаетъ что такое Бобровъ?“ Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ также говоритъ, что ничего замѣчательнаго на этихъ вечерахъ не происходило и не удовлетворяло даже тогдашнимъ его понятіямъ. „Что бы кто ни прочелъ, всѣ остальные говорили одни пошлые комплименты; критическія замѣчанія были еще пошлѣе“. Изъ всего этого видно, что у нашихъ старыхъ патріотовъ было много добрыхъ желаній, но, думая быть руководителями молодаго поколѣнія, они ставили себя въ ложное положеніе: имъ недоставало научнаго образованія, а приходилось имѣть дѣло съ молодыми людьми, кончившими университетскій курсъ и ожидавшими отъ нихъ чего-то бо̀льшаго, чѣмъ курсъ грамматики и школьной риторики. Послѣ близкаго знакомства молодые писатели разубѣждались въ тѣхъ, которые на-

вызывались имъ въ авторитеты. Еще меньше они могли подчиниться Россiйской академiи, слыша, какъ надъ составомъ ея подсмѣивались даже въ обществѣ Шишкова: въ ней считалось пятьдесятъ-восемь членовъ, изъ нихъ одни были въ отсутствiи, другiе, и очень большая часть, были избраны для почета; были и такiе, которые, по удачному выраженiю Хвостова, не любятъ грамоты,—вообще бездарность и невѣжество преобладали. Было человѣкъ пять-шесть даровитыхъ, но не дѣятельныхъ писателей. Что же могъ сдѣлать тутъ одинъ дѣятельный Шишковъ? Молодое поколѣнiе спрашивало: отчего въ академiи красуются имена людей вовсе неизвѣстныхъ, и нѣтъ именъ Карамзина, Крылова, Озерова, Шаховскаго, Мерзлякова и др., и не получало отвѣта. Понятно,—что и изданiя академiи съ цѣлью поучать юношество не привлекали къ себѣ, да и мало могли дать чего поучительнаго. А между тѣмъ Шишковъ разсчитывалъ на такiя изданiя, согласившись вмѣстѣ съ Державинымъ и А. Хвостовымъ настоять въ академiи издавать сочиненiя, особенно посвященныя языку и словесности. Академiя согласилась и составила изъ нѣсколькихъ своихъ членовъ особое отдѣленiе, которое бы со всею строгостью опредѣляло сочиненiя, достойныя печати. Стали выходить уже упомянутыя нами „Сочиненiя и переводы"; но скоро они сдѣлались причиною споровъ и раздоровъ въ средѣ самихъ академиковъ. Такъ какъ Шишковъ чаще всѣхъ представлялъ свои статьи, то ему безпрестанно при-

ходилось выслушивать разныя замѣчанія отъ другихъ членовъ и, конечно, самыя мелочныя. Самолюбіе автора страдало, онъ съ своей обычной горячностью отстаивавъ себя и еще съ большей горячностью нападалъ на своихъ противниковъ, считая себя ученѣе ихъ. Время проходило въ спорахъ и неудовольствіяхъ, что замедляло печатаніе и выпускъ книгъ. Изданіе шло чрезвычайно вяло. Ему вредилъ и самъ предсѣдатель Нартовъ, который вздумалъ распоряжаться поначальнически, т. е приказывалъ печатать такія-то сочиненія мимо редакціоннаго отдѣленія. Все это ссорило Шишкова съ его сочленами; въ особенности же его задѣло за живое, когда академія остановила печатаніе „Опыта славянскаго словаря“ его вслѣдствіе замѣчаній новгородскаго митрополита Амвросія, калужскаго епископа Ѳеофилакта и тверскаго Меѳодія; они допустили даже такое выраженіе: „невѣжды и кощуны никогда не должны имѣть голоса въ сужденіи объ языкѣ“, имѣя въ виду Фонъ-Визина, на котораго сослался Шишковъ при объясненіи одного слова. Но Шишковъ принялъ это выраженіе и на себя, и, сильно огорченный, далъ рѣзкій отвѣтъ на всѣ замѣчанія, которыя оказались по бо̀льшей части мелочными и придирчивыми, недоказывающими большой учености критиковъ.

VI.

Общественная и домашняя жизнь.—Адмиралъ Мордвиновъ.—Шишковъ-помѣщикъ.

Ссорясь со всѣми, Шишковъ, наконецъ, примирился съ Чичаговымъ, который хотѣлъ съ нимъ сблизиться и оказалъ ему услугу, испросивъ у государя прощеніе одному разжалованному морскому офицеру, что дало Шишкову возможность утѣшить семью несчастнаго. За этимъ Чичаговъ предложилъ ему принять на себя званіе предсѣдателя ученаго департамента при адмиралтейской коллегіи. Шишковъ тѣмъ охотнѣе согласился, что этотъ департаментъ былъ преобразованъ изъ комитета, основаннаго имъ самимъ при Павлѣ. Ему была теперь возвращена отнятая у него пенсія и даже стали присылать ему билеты на эрмитажные спектакли. Онъ началъ снова являться при дворѣ, но государь не обращалъ на него никакого вниманія, что очень оскорбляло Шишкова. „Однажды — говоритъ онъ, — нѣкто изъ приближенныхъ къ нему изъявилъ мнѣ, въ присутствіи другихъ, сожалѣніе свое о сихъ его со мною поступкахъ; сожалѣніе сіе такъ оскорбило мое самолюбіе, что я отвѣчалъ ему съ гордостью: цари больше имѣютъ надобности въ добрыхъ людяхъ, нежели добрые люди въ нихъ“. Вообще, Шишковъ былъ очень скоръ и неостороженъ въ рѣзкихъ суж-

противъ него и скоро высказался по слѣдующему случаю: когда составился новый государственный совѣтъ, однимъ изъ первенствующихъ членовъ былъ назначенъ адмиралъ Мордвиновъ. Не найдя въ спискѣ членовъ совѣта имени Шишкова, онъ отправился къ государю и настойчиво просилъ его за своего пріятеля, но долженъ былъ отказаться отъ просьбы, когда услышалъ слова: я лучше соглашусь не царствовать, нежели сдѣлать его членомъ. „Сіе приключеніе,—говоритъ Шишковъ,—открывшее мнѣ гнѣвъ на меня государевъ, крѣпко меня потревожило; но, наконецъ, чувствуя себя невиннымъ, я успокоился и пересталъ о томъ думать. Все вниманіе мое обратилось, по прежнему, къ любимымъ занятіямъ моимъ по словесности“.

Въ высшемъ свѣтѣ имя Шишкова долгое время было какъ-бы моднымъ: надъ нимъ потѣшались, острили, дѣлали героемъ разныхъ смѣшныхъ разсказовъ, что веселило общество. Шишковъ въ самомъ дѣлѣ былъ кладъ для насмѣшниковъ: его крайняя разсѣянность, забывчивость, сосредоточенность на одной любимой мысли служили неизсякаемымъ источникомъ для разныхъ анекдотовъ, истинныхъ и выдуманныхъ. Разсказывали, будто онъ на серьёзный вопросъ одного сановника отвѣчалъ текстомъ изъ священнаго писанія и цитатами изъ какой-то старинной рукописи, которая тогда исключительно его занимала; будто онъ не узнавалъ своей жены и говорилъ съ нею иногда, какъ съ посторонней жен-

щиной, а чужихъ женъ принималъ за свою Дарью Алексѣевну, и пр. [1]).

Видя Шишкова рѣзкимъ и неуживчивымъ въ общественной жизни, мы могли бы подумать, что такимъ же онъ былъ и въ жизни домашней; но близкіе его знакомые говорятъ о немъ совсѣмъ противоположное. Въ житейскомъ быту онъ былъ совершенное дитя, жилъ самымъ невзыскательнымъ гостемъ въ собственномъ домѣ, предоставя все управленію жены и не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что вокругъ него происходило. Онъ былъ женатъ на вдовѣ—голландкѣ и лютеранкѣ, внукѣ адмирала Шельтинга, приглашеннаго въ русскую службу. Она не мѣшала ему въ его занятіяхъ, но въ то же время умѣла и управлять имъ. За неимѣніемъ своихъ дѣтей, онъ взялъ къ себѣ на воспитаніе двухъ родныхъ племянниковъ, которыми и завладѣла Дарья Алексѣевна. Нисколько не обращая вниманія на предубѣжденія своего супруга-патріота противъ французскаго воспитанія, она взяла къ племянникамъ француза-гувернера, и въ домѣ Шишкова сталъ раздаваться французскій языкъ. Иногда ему доставалось отъ нея и за патріотическія выходки, которыя бывали грубоваты и даже дерзки. Такъ, однажды онъ измаралъ великолѣпный альбомъ одной своей хорошей знакомой, вычеркнувъ въ немъ всѣ русскія имена, подписанныя по-французски, и вмѣсто нихъ подпи-

[1]) Воспоминанія Аксакова „Семейная хроника“.

салъ тѣ же имена крупнымъ полууставомъ и ко всему прибавилъ свои стихи:

Безъ бѣлилъ, ты, дѣвка, бѣла,
Безъ румянъ ты, дѣвка, ала,
Ты честь-хвала отцу-матери,
Сухота сердцу молодецкому.

Но гнѣвъ своей супруги онъ выносилъ хладнокровно и забывалъ его въ своемъ кабинетѣ, гдѣ коптѣлъ надъ разными словарями, надъ старинными рукописями и церковными книгами, занимаясь корнесловіемъ. Вставалъ онъ поутру часовъ въ семь зимою и въ шесть лѣтомъ. Все утро до обѣда проводилъ онъ за работою въ кабинетѣ, кромѣ двухъ присутственныхъ дней въ недѣлю въ адмиралтейскомъ совѣтѣ. Отъ ежедневной работы у него копились громадныя кипы бумаги. По словамъ Аксакова, его записная книжка, куда онъ вписывалъ слова малоизвѣстныя и вышедшія изъ употребленія, попадавшіяся ему въ книгахъ священнаго писанія, въ лѣтописяхъ и разныхъ рукописяхъ, была ужасающей величины и толщины. Вечеромъ Шишковъ любилъ выѣзжать въ клубъ или въ гости, гдѣ обыкновенно велъ крупную картежную игру. Страсть къ картамъ была у него всю жизнь; говорятъ, что въ болѣе молодые годы ими онъ пріобрѣталъ себѣ и поддерживалъ связи съ нѣкоторыми важными лицами, а въ молодости былъ сильный банковый игрокъ. Въ коммерческія игры онъ всегда много выигрывалъ. Другая страсть была у него къ птицамъ: гдѣ бы онъ ни

жилъ, стаи голубей всегда собирались къ его окнамъ; всякое утро онъ кормилъ ихъ, для чего у него была сдѣлана форточка въ нижнемъ стеклѣ. Всегда серьезный въ обращеніи съ людьми, онъ съ своимъ попугаемъ обращался въ другаго человѣка: для него у старика находились ласковыя и нѣжныя слова, дѣтская болтливость; онъ дразнилъ, цѣловалъ любимую птицу, игралъ съ нею, случалось даже забывалъ дѣло и опаздывалъ, такъ что жена въ важныхъ случаяхъ провожала его до передней изъ кабинета черезъ столовую, гдѣ стояла клѣтка попугая. Женѣ же приходилось напоминать ему о засѣданіяхъ въ морскомъ департаментѣ, когда ему попадутся въ руки любимые стихи, съ которыми ему захочется познакомить своего собесѣдника. Любимыми его кабинетными разговорами были: о тождествѣ языка русскаго и славянскаго, о красотахъ священнаго писанія, о русскихъ народныхъ пѣсняхъ, о порчѣ языка по милости карамзинской школы. Онъ охотно выслушивалъ противъ себя возраженія, но не любилъ съ ними соглашаться: если не могъ съ разу опровергнуть ихъ, то записывалъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ внимательно подумать и опровергнуть, — такъ онъ былъ увѣренъ въ своихъ собственныхъ сужденіяхъ. Изъ бесѣдъ съ молодымъ Аксаковымъ у него составилась статья: „Разговоры о словесности между двумя лицами, Азъ и Буки“.

Изъ всѣхъ своихъ близкихъ знакомыхъ, Шишковъ особенно уважалъ адмирала Мордвинова, который

извѣстенъ былъ въ публикѣ смѣло высказываемыми мнѣніями въ государственномъ совѣтѣ, часто противъ единогласныхъ рѣшеній всѣхъ членовъ. Ихъ Шишковъ записывалъ въ особую книгу, съ золотымъ обрѣзомъ, богато переплетенную, съ надписью: „Золотые голоса Мордвинова“. Она постоянно лежала на его письменномъ столѣ. Жена Мордвинова, родомъ англичанка, воспитанная въ Италіи, не знала по-русски. Такъ какъ старшій племянникъ Шишкова хорошо говорилъ по-итальянски, то Шишковъ, желая сдѣлать пріятное семейству Мордвинова, однажды устроилъ у себя итальянскій спектакль, на которомъ было разыграно нѣсколько сценъ изъ какой-то драмы любимаго поэта Шишкова, Метастазіо. Самъ Шишковъ хорошо зналъ по-итальянски и руководилъ актеровъ. Для неожиданности, всѣ приготовленія дѣлались втайнѣ. Домашніе актеры, молодые люди, посѣщавшіе домъ Шишкова, присоединили къ этимъ сценамъ русскую пьесу „Семейство Старорусина“, въ которой самъ Старорусинъ отражалъ русское направленіе Александра Семеновича. Она была уже прежде разыграна на той же сценѣ сюрпризомъ для самаго Шишкова и очень ему понравилась. Ему было очень пріятно слышать свои мысли съ театральныхъ подмостокъ. На этотъ разъ молодые актеры придумали для старика новый сюрпризъ: вставили въ роль Старорусина много славянофильскихъ задушевныхъ мыслей изъ собственныхъ его сочиненій. Пьесы были разыграны удачно въ

присутствіи многихъ званыхъ гостей. Шишковъ былъ вознагражденъ, читая удовольствіе на лицахъ семейства своего друга. Но подъ впечатлѣніемъ дружеской благодарности Мордвинова, самъ онъ не замѣтилъ вставокъ, которыми думали угодить ему: здѣсь сюрпризъ не удался.

У Шишкова не было почти никакого состоянія. Онъ жилъ только своимъ жалованьемъ; а съ крестьянъ, подаренныхъ ему императоромъ Павломъ, не бралъ ни копѣйки оброка, хотя многіе, и даже Мордвиновъ, находили такое безсребренничество излишнимъ и неумѣстнымъ. Но онъ такъ понималъ помѣщичье право и, конечно, стоялъ за него, какъ за весь государственный строй, который, по его убѣжденіямъ, не долженъ измѣняться, и которому, напротивъ, все должно подчиняться для общаго блага. Для большей характеристики Шишкова приведемъ интересный разсказъ Аксакова, которому, кажется, можно повѣрить:

Многіе изъ крестьянъ Шишкова жили въ Петербургѣ на заработкахъ; они знали, что баринъ жилъ слишкомъ небогато. Годъ случился неурожайный и въ Петербургѣ сдѣлалась большая дороговизна. Въ одинъ день поутру докладываютъ Александру Семеновичу, что къ нему пришли его крестьяне и желаютъ съ нимъ переговорить... Это были выборные изъ его села: поклонясь въ ноги, несмотря на запрещеніе барина, одинъ изъ нихъ сказалъ, что на мірской сходкѣ положили и приказали имъ ѣхать къ барину въ Питеръ и сказать: что не берешь-де

[illegible] никакого оброку,
[illegible] жалованьемъ, что те-
[illegible] жить тебѣ съ семей-
[illegible] годно ли тебѣ поло-
[illegible] дные годы, хоть по
[illegible] мы платить оброкъ,
[illegible] такихъ рѣчей Шиш-
[illegible] умиленіе, особенно
[illegible] похожи на языкъ старин-
[illegible] разъ заставлялъ мужиковъ
[illegible] приказалъ ихъ угостить и
[illegible] отъ оброка и замѣтивъ, что
[illegible] не имѣетъ по милости царской.
[illegible] упускалъ случая выказывать себя
[illegible] повидимому, онъ любилъ про-
[illegible] народъ и желалъ ему добра, но въ
[illegible] это добро, едва ли было имъ вы-
[illegible] Онъ даже не могъ хорошо знать русскій
[illegible] въ Петербургѣ и пробывъ въ
[illegible] нѣсколько недѣль при дворѣ на коронаціи
императора Александра. Онъ имѣлъ больше воз-
[illegible] крестьянъ за границею, чѣмъ
[illegible] Въ сужденіи его о крестьянахъ участво-
[illegible] фантазія, чѣмъ логическіе выводы,
[illegible] знакомствѣ съ предметомъ.
[illegible] что крестьянина можно сдѣлать счаст-
[illegible] человѣколюбивымъ отношеніемъ
[illegible] администраціи; а возможно ли
[illegible] такія отношенія оба сословія?

Фантазія, конечно, могла рисовать разныя идиллическія картины, но въ дѣйствительности онѣ были неисполнимы. Уничтоженіе крѣпостнаго права, грамотность въ народѣ онъ считалъ государственнымъ зломъ, которое поведетъ къ общему развращенію и, пожалуй, къ революціи.

У него, какъ и у многихъ, считавшихъ себя **русскими**, была своего рода теорія неподвижности, съ которою они по чувству самосохраненія соединяли государственное существованіе. И надо сказать, къ чести Шишкова, что въ общественныхъ дѣлахъ онъ крѣпко держался своихъ убѣжденій безъ всякихъ корыстныхъ разсчетовъ, хотя эти убѣжденія опирались болѣе на фантазію, чѣмъ на логическій анализъ. Позволяя своей практической супругѣ распоряжаться въ домашнихъ дѣлахъ иногда не согласно съ его убѣжденіями, онъ не поддавался никому въ дѣлѣ общественномъ и равнодушно выносилъ всѣ нападки своихъ противниковъ. Изъ этой стойкости, конечно, вытекала и польза, потому что въ основаніи его отчасти донкихотскихъ стремленій была своя доля правды; а въ ней всегда есть живая сила, которая окажетъ свое благотворное дѣйствіе. Самъ Карамзинъ говорилъ, что у Александра Семеновича много гнѣва, много желчи, много личной къ нему враждебности, а потому много и несправедливаго, но есть много и правды [1]). Этою-то правдою не от-

---

[1]) Воспоминанія Аксакова, „Семейная хроника“.

казывался пользоваться Карамзинъ и совершенствовался. Крыловъ говорилъ о Шишковѣ, какъ о литераторѣ: слѣдовать примѣрамъ его не должно, а пользоваться иными критиками его можетъ быть полезно; онъ въ этомъ отношеніи похожъ на человѣка, который доказывалъ бы, какъ опасно употреблять недостаточно луженую кухонную посуду, и сталъ бы совѣтовать чаще лудить ее сурикомъ [1]).

VII.

Бесѣда любителей русскаго слова.—Шишковъ-ораторъ.

Въ 1810 г. частные литературные вечера Шишкова превратились въ публичные. Шишковъ разсказываетъ, что его надоумилъ сдѣлать это какой-то князь Голицынъ, пріѣхавшій изъ Москвы, разумѣвшій больше по-французски, нежели по-русски, но любившій и свой языкъ. Старички стали разсуждать объ этомъ и рѣшились составить Бесѣду любителей русскаго слова, литературное общество изъ достойныхъ писателей, раздѣлить ихъ на четыре разряда, въ каждомъ быть одному предсѣдателю и нѣсколькимъ членамъ или сотрудникамъ; каждому предсѣдателю читать по-очереди собственную статью, послѣ которой всякій членъ или даже по-

---

[1]) „Рус. Арх." 1874. Изъ старой записной книжки.

сторонній, съ одобренія всего общества, можетъ читать свое произведеніе стихами или прозою; засѣданія не должны продолжаться болѣе двухъ съ половиною часовъ, на чтенія приглашать особъ обоего пола; въ члены „Бесѣды“ допускать и дамъ. На первый разъ были выбраны двѣ, Волкова и Бунина, которымъ Шишковъ особенно покровительствовалъ. Мы не можемъ сказать, на основаніи чего было сдѣлано дѣленіе всего общества на разряды. Вигель говоритъ, что въ предметахъ занятій между разрядами не было никакого различія. Предсѣдателями были Шишковъ, Державинъ, Захаровъ и А. С. Хвостовъ. Кромѣ предсѣдателей, для каждаго разряда выбирался еще особый попечитель— важное лицо въ государственной администраціи; первыми попечителями были министры гр. Завадовскій, Мордвиновъ, гр. Разумовскій, И. И. Дмитріевъ, другъ Карамзина, недавно переселившійся изъ Москвы въ качествѣ министра юстиціи. Трудно сказать, зачѣмъ нужны были эти попечители: для доказательства ли благовидныхъ цѣлей „Бесѣды“, или для почета. Вообще, ученыя и литературныя собранія тогда любили украшать чиновными лицами: ихъ было много и въ Россійской академіи. Въ распоряженіе „Бесѣды“ Державинъ предоставилъ большую залу въ собственномъ домѣ. Воспользуюсь воспоминаніями Вигеля для характеристики собраній „Бесѣды“.

„Обстоятельства благопріятствовали ея учрежде-

нію,—говоритъ онъ.—По вкоренившейся привычкѣ, не переставали почитать западъ наставникомъ, образцомъ и кумиромъ своимъ, но на немъ тихо и явственно собиралась страшная буря, грозящая намъ истребленіемъ или порабощеніемъ. Люди, умѣющіе размышлять и предвидѣть, невольно тѣснились вокругъ знамени, на которомъ уже читали они слово „отечество“. Пристрастіе къ Европѣ примѣтно стало слабѣть и готово было превратиться въ нѣчто враждебное. Воспрянувшее въ разныхъ состояніяхъ чувство патріотизма подѣйствовало, наконецъ, и на высшее общество: знатныя барыни на французскомъ языкѣ начали восхвалять русскій, изъявлять желаніе выучиться ему или притворно показывать, будто его знаютъ. Имъ и придворнымъ людямъ натолковали, что онъ искаженъ, зараженъ, начиненъ словами, оборотами, заимствованными у иностранныхъ языковъ, и что „Бесѣда“ составилась единственно съ цѣлью возвратить и сохранить ему чистоту и непорочность, и онѣ всѣ взялись быть главными ея поборницами... Члены вокругъ столовъ занимали середину; тамъ же разставлены были кресла для почетнѣйшихъ гостей, а вдоль стѣнъ, въ три уступа, хорошо устроены были сѣдалища для прочихъ посѣтителей, по билетамъ впускаемыхъ. Часть декораціонная была—совершенство... Прекрасный полъ, для большаго блеска, былъ въ бальныхъ нарядахъ, вельможи въ лентахъ и звѣздахъ, всѣ въ мундирахъ. Чтеніе, какъ содержаніемъ, такъ и слогомъ, не

отвѣчало наружному убранству. Дамы и свѣтскіе люди, которые вовсе ничего не понимали, не показывали, а можетъ быть и не чувствовали скуки; они исполнены были мысли, что совершаютъ великій патріотическій подвигъ и дѣлали сіе съ примѣрнымъ самоотверженіемъ. Горе было тѣмъ, которые понимали и принуждены были безпрестанно удерживать зѣвоту. Модный свѣтъ полагалъ, что торжество отечественной словесности должно предшествовать торжеству вѣры и отечества.

„Бесѣда", — прибавляетъ Вигель, — имѣла болѣе видъ казеннаго мѣста, чѣмъ ученаго сословія, и даже въ распредѣленіи мѣстъ держались болѣе табели о рангахъ, чѣмъ о талантахъ" [1]).

Самъ Шишковъ разсказываетъ о первомъ засѣданіи „Бесѣды": онъ читалъ рѣчь при ея открытіи. „Въ ней, разсуждая о словесности, приводилъ я выписки изъ многихъ нашихъ стихотворцевъ и писателей, выказывая красоты ихъ и возбуждая любовь къ языку нашему и чтенію на немъ собственныхъ нашихъ произведеній. Собраніе было многочисленно и состояло изъ отличнѣйшихъ обоего пола особъ. Рѣчь мою слушали съ великимъ вниманіемъ; во время чтенія царствовала совершенная тишина и безмолвіе. Послѣ меня Крыловъ читалъ свои басни, остротою и солью всѣмъ понравившіяся... Бесѣда сія имѣла добрый успѣхъ: многія присут-

---

[1]) Воспоминанія Вигеля, т. II, ч. 3, 149—151.

ствовавшія въ ней госпожи почувствовали, что не похвально языкъ свой презирать и многихъ прекрасныхъ на немъ сочиненій не читать и не знать".

Члены „Бесѣды" не довольствовались публичными чтеніями: желая имѣть болѣе широкое вліяніе на русскую публику, они стали издавать „Чтенія въ Бесѣдѣ, любителей русскаго слова" — и успѣшнѣе академическихъ „Сочиненій и переводовъ". Карамзина и здѣсь не оставляли въ покоѣ разными намеками. Зная его по сантиментальнымъ повѣстямъ, воображали, что и русская его исторія будетъ отличаться тѣми же качествами. Вотъ отрывокъ изъ стихотворенія, напечатаннаго въ III книжкѣ „Чтеній":

И впрямь, что нужды мнѣ въ дѣла другихъ мѣшаться?
На свѣтѣ можетъ всякъ чѣмъ хочетъ заниматься.
Пускай нашъ Ахалкинъ стремится въ новый путь,
И, вздохами свою наполня томну грудь,
Опишетъ, свойства плаксъ давъ Игорю и Кію,
И добренькихъ славянъ, и милую Россію.

По этому случаю Карамзинъ писалъ Дмитріеву: „О Бесѣдѣ Шишковской слышалъ. Желаю ей успѣха, но только въ добрѣ. Для чего сіи господа не хотятъ оставить меня въ покоѣ? Впрочемъ мое правило не злиться" [1]).

Въ это же время литературныя нападки на Шишкова были особенно сильны. Ему приходилось отбиваться отъ такихъ противниковъ, какъ Дашковъ и

[1]) Письма Карамзина къ Дмитріеву 19 февр. 1811 г.

профессоръ Каченовскій, противъ которыхъ нужно было вооружиться наукою, а здѣсь почва его была очень не твердая. Его „Разсужденія о красотахъ св. Писанія“, „Разговоры о словесности“, „Прибавленія къ разговорамъ“ оказались слабыми, а раздражительность, которую онъ не могъ скрыть, доказываетъ, что онъ и самъ чувствовалъ свою слабость. Но нельзя не замѣтить, что въ одномъ онъ пошелъ дальше своихъ противниковъ: указывая на источники, по которымъ мы должны учиться рускому языку, онъ включаетъ въ число ихъ русскія пѣсни, на которыя въ то время почти не обращали вниманія. „Народный языкъ, очищенный нѣсколько отъ своей грубости, возобновленный и приноровленный къ нынѣйшней нашей словесности, сблизилъ бы насъ съ тою пріятною невинностію, съ тѣми естественными чувствованіями, отъ которыхъ мы, удаляясь, дѣлаемся болѣе жеманными говорунами, нежели истинно краснорѣчивыми писателями“ [1]).

Здѣсь, можно сказать, Шишковъ додумался до настоящей истины, и самъ почувствовалъ, что въ его мысли есть и новость, и сила. Такъ, въ письмѣ къ Бардовскому (19 февр. 1811 г.) онъ говоритъ: „посылаю къ вамъ свои бредни, подъ названіемъ „Разговоры о словесности“: сперва бранили меня за то, что защищаю славянскій языкъ, а теперь станутъ бранить, что прославляю народный. Пускай

[1]) Разговоры о словесности. Собраніе соч. Шишкова, часть III.

бранятъ: кто нибудь скажетъ спасибо, а спасибо одного добраго человѣка утѣшаетъ меня больше, нежели досаждаетъ брань ста худыхъ".

Но за это Шишкова никто не бранилъ; Каченовскій отнесся къ нему съ благодарностью.

„Посмотрите, сколько опять появилось противъ меня браней", пишетъ онъ въ другомъ письмѣ къ тому же лицу: „иной подъ видомъ похвалы и безпристрастія хочетъ, не имѣя зубовъ, укусить; другой пишетъ посланіе на стихахъ; третій бранитъ славянскій языкъ, думая меня тѣмъ побранить"...

„Греческій языкъ насъ губитъ", говоритъ Шишковъ еще въ одномъ письмѣ: „мы думаемъ, что если знаемъ его, то уже все знаемъ; хорошо знать его, но и съ нимъ можно крайне заблуждаться. Если мнѣ вздумается на возраженіе Каченовскаго сдѣлать мое возраженіе, то я напередъ могу увѣрить, что даже и онъ самъ не вездѣ найдетъ себя правымъ. Я почитаю дарованія его въ словесности, равно какъ и нѣкоторыхъ другихъ московскихъ вашихъ писателей [1]); но между тѣмъ вижу, что перо ихъ часто движимо бываетъ или вихремъ времени и пристрастія, или предубѣжденіемъ, или порывами самолюбія. Для того весьма охотно читаю „Русскій Вѣстникъ" [2]),

---

[1]) Надо замѣтить, что большинство противниковъ Шишкова принадлежало къ московскимъ писателямъ. Карамзинъ въ это время жилъ также въ Москвѣ.

[2]) Журналъ, издаваемый въ Москвѣ съ 1808 г. С. Н. Глинкою, извѣстнымъ патріотомъ, возстававшимъ противъ подража-

который не твердитъ о словахъ эстетика, образованіе, просвѣщеніе и тому подобныхъ; но говоритъ всегда объ истинной и чистой нравственности, отъ которой въ нынѣшнія времена родъ человѣческій къ злополучію своему далѣе и далѣе отпадаетъ. Онъ („Русскій Вѣстникъ") не смотритъ на то, что таковыя его писанія многимъ, у которыхъ голова вскружена новыми понятіями, не нравятся... Не подумайте, чтобъ я не терпѣлъ никакихъ себѣ возраженій или бы почиталъ себя никогда не погрѣшающимъ; отнюдь нѣтъ: я весьма далекъ отъ того и отъ другаго. Но признаюсь, что какъ самъ люблю основательно разсуждать, такъ и тѣ только возраженія уважаю, которыя основательны" [1]).

И за этимъ Шишковъ приводитъ самую неосновательную защиту производства словъ широко, высоко, глубоко изъ ширь-око, высь-око, глубь-око,—производство, надъ которымъ посмѣялся Каченовскій.

Въ концѣ 1811 года Шишковъ написалъ для чтенія въ „Бесѣдѣ" „Разсужденіе о любви къ отечеству". Въ немъ высказалось горячее чувство патріота, хотя и повторились всѣ прежнія мысли объ языкѣ, о вѣрѣ, нравственности, воспитаніи. Еще

тельной жизни русскаго дворянства и старавшимся оправдать русскую старину. См. Монографіи и критическія статьи Пятковскаго, т. 2—Очерки изъ исторіи русской журналистики.

[1]) Записки, мнѣнія и переписка адм. Шишкова, ч. II, стр. 310—319.

Ломоносовъ приводитъ языкъ въ связь съ патріотизмомъ, совѣтуя изучать языкъ церковныхъ книгъ для того, чтобъ совершенствовать свой собственный литературный слогъ и достойнымъ образомъ прославлять дѣянія великихъ русскихъ людей [1]). Карамзинъ въ своей статьѣ „О любви къ отечеству" (1802 г.) не признаетъ въ современномъ ему образованномъ русскомъ обществѣ достаточно патріотизма, и совѣтуетъ ему побольше обращать вниманіе на отечественный языкъ и литературу. Шишковъ же не хочетъ признавать никакого патріотизма въ тѣхъ, кто чуждается славянизмовъ въ русской рѣчи; такіе не-патріоты являются въ его глазахъ безбожниками, развратниками, блуждающими во мракѣ лжеумствованія. Здѣсь онъ закидываетъ краснорѣчивыми громкими фразами съ намеками на тѣхъ, языкъ которыхъ ему не нравится, фразами, которыя затуманиваютъ умъ, но собственно ничего не доказываютъ. „Никогда безбожникъ не можетъ говорить языкомъ Давида", — восклицаетъ онъ, — „никогда развратный не можетъ говорить языкомъ Соломона!" Совершенная правда, но изъ этого не слѣдуетъ, что онъ не можетъ говорить хорошимъ русскимъ языкомъ, хотя и безъ славянизмовъ. „Гдѣ нѣтъ въ сердцахъ вѣры, тамъ нѣтъ въ языкѣ благочестія", но можетъ быть правильность, а благочестіе можетъ выражаться и въ самой простой рѣчи. „Гдѣ

[1]) О пользѣ книгъ церковныхъ.

ученіе основано на мракѣ лжеумствованія, тамъ въ языкѣ не возсіяетъ истина“, другими словами: ложноумствующій не говоритъ истину, тѣмъ не менѣе онъ можетъ владѣть изящнымъ языкомъ. Можно сказать, что фантазія, подъ вліяніемъ извѣстнаго чувства, и здѣсь мѣшаетъ Шишкову привести свои мысли въ стройное логическое цѣлое. Она поражаетъ разными сближеніями понятій и образовъ, не даетъ вамъ опомниться и быстро произноситъ свой приговоръ: патріотъ вы или нѣтъ. На людей, не привыкшихъ послѣдовательно мыслить, такія статьи всегда производятъ сильное впечатлѣніе, и Шишковъ разсчитывалъ на него. Но въ то же время чувство самосохраненія внушило ему боязнь. „Времена казались мнѣ такія, говоритъ онъ, что я, наслышась о преобладаніи надъ нами французскаго двора и чванствѣ посланника его Колинкура, а притомъ и зная неблаговоленіе ко мнѣ государя, опасался, чтобъ не поставили мнѣ это въ какое-нибудь смѣлое покушеніе, безъ воли правительства возбуждать гордость народную, или бы иными какими толками не умножали на меня еще болѣе гнѣвъ царскій“.

Вопросъ, читать ли „Разсужденіе“ въ „Бесѣдѣ“, Шишковъ предложилъ на разрѣшеніе всѣхъ членовъ ея; всѣ требовали чтенія и даже согласились скрѣпить свое требованіе собственноручными подписями, такъ что въ случаѣ непріятности пришлось бы отвѣчать всѣмъ. Въ назначенный вечеръ собралась на

чтеніе многолюдная публика. Болѣе четырехъ-сотъ посѣтителей, духовенство, высшіе чины и дамы едва вмѣстились въ залу. Съ нѣкоторою робостью, говорить авторъ, приступилъ онъ къ чтенію: „казалось мнѣ, что не всѣ раздѣлятъ со мною мои чувствованія, и можетъ быть, многимъ нѣкоторыя истины покажутся слишкомъ смѣлыми. Я старался читать вразумительно, ясно. Хотя за множество отвѣчать нельзя, можетъ быть, иные были тутъ и не совсѣмъ довольны собою, однакожъ, казалось, возвышаемая мною добродѣтель надъ всѣми вообще сильно подѣйствовала. Успѣхъ превзошелъ мое чаяніе, и тутъ увидѣлъ я, что какъ бы нравы ни были повреждены, однакожъ правда не престаетъ жить въ сердцахъ человѣческихъ. Кто даже и нейдетъ путемъ ея, тотъ самый при гласѣ ея просыпается и отворяетъ ему душу свою, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время“ [1]).

Изъ этого видно, какъ Шишковъ смотрѣлъ на свое произведеніе. Оно, дѣйствительно, не осталось безъ послѣдствій для автора, но повело его не къ тому, чего онъ опасался.

---

[1]) Записки Шишкова, т. I.—также письмо Бардовскому, т. 2, стр. 322.

VIII.

Шишковъ—государственный секретарь.

Изъ всѣхъ трудныхъ положеній, въ какихъ можетъ быть государь, положеніе императора Александра было въ это время одно изъ самыхъ тяжелыхъ [1]). Онъ не отрекся отъ прекрасныхъ идеаловъ, съ какими вступилъ на престолъ, не отрекся отъ надежды внести лучшія начала въ русскую государственную жизнь, воспитывать народъ законами и государственными учрежденіями; но видѣлъ, что тѣ формы, въ которыхъ онъ поспѣшилъ выразить свои стремленія, оказались несостоятельными; не выработанныя съ полной опредѣленностью, онѣ вносили еще большій безпорядокъ вмѣсто ожидаемаго порядка. Неудачи во внѣшней политикѣ, неудачи въ войнахъ, замѣшательства во внутреннемъ управленіи должны были навести его на мысль, что ближайшіе его помощники и совѣтники недостаточно искусны и опытны въ политическихъ дѣлахъ, недостаточно, можетъ быть, проникнуты его убѣжденіями. А къ нимъ онъ питалъ въ своемъ сердцѣ дружеское чувство и, несмотря на то, ему пришлось высказывать имъ неудовольствіе, недовѣріе къ ихъ силамъ и даже отдалять ихъ отъ тѣхъ дѣлъ, которыя въ началѣ были по-

---

[1]) О характерѣ императора Александра см. статью Пыпина въ „Вѣстн. Евр.“ 1870, № 2: „Очерки общественнаго движенія“.

рушены имъ. Конечно, не безъ внутренней борьбы сдѣлалось это; но у него выше личныхъ чувствъ стоялъ интересъ государственный; онъ продолжалъ сохранять къ нимъ сердечную привязанность даже и тогда, когда, оправдывая себя, они смѣло винили его одного во всѣхъ неудачахъ. Смѣлость, съ какою Карамзинъ высказался передъ нимъ въ 1812 году въ своей извѣстной запискѣ „О старой и новой Россіи", касаясь его министерствъ, для него не была совершенной новостью. Гораздо рѣзче, хотя и съ другими взглядами, многое высказалъ ему, обвиняя его, князь Чарторыжскій еще въ 1806 году. „Ваше величество полагаете, — писалъ онъ къ императору, — что система, въ которую были вовлечены вашимъ министерствомъ, была источникомъ всѣхъ бѣдствій, испытанныхъ нами. Я не могъ скрыть отъ васъ, что я убѣжденъ, напротивъ того, что они произошли отъ недостаточнаго искренняго и рѣшительнаго приложенія этой системы, отъ того, что вы уклонились отъ условленнаго плана и лишили своего довѣрія, во время исполненія, его составителей, такъ что во всемъ сдѣланномъ послѣ того не оказалось ни единства, ни послѣдовательности... Это единственныя начала, которымъ русскому кабинету прилично слѣдовать, и лишь величайшая энергія и дѣятельность могутъ вывесть Россію изъ ея прискорбнаго положенія. Ваше императорское величество, повидимому, держитесь нынѣ совершенно противуположнаго. Вы считаете начала, установленныя вами, опасными

и вредными и, какъ кажется, отрекаетесь отъ всякой мѣры, которая бы была дальнѣйшимъ ихъ приложеніемъ“ [1]).

Чарторыжскій даже упрекаетъ императора за то, что, при началѣ министерствъ, не были составлены инструкціи для министровъ, тогда какъ, по свидѣтельству Державина, они же, творцы министерской системы, напали на мысль его—о необходимости имѣть такія инструкціи. Александръ терпѣливо читалъ упреки и, не считая ихъ справедливыми, продолжалъ любезно и милостиво относиться къ своимъ друзьямъ: такъ сильно въ немъ было личное чувство и такъ умѣлъ онъ отдѣлять его отъ гражданскаго чувства. Приблизивъ къ себѣ молодаго Сперанскаго, который способенъ былъ понимать его стремленія, и даже полюбивъ его за обширный умъ, быстрыя работы, онъ поручилъ ему, въ качествѣ государственнаго секретаря, разработку теоріи въ канцелярскомъ приложеніи и, чтобы смягчить недовольство и ропотъ, онъ долженъ былъ обратиться къ тѣмъ людямъ, которые уже выказали себя въ прежнія царствованія, но, конечно, не къ тѣмъ порядкамъ, которые защищали они. И вотъ эти люди стали занимать важные посты. Между ними, къ общему недоумѣнію, явился и Аракчеевъ. Всѣ недоумѣвали, что заставило императора приблизить его

[1]) „Русскій Архивъ“, 1875 г. — „Письма Чарторыжскаго къ импер. Александру“.

къ себѣ. Въ 1808 году о немъ писалъ Ж. де-Местръ, отражавшій въ своимъ письмахъ тогдашніе толки: „Среди военной олигархіи любимцевъ вдругъ выросъ изъ земли, безъ всякихъ предварительныхъ знаменій, генералъ Аракчеевъ, здѣшній (петербургскій) губернаторъ при Павлѣ, до пресловутаго Палена, и съ нѣкотораго времени — начальникъ артиллеріи. Этотъ человѣкъ на прежнемъ своемъ постѣ заставлялъ дрожать Россію. Онъ жестокъ, строгъ, непоколебимъ. При Павлѣ онъ подвергался обычному чередованію гнѣва и милости... Въ настоящую минуту порядокъ можетъ быть возстановленъ лишь человѣкомъ подобнаго закала. Какъ рѣшился его величество завести себѣ визиря: ничто не можетъ быть противнѣе его характеру и его системамъ. Основное его правило состоитъ въ томъ, чтобы каждому изъ своихъ помощниковъ удѣлять лишь ограниченную долю довѣрія. Полагаю, что онъ (Александръ) хотѣлъ поставить рядомъ съ собою пугало пострашнѣе, по причинѣ внутренняго броженія, здѣсь господствующаго. Аракчеевъ имѣетъ противъ себя все то, что здѣсь имѣетъ вѣсъ. Онъ все давитъ, передъ нимъ исчезли, какъ туманъ, самыя замѣтныя вліянія“ [1]).

Конечно, въ это время на Аракчеева такъ смотрѣло уже большинство; но такъ какъ всякій ропотъ императоръ Александръ принималъ за голосъ той

---

[1]) „Русскій Архивъ“ 1871 г.—Письма Ж. де-Метра въ Италію.

или другой партіи, то и на него онъ не обращалъ вниманія.

Въ 1810 году, при учрежденіи министерства полиціи, министромъ былъ назначенъ Балашовъ; онъ же былъ и петербургскій военный губернаторъ, бывшій при Павлѣ оберъ-полицімейстеромъ въ Москвѣ и потомъ въ Петербургѣ. Онъ, впрочемъ, слылъ у современниковъ за человѣка очень умнаго, правдиваго и безкорыстнаго, уважавшаго науку и ученыхъ [1]). Я называю эти имена потому, что въ союзѣ съ ними, Шишкову скоро пришлось дѣйствовать.

Въ 1812 г. палъ государственный секретарь Сперанскій, и наконецъ дошла очередь и до старика Шишкова. 9 апрѣля того же года высочайшимъ указомъ повелѣно было государственнымъ секретаремъ на мѣсто Сперанскаго быть вице-адмиралу Шишкову. Какъ удивило всѣхъ быстрое и нежданное паденіе государева любимца, который былъ предметомъ зависти, злобы и ненависти почти всего чиновнаго міра, такъ удивило и новое назначеніе лица, нелюбимаго государемъ и ни въ чемъ не схожаго со Сперанскимъ. Самъ Шишковъ изумился, узнавъ о такомъ почетномъ назначеніи. Оказалось, что онъ очень кстати написалъ „Разсужденіе о любви къ отечеству“. Александръ прочиталъ его и увидѣлъ, что въ настоящій моментъ такой именно человѣкъ ему и нуженъ, т. е. пламенный патріотъ съ искус-

---

[1]) „Сперанскій“, барона Корфа.

ствомъ выражать свои чувства и мысли яснымъ и торжественнымъ литературнымъ языкомъ. Тогда уже можно было предвидѣть, что новая война съ Наполеономъ неизбѣжна и, по всей вѣроятности, война въ предѣлахъ Россіи. Надо было изготовиться къ ней всѣми народными силами; для этого необходимо располагать довѣріемъ народа, а чтобы внушить это довѣріе, нужно прежде всего умѣть говорить съ народомъ; и такъ, вопросъ состоялъ въ томъ, чтобы запастись правдивымъ, простымъ, искреннимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ сильнымъ и воодушевляющимъ къ подвигу словомъ. Такое слово, — показалось Александру, — звучитъ въ „Разсужденіи о любви къ отечеству“ [1]). Говорятъ, что на этотъ подвигъ государь сначала имѣлъ въ виду Карамзина, съ которымъ не задолго до этого онъ лично познакомился. Прослушавъ нѣкоторыя главы изъ его исторіи и прочитавъ его „Записку о старой и новой Россіи“, онъ оцѣнилъ его искренній патріотизмъ и краснорѣчіе. Не смотря на то, что Карамзинъ и Шишковъ были литературные враги, между ними можно найти и черты сходныя: и тотъ, и другой непріязненно относились къ новымъ государственнымъ порядкамъ, предпочитая порядки екатерининскаго царствованія, оба считали преждевременнымъ затрогивать вопросъ о крѣпостномъ правѣ, оба были пламенные патріоты, оба искусно владѣли литературнымъ языкомъ;

---

[1]) Записки Шишкова, ч. 1, стр. 123—4. Примѣч

но, конечно, Карамзинъ стоялъ выше Шишкова въ политическомъ пониманіи дѣлъ, въ историческомъ взглядѣ на народную жизнь (хотя и онъ нерѣдко поддавался фантастическимъ системамъ), въ научномъ образованіи, въ знакомствѣ съ европейскими литературами; но и онъ, разумѣется, не могъ бы замѣнить Сперанскаго, если бы шелъ вопросъ объ его замѣнѣ. Впрочемъ, государь и не имѣлъ въ виду передать государственному секретарю всѣхъ дѣлъ, которыя были на рукахъ у Сперанскаго; ему прежде всего нужно было имѣть постоянно при своей особѣ искуснаго писателя-патріота, который могъ бы горячимъ словомъ дѣйствовать на народную массу. Онъ даже не предполагалъ возможности государственному секретарю заниматься дѣлами государствепнаго совѣта и присутствовать въ его засѣданіяхъ, и назначилъ эту обязанность исправлять старшему изъ статсъ-секретарей, Оленину. Неизвѣстно, чтò заставило государя предпочесть Шишкова; говорятъ, что Балашовъ склонилъ его на этотъ выборъ; во всякомъ случаѣ причина была важная, если имѣть въ виду личное нерасположеніе Александра къ Шишкову и особенное расположеніе къ Карамзину. Мы знаемъ, что императоръ Александръ умѣлъ устранять свои личныя чувства въ вопросахъ о государственныхъи нтересахъ.

Неожиданно Шишковъ былъ позванъ къ государю черезъ фельдъегеря. Не предвидя изъ этого ничего хорошаго, имѣя въ виду недавнюю ссылку Сперанскаго и съ нимъ вмѣстѣ Магницкаго, отставку Мор-

двинова, онъ пришелъ въ сильное безпокойство и былъ увѣренъ, что кто-нибудь оклеветалъ его передъ государемъ. Во дворцѣ смутился онъ еще больше, когда одинъ изъ статсъ-секретарей, узнавъ отъ него самаго, что за нимъ присылалъ государь, поспѣшилъ отъ него удалиться,—вѣрный признакъ, что онъ въ немилости. „Что бы такое ни было,— замѣчаетъ Шишковъ,—я приготовился отвѣчать съ твердостью“. Но опасенія его разсѣялись при первыхъ словахъ государя. „Я читалъ разсужденіе ваше о любви къ отечеству,—сказалъ онъ:—имѣя таковыя чувства, вы можете ему быть полезны. Кажется, у насъ не обойдется безъ войны съ французами, нужно сдѣлать рекрутскій наборъ; я бы желалъ, чтобы вы написали о томъ манифестъ“. Этимъ порученіемъ государь хотѣлъ сдѣлать пробу пера Шишкова. Проба удалась какъ нельзя лучше. На другой же день утромъ манифестъ былъ уже въ рукахъ государя. Мы приводимъ первую часть его, которая показала, въ какомъ духѣ царь имѣетъ возможность обращаться къ своему народу.

„Настоящее состояніе дѣлъ въ Европѣ требуетъ рѣшительныхъ и твердыхъ мѣръ, неусыпнаго бодрствованія и сильнаго ополченія, которое могло бы вѣрнымъ и надежнымъ образомъ оградить великую имперію нашу отъ всѣхъ могущихъ противъ нея быть непріязненныхъ покушеній. Издавна сильный и храбрый народъ россійскій любилъ со всѣми окрестными народами пребывать въ мирѣ и тишинѣ,

соблюдая свой и другихъ покой; но когда бурное дыханіе возстающей на него вражды понуждало его поднять мечъ свой на защиту вѣры и отечества, тогда не было временъ, въ которыя бы рвеніе и усердіе вѣрныхъ сыновъ Россіи, во всѣхъ чинахъ и званіяхъ, не оказалось во всей своей силѣ и славѣ. Нынѣ настоитъ необходимая надобность увеличить число войскъ нашихъ новыми запасными войсками. Крѣпкія о Господи воинскія силы наши уже ополчены и устроены къ оборонѣ царства. Мужество и храбрость ихъ всему свѣту извѣстны. Надежда престола и державы твердо на нихъ лежитъ. Но жаркій духъ ихъ и любовь къ намъ и къ отечеству да не встрѣтятъ превосходнаго противъ себя числа силъ непріятельскихъ!“

Манифестъ понравился государю и скоро былъ обнародованъ. Шишковъ съ удовольствіемъ замѣчаетъ, что черезъ нѣсколько дней онъ читалъ письма изъ разныхъ городовъ, и изъ нихъ узналъ, какъ отовсюду отзывались о манифестѣ: онъ не только не произвелъ того прискорбія, какое обыкновенно бывало при объявленіи о рекрутскомъ наборѣ, но, напротивъ, всѣми вообще съ радостью былъ читанъ. „Признаюсь, это меня до слезъ тронуло“,—прибавляетъ авторъ.

Лишь только Шишковъ приблизился къ государю, какъ чувство само сохраненія снова стало безпокоить его. Разговаривая съ Балашовымъ, онъ узналъ, что государь намѣренъ пойти въ походъ вмѣстѣ съ вой-

сками и думаетъ взять его съ собою. На это Шишковъ замѣтилъ: „куда мнѣ, въ мои лѣта и съ моимъ худымъ здоровьемъ, таскаться по походамъ“. И скоро затѣмъ до него доходятъ разговоры толпы, будто государь уже предлагалъ ему ѣхать съ нимъ, но онъ отказался. Достаточно было этого, чтобы воображеніе Шишкова стало рисовать ему гнѣвъ государя, до котораго, конечно, дойдетъ эта молва, и затѣмъ смятеніе духа, опасенія, безпокойное ожиданіе чего нибудь непріятнаго. Но ему недолго пришлось ждать. Въ самый день своего отъѣзда государь снова призвалъ его и объявилъ свое желаніе взять его съ собою. „Можетъ быть, для васъ это тяжело, но для отечества нужно“, — прибавилъ онъ. Эти слова затронули патріотическое сердце Шишкова, и онъ съ жаромъ отвѣтилъ на нихъ: „Государь, силы и способности мои не отъ меня зависятъ, но въ ревности и въ усердіи служить вашему величеству я никому не уступлю. Употребите меня, какъ и куда угодно: я готовъ остальные дни мои посвятить вамъ и отечеству“. Но за этимъ Шишкову тотчасъ же представилось жалкое его положеніе верхомъ на лошади въ свитѣ государя, и припомнилась ему комическая роль кавалериста, которую онъ долженъ былъ разыгрывать при императорѣ Павлѣ въ качествѣ генералъ-адютанта. Не могъ онъ не передать своего опасенія государю, который, можетъ быть, также пропомнилъ Шишкова верхомъ на конѣ пятнадцать лѣтъ назадъ. Онъ съ

усмѣшкою успокоилъ вице-адмирала, обѣщая употреблять его на такія дѣла, гдѣ въ верховой ѣздѣ не будетъ надобности. Съ этимъ вмѣстѣ онъ подписалъ указъ о назначеніи его въ званіе государственнаго секретаря съ жалованьемъ по двѣнадцати тысячъ рублей въ годъ. Для приготовленія къ походу Шишкову дано было сроку три дня, послѣ которыхъ онъ долженъ былъ спѣшить за императоромъ въ Вильно. Съ дороги императоръ прислалъ приказаніе дать Шишкову придворный экипажъ и съ лошадьми.

Пріятель его, А. С. Хвостовъ, въ день отъѣзда, далъ ему прощальный обѣдъ. Въ концѣ обѣда подали хозяину запечатанный пакетъ на его имя. Въ немъ были стихи А. С. Шишкову, которые тутъ же и были прочитаны:

Шишковъ! оставя днесь „Бесѣды“ свѣтлый домъ,
Ты ѣдешь въ дальній путь въ каретѣ подъ орломъ.
Нашъ добрый царь, тебѣ вручая важно дѣло,
Старается твое беречь, покоить тѣло:
Лишь это надобно, о тѣлѣ только рѣчь:
Непоколебимый духъ умѣешь самъ сберечь.

Подписано: Иванъ Крыловъ. Гости апплодировали, а хозяинъ сказалъ экспромптъ:

Не диво то, что нашъ Крыловъ умно сказалъ,
Но диво, что онъ самъ стихи переписалъ.

Среди гостей былъ однофамилецъ хозяина, графъ Д. И. Хвостовъ, извѣстный страстный стихотворецъ, потѣха молодаго поколѣнія. Онъ самодовольно улы-

бался на похвалы Крылову, такъ какъ никто не подозрѣвалъ, что авторъ стиховъ былъ онъ самъ. Мистификація обнаружилась впослѣдствіи, и графъ, Хвостовъ указывалъ на опытъ магическаго дѣйствія имени: будь вмѣсто имени Крылова подписано его имя, никто бы не сталъ хвалить стиховъ и называть ихъ умными [1]).

IX.

Отечественная война.

Въ весеннюю распутицу съ большими затрудненіями добрался Шишковъ до Вильны, и былъ вознагражденъ ласковымъ пріемомъ государя, который сожалѣлъ о безпокойномъ его путешествіи и приказалъ отвести ему двѣ комнаты въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ самъ. Шишковъ присоединился къ блестящей свитѣ, окружавшей Александра и которая, по его словамъ, жила и веселилась съ такою безпечностью, что даже не слыхала о непріятелѣ, какъ будто бы онъ былъ за нѣсколько тысячъ верстъ; всѣ наслаждались и готовились къ новымъ веселіямъ. Одно это уже непріятно на него дѣйствовало, но были и другія обстоятельства, которыя внушали ему опасенія за успѣхъ нашего оружія. Въ своихъ запискахъ онъ высказываетъ одни свои неудоволь-

[1]) „Сѣверная Пчела“ 1857, № 119.

ствія, которыя мрачно его настраивали. „Первое меня удивило,—говорилъ онъ,—что государь говорилъ о Барклаѣ, какъ бы о главномъ распорядителѣ войскъ; а Барклай отзывался, что онъ только исполнитель его повелѣній. Могло ли, думалъ я, такое разнорѣчіе между ними служить къ благоустройству и пользѣ. Второе меня удивило, что мы съ войсками зашли въ Вильну и завезли запасы, предполагая оную оставить безъ всякаго сопротивленія непріятелю, отступая до Дриссы, гдѣ Фулю (пруссаку) поручено было сдѣлать укрѣпленіе, при которомъ надлежало остановиться и дать сраженіе. Зачѣмъ,—думалъ я,—идти въ Вильну съ намѣреніемъ оставить ее и нести какъ бы на плечахъ своихъ непріятеля внутрь Россіи, которая всю свою надежду полагала на войска и гдѣ никакихъ новыхъ силъ для обороны ея не было приготовлено? Третіе меня удивило, что великій князь Константинъ Павловичъ, пріѣхавъ на короткое время въ Вильну, остановился въ какомъ-то объ одной комнатѣ домикѣ. Мы пришли къ нему и должны были стоять на дворѣ, покуда насъ позовутъ. Въ это время, въ продолженіе болѣе часа, вводили къ нему человѣкъ по человѣку нѣсколько солдатъ съ ружьями. Я не могъ иного себѣ представить, какъ то, что онъ увѣщеваетъ ихъ быть храбрыми, стоять твердо, смыкаться, не разрывать рядовъ.... но когда позвали меня къ нему, то увидѣлъ я совсѣмъ иное: онъ показывалъ имъ, въ какомъ положеніи держать тѣло, голову,

грудь, гдѣ у ружья быть рукѣ и пальцу, какъ красивѣе шагать, повертываться... Какъ,—думалъ я,—то ли теперь время, чтобы заниматься такими пустыми мелочами? Казалось, великій князь угадалъ мою мысль, потому что, взглянувъ на меня, сказалъ мнѣ: ты вѣрно смотришь на это какъ на дурачество? Вопросъ сей такъ смутилъ меня, что я, ничего не отвѣчая, только низко поклонился“...

Разсказываетъ Шишковъ и о другихъ дѣлахъ, которыя по меньшей мѣрѣ должны были показаться странностями... Посреди такого препровожденія времени вдругъ всѣхъ застаетъ извѣстіе, что непріятель перешелъ уже русскую границу. 12-го іюня, въ два часа ночи, разбуженный Шишковъ получилъ приказаніе написать тотчасъ же приказъ арміямъ и рескриптъ къ главному начальнику въ Петербургѣ, фельдмаршалу графу Салтыкову, о вступленіи непріятеля въ наши предѣлы. Какъ ни былъ встревоженъ Александръ Семеновичъ, но патріотическое краснорѣчіе не оставило его: двѣ бумаги быстро были написаны. Приказъ арміямъ заключается словами: „не нужно Мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ нашимъ объ ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь славянъ. Воины! Вы защищаете вѣру, отечество, свободу. Я съ вами. На зачинающаго Богъ!“ Въ рескриптѣ еще сильнѣе слышится патріотическій голосъ Шишкова: „не остается Мнѣ иного, какъ поднять оружіе и употребить всѣ

врученные Мнѣ Провидѣніемъ способы къ отраженію силы силою. Я надѣюсь на усердіе моего народа и храбрость войскъ моихъ. Будучи въ нѣдрахъ домовъ своихъ угрожаемы, они защитятъ ихъ съ свойственною имъ твердостью и мужествомъ. Провидѣніе благословитъ праведное наше дѣло. Оборона отечества, сохраненіе независимости и чести народной принудило насъ препоясаться на брань. Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ“.

Эти слова читала вся Россія, одушевлялась и готовилась мужественно встрѣтить всѣ бѣдствія войны.

Затѣмъ начинаются самые скорбные дни для всей Россіи. Что въ это время чувствовало сердце Шишкова, то чувствовали и всѣ русскія сердца. Началось быстрое отступленіе нашихъ войскъ. При государѣ остались немногіе изъ его свиты: прочіе разъѣхались по разнымъ отрядамъ. Докладчиками остались Аракчеевъ, Балашовъ и Шишковъ. Первая остановка была въ мѣстечкѣ Свинцяны. Шишкову пришлось ночевать въ жидовскомъ грязномъ и вонючемъ кабакѣ. На ночь государь поручилъ ему работу— перевести съ нѣмецкаго языка бумагу, написанную прусакомъ Фулемъ, въ военные таланты котораго вѣрилъ Александръ, но который на самомъ дѣлѣ былъ злымъ геніемъ Россіи. Бумага содержала первыя извѣстія о бывшихъ стычкахъ съ непріятелемъ и о нашемъ положеніи. Ее въ переводѣ государь

хотѣлъ послать въ Петербургъ и напечатать въ вѣдомостяхъ. Но она возмутила Шишкова. Пруссакъ, напуганный Наполеономъ, не съумѣлъ скрыть своего страха и въ обращеніи къ русскому народу. Наполеона представлялъ онъ непобѣдимымъ, силу его—непреодолимою. „Похвала сія непріятелю и великимъ силамъ его,—пишетъ Шишковъ,—особливо при началѣ съ нимъ войны и для перваго извѣстія, показалась мнѣ весьма несовмѣстною и могущею породить худые толки". Несмотря на энергическое представленіе Шишкова, государь не согласился съ нимъ и потребовалъ перевода. Вотъ при какой обстановкѣ долженъ былъ Шишковъ приняться за эту работу: „корчма или съ землянымъ поломъ кабакъ, который былъ отведенъ для меня, состоялъ изъ двухъ горницъ, одной большой, другой маленькой, гдѣ въ углу стояла худая кровать съ приставленнымъ подлѣ ней къ стѣнѣ деревяннымъ столикомъ, едва могшимъ помѣстить на себѣ чернильницу, сальную свѣчу и мою бумагу. Тутъ, трудясь надъ непріятнымъ переводомъ, сидѣлъ я на треножномъ стулѣ, противъ маленькаго окошка, къ которому поминутно одинъ за другимъ приходили солдаты стучать, чтобъ имъ отперли двери кабака, такъ что я всякій разъ принужденъ былъ вскакивать со стула и каждому изъ нихъ вовсе горло кричать: поди прочь, здѣсь стоитъ генералъ. Мало сего, сверху безпрестанно падали на бумагу мою тараканы, которыхъ я, пиша съ торопливостью, каждый

разъ долженъ былъ отщелкивать. Къ симъ досадамъ присовокуплялась еще та, что хотя домъ, гдѣ остановился государь, и недалеко отстоялъ отъ меня, однакожъ надлежало туда ночью, въ дождикъ, по грязной улицѣ, бѣгать". Несмотря на приказаніе императора, Шишковъ не могъ буквально перевести бумагу: въ ней онъ иное выпустилъ, иное сократилъ, иное перемѣнилъ, въ чемъ, конечно, признался и государю. Неизвѣстно, остался ли тотъ доволенъ этимъ.

Вскорѣ затѣмъ Шишковъ рѣшительно отказался отъ другой работы, которая была ему не по совѣсти. Государю хотѣлось обнародовать подробный манифестъ о началѣ и причинахъ нашей войны съ французами. Но у Шишкова не было подъ рукою нужныхъ для того матеріаловъ, да и собирать ихъ на походѣ оказалось затруднительнымъ. Тогда императоръ передалъ свое желаніе своему статсъ-секретарю Нессельроде, который и сочинилъ на нѣсколькихъ листахъ, въ самый короткій срокъ, записку въ видѣ манифеста. Но такъ какъ она была на французскомъ языкѣ, то Шишкову было поручено перевести ее. Прочитавъ ее, Шишковъ возмутился тою ложью, какою хотѣли прикрывать наши затруднительныя обстоятельства. „Въ ней выставлялось,— говоритъ онъ,—наше отступленіе какъ бы нѣкая хитрость, обѣщающая намъ огромную побѣду. Сіи увѣренія, безъ всякой основательности, дѣлались тогда, когда войска наши вмѣстѣ съ нами отступа-

ли, непріятель шелъ по стопамъ нашимъ и все, позади насъ оставленное безъ защиты, предавалось ему или отъ него бѣжало. Хотя не произошло еще ничего рѣшительнаго, но сей видъ бѣгства всей арміи при самомъ началѣ войны, сіе быстрое стремленіе непріятеля и сіе, безъ всякаго сопротивленія, уступаніе ему стольких городовъ, земель и селеній, приводили всякаго въ уныніе".

Въ своихъ запискахъ Шишковъ подвергаетъ подробной критикѣ произведеніе Нессельроде и компаніи, какъ оскорбленный патріотъ, полагающій, что въ подобномъ великомъ дѣлѣ всякія хитрости, ложь и изворотливость въ объясненіи съ народомъ неумѣстны. Здѣсь отъ него достается и Фулю, военный планъ котораго стали приводить въ исполненіе. Много горячихъ словъ высказалъ онъ въ своемъ разборѣ. „Европа ужаснулась,—восклицаетъ онъ,— Россія вострепетала. Кипѣвшее доселѣ мужествомъ, храброе воинство, готовое кинуться на врага, лишь только его увидитъ, утомилось, потеряло духъ, видя себя безъ брани бѣгущимъ. Отважнѣйшіе генералы и офицеры пришли въ уныніе. Справедливое негодованіе видѣть пруссака Фуля, располагающаго судьбою всего войска и всего царства россійскаго, растерзало по неволѣ сердца ихъ и души. Кто исчислитъ бѣдственныя слѣдствія сего несчастнаго отступленія, сей оборонительной системы, выдуманной господиномъ Фулемъ и ему подобными?... Какъ! въ пять дней отъ начала войны потерять Вильну, пре-

даться бѣгству, оставить столько городовъ и земель въ добычу непріятелю и при всемъ томъ хвастать началомъ кампаніи! Да чего еще не достаетъ врагу нашему? Развѣ только того, чтобъ безъ всякой препоны приблизиться къ обѣимъ нашимъ столицамъ? Боже милосердый! горькія слезы смываютъ слова мои".

Въ такомъ настроеніи Шишковъ пошелъ къ государю; возбужденное въ немъ чувство скорбящаго патріота заглушало чувство самосохраненія. Онъ смѣло отказался отъ перевода, горячо высказалъ причины, и Александръ понялъ его, и пересталъ настаивать. Бумага осталась безъ перевода и скоро совсѣмъ была забыта.

Отступленіе продолжалось. Останавливались часто въ такихъ мѣстахъ, гдѣ для ночлега только государя могли найти какой-нибудь маленькій домикъ: всѣ другіе размѣщались по сараямъ, конюшнямъ, голубятнямъ. Скоро Шишковъ занемогъ и слегъ въ постель. Въ такомъ состояніи обдумывая плачевное положеніе нашего войска и всей Россіи, онъ остановился на мысли, что, можетъ быть, наше положеніе приняло бы совсѣмъ иной видъ, если бы государь оставилъ войско и возвратился черезъ Москву въ Петербургъ. Тогда можно будетъ устранить отъ вреднаго участія и Фуля, къ которому государь обращался съ довѣріемъ при своихъ разногласіяхъ съ главнокомандующимъ, считавшимъ себя лицомъ не отвѣтственнымъ, а исполнителемъ распоряженій го-

сударя. Особенно же боялся Шишковъ, что въ случаѣ несчастной для насъ битвы, Наполеонъ, разсѣявъ наши войска, быстро устремится къ Москвѣ, распространяя вездѣ страхъ, что̀ принудитъ государя заключить постыдный миръ. Шишковъ хорошо понималъ, что убѣдить Александра оставить войско было весьма трудно, такъ какъ царь считалъ это безславіемъ. Тѣмъ не менѣе онъ рѣшился изложить свои мысли въ письмѣ къ нему, и, несмотря на болѣзнь, ночью въ одинъ присѣстъ написалъ длинное письмо, въ которомъ обстоятельно разсмотрѣлъ, гдѣ наиболѣе нужно присутствіе государя, при войскахъ ли или внутри Россіи. Здѣсь онъ доказываетъ, что на одни войска, какъ бы ни были они храбры, положиться нельзя, потому что неизвѣстно на чьей сторонѣ будетъ побѣда; осторожность требуетъ предварительно организовать всѣ силы государства на случай пораженія войска. Государь среди войска рискуетъ своею жизнью: онъ можетъ попасть въ плѣнъ или быть убитымъ, а этой случайностью будетъ убито и все царство; тогда какъ государь среди народа всегда можетъ собрать вокругъ себя, какъ главы отечества, народныя силы, которыя будутъ готовы защищать царя. Войсками предводительствовать можетъ главнокомандующій; поднять народъ и направить его силы можетъ только государь. Нѣтъ государю славы, ни государству пользы, чтобы глава его присоединялся къ одной только части войскъ, оставляя другимъ всѣ прочія силы и части государ-

ственнаго управленія; отъ того не всегда даже пріобрѣтается и личная слава и честь. Когда царь будетъ среди своего народа, то положеніе войскъ, хотя бы они и не могли преодолѣть врага, не подвергнетъ царство опасности, и непріятель, встрѣчая отъ нихъ сопротивленіе, хотя бы и одерживалъ успѣхи, но, истощенный и разстроенный, страшился бы всегда новыхъ силъ впереди; единственная надежда его—привесть скоро къ окончанію войну—была бы совершенно отнята. Развивъ всѣ эти мысли, Шишковъ убѣждаетъ государя оставить войско прежде какого-либо рѣшительнаго сраженія (которое уже предполагалось на Дрисѣ) и заключаетъ письмо такими горячими словами: „Всемилостивѣйшій государь! сіе мнѣніе основано на вѣрности и любви къ священной твоей особѣ. Обрати, надежда Россіи, обрати вниманіе свое на него. Молимъ тебя со слезами! Мы увѣрены, что сей гласъ и моленіе передъ твоимъ престоломъ есть гласъ всего отечества, всѣхъ вѣрныхъ твоихъ подданныхъ и готовы въ томъ подписаться кровью“.

Утромъ, когда Шишковъ еще думалъ о своемъ письмѣ, какъ передать его государю, къ нему приходитъ генералъ-адъютантъ Чернышевъ съ напечатаннымъ уже приказомъ войскамъ, и передаетъ желаніе императора, чтобы Шишковъ прочиталъ его, не найдутся ли какія-либо поправки. Приказъ извѣщалъ о предстоящемъ близкомъ сраженіи и ободрялъ войска въ храбрости; въ заключеніи же было ска-

зано, что государь ни въ какое время отъ нихъ не отлучится и всегда будетъ съ ними. Прочитавъ эти послѣднія слова, Шишковъ понялъ, что, допустивъ ихъ, онъ долженъ будетъ навсегда отказаться отъ своего письма. „Не могъ я удержаться въ предѣлахъ умѣренности,—замѣчаетъ онъ,—и, не разсуждая ни о какихъ послѣдствіяхъ, взялъ перо и вымаравъ сіи строки, сказалъ Чернышеву: донесите государю, что это зависѣть будетъ отъ обстоятельствъ и что онъ не можетъ сего обѣщать, не подвергаясь опасности не сдержать даннаго имъ слова“. Черезъ нѣсколько времени Шишковъ прочиталъ уже объявленный приказъ и не нашелъ въ немъ вычеркнутыхъ имъ словъ. Александръ послушался его, понимая вѣроятно, какой подвигъ совершаетъ его подданный своею смѣлостью. Но съ этимъ вмѣстѣ у Шишкова оставалось мало надежды подѣйствовать на государя. Думая усилить свою просьбу голосами другихъ, онъ сталъ искать себѣ союзниковъ и остановился на Балашовѣ и Аракчеевѣ. Коекакъ ему удалось уговорить ихъ. Письмо его, подписанное тремя именами, Аракчеевъ взялся доставить Александру. Проходили дни, Аракчеевъ медлилъ и выжидалъ удобнаго случая, а Шишковъ терзался страхомъ, что вдругъ нагрянетъ непріятель, разгромитъ ихъ, и письмо его сдѣлается безполезнымъ, а можетъ быть, рушится и весь его планъ. Наконецъ онъ узнаетъ, что письмо государемъ прочитано, а какое оно произвело дѣйствіе—никому неизвѣстно.

Послѣ болѣзни самъ Шишковъ пошелъ нарочно къ нему съ докладомъ; государь разговаривалъ съ нимъ ласково, но о бумагѣ ни слова. На другой день разносится слухъ, что велѣно готовить коляски— ѣхать въ Москву. „Радость моя была неописанна,— прибавляетъ Шишковъ.—Теплѣйшая молитва пролилась изъ устъ моихъ къ подателю всѣхъ благъ". Ясно, что въ теченіе всѣхъ этихъ дней Александръ обдумывалъ, какъ поступить ему, можетъ быть, боролся съ собою, и все же уступилъ убѣжденіямъ своего подданнаго патріота. Нельзя не признать этого подвига за Шишковымъ, и ему было чему радоваться. Нельзя также не замѣтить, что и императору Александру не въ первый разъ приходилось читать смѣлыя сужденія о безполезномъ его пребываніи въ арміи. Еще въ 1806 г. ему писалъ князь Чарторыйскій въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ: „Отъѣздъ вашего в-ства въ армію считаю я главными причинами всѣхъ несчастій, приключившихся впослѣдствіи... какъ только ваше в-ство пріѣдете въ армію, отвѣтственность съ генераловъ будетъ снята и все падетъ на васъ... Все будетъ стекаться и сосредоточиваться въ волѣ вашего в-ства. Главнокомандованія больше не будетъ, ибо оно не будетъ принято формально вашимъ в-ствомъ, а на дѣлѣ будетъ снято съ генераловъ. Интриги двора и партій перенесутся въ лагерь... Вы поѣхали, государь, и отмѣна прежнихъ приказаній предшествовала вамъ въ арміяхъ. Она огорчила и генераловъ, и солдатъ,

горѣвшихъ желаніемъ помѣриться съ пруссаками и привела въ отчаяніе поляковъ, ожидавшихъ лишь знака, чтобъ соединить всѣ свои усилія... Къ чему служилъ бы опытъ,—прибавляетъ Чарторыйскій въ своемъ письмѣ,—если бы мы не старались обсуждать прошлыя событія съ самою строгою правдивостью и извлекать изъ нихъ уроки для настоящаго и для будущаго" [1])

Можетъ быть, эти послѣднія слова вспомнились Александру, когда ему пришлось обсуждать важный вопросъ, поставленный ему Шишковымъ.

Въ тотъ же день Шишковъ получаетъ приказъ написать воззваніе къ Москвѣ и манифестъ о всеобщемъ ополченіи. „Я бѣгу безъ ума отъ восхищенія, беру перо, излагаю"...—пишетъ Шишковъ, а черезъ нѣсколько дней отъ его словъ вся Россія встрепенулась и пришла въ движеніе. Въ воззваніи къ первопрестольной столицѣ, между прочимъ, говорится, что Москва всегда была главою прочихъ городовъ русскихъ, „она изливала всегда изъ нѣдръ своихъ смертоносную на враговъ силу; по примѣру ея изъ всѣхъ прочихъ окрестностей текли къ ней, на подобіе крови къ сердцу, сыны отечества для защиты онаго; никогда не настояло въ томъ вящшей надобности, какъ нынѣ: спасеніе вѣры, престола, царства того требуютъ". Далѣе вызываются дворянство и другія сословія къ той пра-

---

[1]) „Рус. Архивъ", 1871.

ведной брани, какую благословляетъ Богъ и православная наша церковь; для совѣтовъ и руководствованія всѣми ополченіями государь обѣщаетъ быть самъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, и наконецъ все заключается такими словами: „да обратится погибель, въ которую мнитъ онъ (непріятель) низринуть насъ, на главу его, и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи“.

Въ манифестѣ объ ополченіи еще болѣе восторженныхъ словъ, отъ которыхъ загорался русскій патріотизмъ: „Да найдетъ онъ (врагъ) на каждомъ шагѣ вѣрныхъ сыновъ Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ и обманамъ. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина. Благородное дворянское сословіе! ты во всѣ времена было спасителемъ отечества. Святѣйшій синодъ и духовенство! вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу Россіи. Народъ русскій! храброе потомство храбрыхъ славянъ! ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ. Соединитесь всѣ: со крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ, никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ“.

Обѣ бумаги были подписаны Александромъ 6 іюля въ главной квартирѣ близъ Полоцка. Вслѣдъ за государемъ отправился и Шишковъ. Брошенныя

жителями деревни, гдѣ не попадались даже животныя, навели на него уныніе; но въ Смоленскѣ, говоритъ онъ, „смотря на мужественный духъ и пылающее рвеніе. возродилась во мнѣ исчезавшая надежда, и я въ восторгѣ души моей самъ себѣ сказалъ: нѣтъ, Богъ милостивъ, Рѡссія не погибнетъ!“

Поздно вечеромъ 11 іюля, императоръ пріѣхалъ въ Москву; 15-го числа дворянамъ и купцамъ назначено было собраться въ залахъ Слободскаго дворца (возлѣ Лефортовскаго): Александръ хотѣлъ лично обратиться къ своимъ подданнымъ. Впереди себя онъ послалъ Шишкова вмѣстѣ съ графомъ Ростопчинымъ, чтобы до его пріѣзда прочесть собравшимся манифестъ отъ 6 іюля.

Когда они входили къ дворянамъ. тамъ раздавался голосъ извѣстнаго московскаго патріота С. Н. Глинки, издателя патріотическаго журнала „Русскій Вѣстникъ“. „Адъ должно отражать адомъ“!—кричалъ онъ въ патріотическомъ изступленіи: „всѣ отечественныя лѣтописи наши свидѣтельствуютъ, что Москва привыкла страдать за Россію... сдача Москвы будетъ спасеніемъ Россіи и Европы“... Рѣчь Глинки была прервана появленіемъ московскаго главнокомандующаго съ Шишковымъ, который и прочелъ манифестъ съ подобающею торжественностью. Его выслушали съ сдержаннымъ молчаніемъ до тысячи человѣкъ собравшихся дворянъ. Но не то было въ залѣ, гдѣ собраны были купцы; молчаливое вниманіе быстро перешло въ гнѣвъ; когда же Шишковъ про-

изнесъ слова, что непріятель съ лестью на устахъ несетъ въ рукахъ оковы, тогда негодованіе выразилось въ сильнѣйшей степени: ударяли себя въ голову, рвали на себѣ волосы, ломали руки, видны были слезы гнѣва [1])... Шишковъ былъ очевидцемъ магическаго дѣйствія своихъ словъ.

Въ Москвѣ онъ написалъ нѣсколько манифестовъ и рескриптовъ, въ которыхъ заключались распоряженія государя по ополченіямъ, и затѣмъ 19 іюля отправился вслѣдъ за государемъ въ Петербургъ. Въ дорогѣ, подъ тяжелыми впечатлѣніями всего предшествовавшаго, его фантазія оказалась склонною къ мистицизму: „день былъ ясенъ,—пишетъ онъ,—на чистомъ небѣ примѣтны были только два облака, изъ которыхъ одно имѣло точное подобіе рака съ головою, хвостомъ, протянутыми лапами и разверзстыми клешнями; другое такъ похоже было на дракона, какъ бы на бумагѣ нарисовано. Увидя ихъ, я удивился сему ихъ составу и сталъ смотрѣть на нихъ пристально. Они сближались одно съ другимъ и когда голова дракона сошлась съ клешнями рака, то она стала блѣднѣть, распускаться, и облако потеряло прежній свой видъ. Казалось, ракъ побѣдилъ дракона, и не прежде какъ минутъ черезъ пять и самъ разрушился. Сидя одинъ въ коляскѣ, долго размышлялъ я: кто въ эту войну будетъ ракъ, и кто драконъ? Напослѣдокъ пришло мнѣ въ го-

[1]) „Русск. Арх.“ 1875: „Москва въ 1812 г.“.

лову, что ракъ означалъ Россію, поелику оба сіи слова начинаются съ буквы р. и эта мысль утѣшала меня во всю дорогу". Такъ часто фантазія Шишкова преобладала въ его размышленіяхъ.

Въ Петербургѣ Шишковъ вмѣстѣ съ Аракчеевымъ и Балашовымъ долженъ былъ присутствовать въ особомъ комитетѣ, учрежденномъ для общихъ распоряженій по ополченію [1]).

Въ своихъ запискахъ Шишковъ коротко сообщаетъ извѣстія изъ дѣйствующей арміи и о рескриптахъ и предписаніяхъ, которыя пришлось ему составлять отъ имени императора. Съ особеннымъ удовольствіемъ писалъ онъ рескрипты къ Кутузову о наградахъ, которыми удостоивалъ его императоръ, такъ какъ съ Кутузовымъ Шишковъ еще и прежде водилъ хлѣбъ-соль, и радовался его успѣхамъ. Онъ старается даже оправдать своего пріятеля за отдачу Москвы врагу безъ боя. 9-го сентября императоръ позвалъ къ себѣ Шишкова и приказалъ написать извѣстіе о потерѣ Москвы. „Услышавъ сіе,—разсказываетъ онъ,—пошелъ я домой съ сокрушеннымъ сердцемъ; чувства мои, сначала пораженныя жестокою горестью, вдругъ воспламенились гнѣвомъ, родившимъ во мнѣ, вмѣсто унынія и отчаянія, гордость и надежду".

Надо отдать справедливость Шишкову, что вѣра въ силы русскаго народа у него была непоколебима;

---

[1]) Исторія Александра I, Богдановича, ч. 3.

она проявлялась у него въ тѣ моменты, когда нуженъ былъ человѣкъ съ такою вѣрою, чтобы поддерживать унывающихъ и падающихъ духомъ. Она выливалась въ его пламенныхъ рѣчахъ, которыя, какъ извѣстно, сильно дѣйствовали па русскихъ людей. За нимъ остается честь, что онъ безъ оружія совершалъ подвиги въ бѣдственную годину. Конечно, чувства его раздѣлялъ и Александръ, подписывавшій его бумаги, а можетъ быть, въ нихъ находилъ и бодрость. Вотъ извлеченія изъ извѣстія:

„Съ крайнею и сокрушающею сердце каждаго сына отечества печалью, симъ извѣщается, что непріятель сентября 3 числа вступилъ въ Москву. Но да не унываетъ отъ сего великій народъ россійскій! Напротивъ, да поклянется всякъ, и каждый воскипитъ новымъ духомъ мужества, твердости и несомнѣнной надежды, что всякое наносимое намъ врагами зло и вредъ обратятся напослѣдокъ на главу ихъ. Сколь ни болѣзненно всякому русскому слышать, что первопрестольный градъ Москва вмѣщаетъ въ себѣ враговъ отечества своего, но она вмѣщаетъ ихъ въ себѣ пустая, обнаженная отъ всѣхъ сокровищъ и жителей. Гордый завоеватель надѣялся, вошедъ въ нее, содѣлаться повелителемъ всего Россійскаго царства и предписать ему такой миръ, какой заблагоразсудитъ; но онъ обманется въ надеждѣ своей и не найдетъ въ столицѣ сей не только способовъ господствовать, ниже способовъ существовать... Безъ сомнѣнія смѣлое или, лучше сказать,

спросить его подробно и составить бумагу подъ названіемъ—извѣстіе изъ Москвы. Настроенный этими разсказами, Шишковъ не жалѣетъ красокъ для изображенія безчеловѣчія и лютости французовъ. Здѣсь же онъ воспользовался случаемъ, чтобы осудить весь французскій народъ и его просвѣщеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ задѣть русское образованное общество, которое увлекалось имъ. Въ настоящемъ бѣдствіи Россіи онъ хочетъ видѣть милость Божію, которая удерживаетъ насъ отъ дальнѣйшаго гибельнаго увлеченія: „конечно, во всякомъ и благочестивомъ народѣ могутъ быть изверги, —говоритъ онъ,— однакоже, когда сихъ извергОвъ, грабителей, зажигателей, убійцъ невинности, оскорбителей человѣчества, поругателей и осквернителей самой святыни появится въ цѣломъ воинствѣ почти всякъ и каж-

Арндту и они, бесѣдуя оба на плохомъ французскомъ языкѣ, пріискивали наиболѣе возвышенныя и энергическія слова, которыми Шишковъ и усиливалъ свои воззванія и филиппики (См. Очерки общественнаго движенія при Александрѣ I. Пыпина. „Вѣстн. Европы". 1870 г., окт., стр. 752). Изъ этихъ словъ трудно заключить, какую именно помощь Шишковъ могъ имѣть отъ Арндта, тѣмъ болѣе, что сличеніе немногихъ воззваній и манифестовъ, писанныхъ Шишковымъ въ Петербургѣ, и многихъ писанныхъ внѣ Петербурга, конечно, безъ пособія Арндта, не представляетъ никакого различія ни въ мысляхъ, ни въ слогѣ, ни въ силѣ одушевленія. Можно бы было подумать, что Арндтъ внушилъ Шишкову мысль о спасеніи Европы, которая ожидаетъ его отъ Россіи, если бы эта мысль не была высказана еще прежде въ „Воззваніи къ первопрестольной столицѣ" отъ 6 іюля, когда Шишковъ не могъ имѣть сношенія съ нѣмецкимъ патріотомъ.

дый, то невозможно, чтобъ въ народѣ такой державы были благіе нравы. Человѣческая душа не дѣлается вдругъ злою и безбожною: она становится таковою мало-по-малу, отъ примѣровъ, отъ соблазна, отъ общаго и долговременно развивающагося яда безвѣрія и развращенія. Сами французскіе писатели изображали нравъ народа своего сліяніемъ тигра съ обезьяною; и когда же не былъ онъ таковъ?

„...Взглянемъ на адскія, изрыгнутыя въ книгахъ ихъ лжемудрованія, на распутство жизни, на ужасы революціи, на кровь, пролитую ими въ своей и чужихъ земляхъ... Гдѣ человѣчество? Гдѣ признаки добрыхъ нравовъ? Вотъ съ какимъ народомъ имѣемъ мы дѣло? И посему должны разсуждать, можетъ ли прекращена быть вражда между безбожіемъ и благочестіемъ, между порокомъ и добродѣтелью? Долго мы заблуждались, почитая народъ сей достойнымъ нашей пріязни, содружества и даже подражанія. Мы любовались и прижимали къ ґруди нашей змѣю, которая, терзая собственную утробу свою, проливала къ намъ ядъ свой, и, наконецъ, насъ же за нашу къ ней привязанность и любовь всезлобнымъ жаломъ своимъ уязвляетъ. Не постыдимся признаться въ нашей слабости. Похвальнѣе и спасительнѣе упасть и возстать, нежели видѣть свою ошибку и лежать подъ вреднымъ игомъ ея. Опаснѣе для насъ дружба и соблазны развратнаго народа, чѣмъ вражда ихъ и оружіе. Возблагодаримъ Бога: Онъ и

дерзкое стремленіе его въ самую грудь Россіи и даже въ самую древнѣйшую столицу, удовлетворяетъ его честолюбію и подаетъ ему поводъ тщеславиться и величаться; но конецъ вѣнчаетъ дѣло! Не въ ту страну зашелъ онъ, гдѣ одинъ смѣлый шагъ поражаетъ всѣхъ ужасомъ и преклоняетъ къ стопамъ его и войско, и народъ! Россія не привыкла покорствовать, не потерпитъ порабощенія, не предастъ законовъ своихъ, вѣры, свободы, имущества. Она съ послѣднею въ груди каплею крови станетъ защищать ихъ. Всеобще, повсюду видимое усердіе и ревность въ охотномъ и добровольномъ противъ врага ополченіи свидѣтельствуетъ ясно, сколь крѣпко и непоколебимо отечество наше, ограждаемое бодрымъ духомъ вѣрныхъ его сыновъ. И такъ, да не унываетъ никто!... Не прославится ли тотъ народъ, который, перенеся всѣ неизбѣжныя съ войною разоренія, наконецъ, терпѣливостью и мужествомъ своимъ достигнетъ до того, что не токмо пріобрѣтетъ самъ себѣ прочное и ненарушимое спокойствіе, но и другимъ державамъ доставитъ оное и даже тѣмъ самымъ, которыя противъ воли своей вмѣстѣ съ нимъ воюютъ. Пріятно и свойственно доброму народу за зло воздавать добромъ. Боже всемогущій! обрати милосердыя очи Твои на молящуюся Тебѣ съ колѣнопреклоненіемъ россійскую церковь! Даруй поборающему по правдѣ вѣрному народу Твоему бодрость духа и терпѣніе! Сими да восторжествуетъ онъ надъ врагомъ своимъ, да прео-

рю, потому что упреки сіи, если не прямо, то отчасти, на него падаютъ. Мысль сія остановила меня. Но когда же,—подумалъ я,—опять и дать ему это почувствовать, какъ не при нынѣшнихъ обстоятельствахъ? Ободренный симъ размышленіемъ, рѣшился я идти къ нему; но прежде нежели начать читать, сказалъ ему: государь, я не умѣю иначе говорить, какъ то, что чувствую. Позвольте мнѣ попросить васъ, выслушать бумагу мою до конца, не прерывая чтенія оной. Послѣ того сдѣлайте съ нею, что вамъ будетъ угодно.—Онъ обѣщалъ это, и я началъ читать. По окончаніи чтенія, взглянувъ на него, примѣтилъ я въ лицѣ его нѣкоторую краску и смущеніе. Онъ, помолчавъ нѣсколько, сказалъ мнѣ: „такъ, правда, я заслуживаю сію укоризну".

Шишкову какъ бы жалко стало Александра, и онъ старался смягчить дѣйствіе своихъ словъ, обвиняя Петра Великаго въ началѣ зла и его преемниковъ, которые не останавливали въ насъ пристрастія ко всему французскому, и выгораживая отъ обвиненія Екатерину, которая старалась, хотя уже и поздно, обращать насъ къ отечественнымъ доблестямъ.

Государь оставилъ бумагу у себя, и спустя нѣкоторое время она была обнародована. Весьма огорчило императора извѣстіе о мародерствѣ русскихъ солдатъ. По этому поводу Шишкову тотчасъ же было приказано написать приказъ нашимъ войскамъ. Не менѣе Александра былъ возбуж-

денъ и Шишковъ этимъ извѣстіемъ, что и высказалъ въ приказѣ: „къ великому прискорбію моему,—между прочимъ говорится тамъ,—слышу я, что есть между вами недостойные васъ сотоварищи ваши, которые, отлучаясь самовольно отъ командъ своихъ, шатаются по деревнямъ и лѣсамъ подъ именемъ мародеровъ. Имя гнустное, никогда неслыханное въ русскихъ войскахъ, означающее вора, грабителя, разбойника. Должно ли почтенное имя защитника вѣры и отечества оскверняться сими презрительными именами? Россія—мать ваша! Что-жъ можетъ быть преступнѣе, какъ, видя ее расхищаемую врагами, не только не защищать ее, но еще вмѣстѣ съ ними грабить и собственными руками раздирать утробу своей матери? Тяжкій грѣхъ сей не отпустится никогда, ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ... Воины! горящая Москва да воспалитъ въ душахъ вашихъ огнь мщенія; потушите пожаръ ея кровію враговъ. Да не понесутъ они съ собою стыдъ вашъ и слезы вашихъ родныхъ и ближнихъ! Сего ожидаетъ поруганная ими церковь и оскорбленное отечество“.

Мы не будемъ здѣсь говорить о всѣхъ бумагахъ, которыя, въ формѣ указовъ, приказовъ, извѣщеній, манифестовъ, рескриптовъ, пришлось въ это время составлять Шишкову; скажемъ только: всѣ они проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ съ обычнымъ шишковскимъ краснорѣчіемъ, которое хотя нѣсколько и реторично, но проникнуто искреннимъ чув-

ствомъ. Въ это время Шишковъ былъ такъ убѣжденъ въ правотѣ всѣхъ своихъ мыслей, считая только ихъ патріотическими, что на всякаго, несогласнаго съ нимъ во мнѣніяхъ, смотрѣлъ какъ на зараженнаго новомыслíемъ и неспособнаго быть патріотомъ, отчего у него выходили столкновенія и пререканія съ нѣкоторыми министрами; ему было обидно, когда крайніе его взгляды называли закоснѣлою стариною.

Извѣстіе о бѣгствѣ непріятеля въ особенности воспламенило фантазію и краснорѣчіе Шишкова. Такъ, въ рескриптѣ графу Ростопчину, онъ пишетъ: „не возгордится врагъ нашъ своими злодѣйствами: пожаръ Москвы потушенъ кровію его! Подъ пепломъ его лежатъ погребены гордость его и сила. Изъ оскорбленныхъ нечестивою рукою его храмовъ Божіихъ изникла грозная и праведная месть. Уже руки, наносившія зло Россіи, связаны; уже обращенный въ бѣгство непріятель, предавъ на посѣченіе тылъ свой, льетъ кровавые токи по слѣдамъ своимъ. Гладъ и смерть текутъ за нимъ. Быстрота стопъ не помогаетъ ему. Долгота пути приводитъ его въ отчаяніе. Россія видитъ сіе, и вскорѣ съ радостію увидитъ вся Европа. Итакъ, хотя великолѣпную столицу нашу пожралъ несытый огонь, но огонь сей будетъ въ роды родовъ освѣщать лютость враговъ и нашу славу“.

Въ началѣ декабря императоръ отправился въ Вильну, а за нимъ вскорѣ послѣдовалъ и Шишковъ.

Въ своихъ запискахъ онъ краснорѣчиво описываетъ тѣ мѣста, гдѣ происходили военныя дѣйствія и движенія. Видно, что они произвели на него сильное впечатлѣніе ужасными слѣдами бѣдственной войны. То же самое поразило его въ Вильнѣ. Здѣсь онъ былъ пожалованъ орденомъ св. Александра Невскаго; но ему особенно было пріятно выраженіе въ высочайшемъ рескриптѣ: за примѣрную любовь къ отечеству. Шишковъ былъ недоволенъ намѣреніемъ императора продолжать войну за предѣлами Россіи и даже упрекалъ Кутузова, что тотъ, отчасти раздѣляя его мнѣніе, не рѣшался отговаривать государя. Патріотъ теперь уже дрожалъ за славу русскаго парода, которая могла бы помрачиться въ случаѣ военныхъ неудачъ.

X.

Жизнь въ Германіи.

Въ новый годъ перешли русскую границу, и отсюда начинаются скучныя странствованія и скитанія Шишкова по городамъ, селамъ и деревнямъ. Особенно пріятно было ему узнать, что русскіе манифесты, переведенные на нѣмецкій языкъ, съ жадностью читаются въ Пруссіи, возбуждаютъ народный духъ и производятъ сильное дѣйствіе надъ умами. „Радость моя, — говоритъ онъ,—происходила больше отъ благопріятности судьбы или случая, до-

ставившаго мнѣ такое званіе, въ которомъ въ самое нужное время могъ я быть полезенъ моему отечеству". Въ письмѣ къ женѣ онъ говоритъ о томъ же: „одинъ пріѣзжій сюда прусскій офицеръ сказалъ самому государю, что обращеніе всегда къ Богу и духъ благочестія въ сихъ бумагахъ привлекаютъ къ себѣ умы и сердца всѣхъ: дай Богъ, чтобъ языкъ правды и благомыслія восторжествовалъ надъ языкомъ лжи и злонрявія".

Въ своихъ запискахъ Шишковъ разсказываетъ разныя мелкія приключенія и встрѣчи, которыя не имѣютъ біографическаго значенія, и мы не будемъ останавливаться на нихъ. И здѣсь онъ на все смотритъ съ своей точки зрѣнія и не упускаетъ случая, чтобы высказать свою ненависть къ французамъ. Такъ, у него происходили даже столкновенія съ Кутузовымъ-Смоленскимъ, которыя онъ называетъ весьма непріятными происшествіями, хотя, по его словамъ, обходился онъ съ нимъ отнюдь не на политикѣ, а чистосердечно. Кутузовъ и въ особенности жена его были пристрастны къ французамъ: побѣдитель ихъ увѣрялъ, что если мы бросимъ французскій языкъ, перестанемъ отдавать своихъ дѣтей на воспитаніе французамъ и прогонимъ отъ себя французскихъ актеровъ, то впадемъ въ прежнюю неуклюжесть и невѣжество. Можно представить за какую обиду принималъ Шишковъ подобныя увѣренія; можно себѣ представить и ту пытку, какую однажды пришлось ему вынести за столомъ у госу-

даря, когда Кутузовъ сталъ его просить дозволить снова французскіе спектакли въ Петербургѣ: они были прекращены въ концѣ іюля 1812 года, когда патріотически настроенная публика перестала посѣщать ихъ. Кутузовъ доказывалъ, что эти спектакли сдѣлались потребностью общества, которое давно привыкло ими услаждаться и которое русскими актерами, послѣ французскихъ, не можетъ довольствоваться.

Какъ видно, Кутузовъ этимъ ходатайствомъ передъ государемъ исполнялъ просьбу своей жены, которая скучала въ Петербургѣ безъ французскаго театра. Государь не спорилъ съ Кутузовымъ и, повидимому, съ нимъ соглашался. „Въ это время,— говоритъ Шишковъ,—кипѣла вся моя внутренность отъ досады. Я молчалъ, не смѣя вмѣшаться въ ихъ рѣчи и чувствуя, что не могъ открыть рта съ тѣмъ спокойствіемъ и равнодушіемъ, какихъ царское присутствіе и образъ мыслей его (царя) требовали". Кутузовъ писалъ объ этомъ разговорѣ женѣ, а княгиня, въ свою очередь, съ удовольствіемъ разсказывала о немъ въ обществѣ, о чемъ писала Шишкову жена его. На это Шишковъ съ досадою отвѣчалъ ей: „ежели княгиня наша хвастаетъ такими подвигами своего князя, то мало дѣлаетъ она ему и себѣ чести, а особливо въ глазахъ тѣхъ людей, которые эту вещь подалѣе и получше видятъ, чѣмъ она. Есть люди, хотя и одаренные умомъ, но тамъ, гдѣ пристрастіе въ нихъ дѣйствуетъ,—разсуждаютъ

они, какъ младенцы. Къ числу таковыхъ, съ крайнимъ сожалѣніемъ по родству и человѣколюбію, причисляю я почтенную, впрочемъ, нашу княгиню, о которой давно уже знаю, что у ней какую-нибудь Филису (пѣвицу) или Дюпора (танцовщика) не перетянутъ не только того же ремесла русскіе люди, но ниже Минины и Пожарскіе... Многіе у насъ подобное сему разсуждаютъ. Нò всего чуднѣе мысль сія въ человѣкѣ, который самъ-собою доказываетъ противное тому, чтò говоритъ. Онъ родился отъ русскаго отца, дворянина посредственнаго состоянія, воспитанъ не французами, спасъ отъ нихъ отечество свое, достигъ до великихъ почестей и славы, и, со всѣмъ этимъ, думаетъ, что Россія безъ ихъ воспитанія и спектаклей не можетъ быть просвѣщенною! Вотъ какъ сильно предразсудки дѣйствуютъ надъ нами“.

Главная квартира шесть недѣль пробыла въ Калишѣ, городкѣ варшавскаго герцогства. Здѣсь получены были извѣстія о занятіи Берлина, о прусскомъ союзѣ, о взятіи Дрездена. 25-го марта былъ написанъ Шишковымъ приказъ войскамъ—подавать „руку помощи благороднымъ пруссакамъ, которые кипятъ тѣмъ же, какъ и мы, духомъ народной чести и достоинства. Дѣло наше общее и праведное; мы стоимъ за вѣру — противъ безвѣрія, за свободу — противъ властолюбія, за человѣчество — противъ звѣрства“.

Въ своихъ запискахъ Шишковъ съ удовольствіемъ

описываетъ торжественныя встрѣчи, устраиваемыя государю въ Силезіи и Саксоніи. Онъ такъ былъ проникнутъ народной гордостью, что, по просьбѣ нѣсколькихъ дамъ, сопутствовавшихъ главному штабу, рѣшился написать маленькую патріотическую пьеску, съ тѣмъ, чтобъ представить ее передъ государемъ. Но она осталась неконченною, такъ какъ Александръ отклонилъ намѣреніе дамъ. Пьеска была озаглавлена такимъ образомъ: „Маленькій праздникъ, или слабая дань благодарности русскимъ воинамъ, въ лицѣ главноначальствующаго надъ ними“. Она начинается переиначенной русской пѣснью:

Хожу я по улицѣ,
Да не нахожуся!
То-то люли,
То-то люшеньки-люли!
Смотрю я на воина,
Да не насмотрюся!
То-то люли,
То-то люшеньки-люли!
Славѣ дѣлъ его дивлюсь,
Да не надивлюся!
То-то люли,
То-то люшеньки-люли!

Затѣмъ, въ длинномъ разговорѣ, слѣдуетъ похвала всѣмъ русскимъ, по чинамъ и сословіямъ, брань французовъ, пѣсня „въ честь знаменитаго нашего полководца“:

Выду-ль я на рѣченьку,
Посмотрю на быструю:
Какъ она сильна весною,
Такъ ужасенъ онъ врагамъ;
Какъ она тиха средь лѣта,
Такъ любезенъ онъ друзьямъ.

Здѣсь устами тирольки, говорящей по-русски, восхваляется русскій языкъ: „дѣла русскихъ сдѣлали давно уже почтенное имя и языкъ ихъ нынѣ еще почтеннѣйшими тому, чья душа не терпитъ уничиженія и рабства, не любитъ пресмыкаться подъ игомъ чужеземцевъ". Здѣсь же восхваляется и крестьянское женское платье — „этотъ сарафанъ, эта повязка на головѣ дѣлаютъ и лицо моложе, и станъ красивѣе". Здѣсь же нельзя не замѣтить и безтактности, которою Шишковъ иногда отличался. Онъ не могъ не знать, что государь не выносилъ публичной похвалы, относимой къ его особѣ, и между тѣмъ вставилъ въ разговоръ слова о немъ, которыя должны были показаться лестью. Съ другой стороны, народная гордость переходитъ у него въ самовосхваленіе и дѣлается въ высшей степени непріятною, когда съ нею является похвальба своими добрыми дѣлами. Здѣсь уже начинается нравственное ослѣпленіе, которое, къ сожалѣнію, замѣчается въ Шишковѣ.

Дорога изъ Дрездена въ Лейпцигъ была такъ дурна, что государь и свита его должны были ѣхать верхомъ. Шишковъ, какъ мы знаемъ, боялся верховой ѣзды и не могъ разстаться съ своею коляскою. Съ этого времени онъ былъ постоянно позади глав-

ной квартиры, иногда даже теряя ее изъ виду и по нѣскольку дней не имѣя о ней извѣстія. Боязнь попасться въ непріятельскія руки тревожила его ежеминутно. „Мнѣ воображалось,—говоритъ онъ,—что Наполеонъ, по званію моему, навѣрное знаетъ, кто при государѣ пишетъ манифесты, которые, безъ сомнѣнія, не могли ему нравиться; притомъ же любимецъ его Колинкуръ, въ бытность свою посломъ въ Петербургѣ, весьма не благоволилъ ко мнѣ, наслышась, можетъ быть, о моемъ образѣ мыслей, далеко не согласномъ съ ихъ дѣлами и поступками. Мысль сія устрашала меня попасть въ руки человѣка, который всѣхъ приверженныхъ къ отечеству своему почитаетъ уголовными противъ него преступниками“. Его фантазія, подъ вліяніемъ страха, уже представляла картину, какъ русскаго государственнаго секретаря и патріота, писавшаго такіе сильные манифесты, разстрѣливаютъ французскіе солдаты. Но, къ счастью, ничего этого не случилось. Государственный секретарь, послѣ разныхъ маленькихъ непріятностей и неудобствъ путешествія, снова соединялся съ главной квартирой, писалъ новые приказы и манифесты, и опять отставалъ отъ прочихъ, на страхъ самому себѣ.

Наконецъ, заключено было перемиріе. Государь остановился въ силезскомъ мѣстечкѣ Петерсвальдау. Здѣсь же долженъ былъ поселиться и Шишковъ. Получивъ извѣстіе о смерти президента россійской академіи Нартова, онъ донесъ о томъ государю и

высказалъ при этомъ желаніе занять мѣсто умершаго. Александръ согласился, сказавъ, что „со свѣчкою не сыщетъ лучшаго человѣка". Въ Петербургѣ нѣсколько иначе разсказывали объ этомъ назначеніи: будто Шишковъ не самъ назвался въ президенты, а государь назначилъ его, когда тотъ уже уѣхалъ на воды въ Карлсбадъ. Министръ же просвѣщенія представлялъ на утвержденіе государя нѣсколькихъ кандидатовъ изъ числа членовъ академіи, съ тѣмъ, чтобъ ей предоставить выборъ президента изъ утвержденныхъ кандидатовъ. Впрочемъ, назначеніе Шишкова, какъ видно, произвело на академиковъ пріятное впечатлѣніе. Такъ, извѣстный вологодскій епископъ Евгеній писалъ къ графу Хвостову: „нашъ аристархъ (Шишковъ) достоинъ предсѣдательствовать въ россійской академіи, которой онъ оказалъ уже много заслугъ. Дѣятельностью своею онъ возбудитъ больше содѣйствія и въ членахъ, изъ коихъ многіе доселѣ ничего не дѣлаютъ" [1]). Но не такъ охотно согласился императоръ на просьбу новаго президента отпустить его въ Карлсбадъ. Шишковъ, послѣ многихъ безпокойствъ, въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ себя нездоровымъ и думалъ отдохнуть въ Карлсбадѣ. Здѣсь онъ нашелъ русскихъ великихъ княгинь Екатерину и Марію Павловенъ и довольно большое русское общество. Но болѣзненные его припадки не

---

[1]) Сборникъ статей въ „Отдѣлѣ русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ", т. V: Въ память митрополита Евгенія стр. 146, 147.

облегчились, хотя время онъ и провелъ пріятно. Затѣмъ снова начинаются его скитанія и преслѣдованія главной государевой квартиры, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прежніе страхи попасть въ плѣнъ. Опустошенія отъ войны давали ему тэмы для мечтаній и резонерства, для вывода морали: „О, люди, люди!“ восклицаетъ онъ: „въ какое бѣдствіе вы сами себя ввергаете! Вы называетесь христіанами, но если бы святая вѣра владычествовала въ умахъ и сердцахъ вашихъ, вы бы, для общаго всѣхъ благополучія, старались одинъ другому помогать, а не истреблять другъ друга“. Наконецъ удалось ему выпроситься у государя, за болѣзнью, въ Прагу, которую незадолго до этого спасли русскія войска отъ французскаго полководца Вандама, шедшаго опустошить ее. Понятно, что пражане смотрѣли на русскихъ какъ на своихъ избавителей и принимали ихъ съ большимъ радушіемъ. Въ Прагѣ Шишковъ нашелъ немало русскихъ изъ высшаго общества, и въ томъ числѣ нѣсколько дамъ. Здѣсь же онъ познакомился съ извѣстнымъ чешскимъ ученымъ Добровскимъ, съ которымъ разсуждалъ о славянскомъ языкѣ и его нарѣчіяхъ. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, какъ знаменитый славистъ посмотрѣлъ на фантастическую ученость президента россійской академіи. Здѣсь же, при участіи Шишкова, была открыта подписка на памятникъ тѣмъ русскимъ, которые умерли отъ ранъ въ Прагѣ, послѣ сраженій 17-го и 18-го августа въ богемскихъ горахъ, отстаивая Богемію. Памят-

никъ впослѣдствіи былъ сооруженъ у подножія Жижковой горы, въ пражскомъ предмѣстьѣ Карлинъ, на военномъ кладбищѣ, на могилѣ 45-ти русскихъ офицеровъ. Въ Прагѣ Шишковъ услышалъ и о счастливомъ лейпцигскомъ сраженіи, о которомъ реляцію въ первый разъ прочитали въ театрѣ; но жаркій русскій патріотъ остался недоволенъ холодною радостью нѣмцевъ; не такою представлялъ онъ эту радость среди русскихъ: „у насъ,—говорилъ онъ,—безумолкный крикъ и плески не дали бы окончиться представленію до самаго утра“.

Изъ писемъ Шишкова къ женѣ, которыя онъ писалъ очень часто, мы узнаемъ, что онъ постоянно былъ въ дурномъ расположеніи духа; почти всѣ они, начиная съ 16-го января 1813 г., наполнены жалобами. Выписываемъ здѣсь нѣкоторыя его выраженія: „Признаюсь тебѣ, что очень скучно таскаться такимъ образомъ въ мои лѣта и съ моимъ нравомъ. Какъ быть: не такъ живи, какъ хочется, а какъ Богъ велитъ... Грустно, что ѣздишь, ѣздишь, и не знаешь, какой и когда будетъ тому конецъ... Вотъ моя жизнь! она очень весела, только бы я перекрестился три раза, если бы она перемѣнилась... Надоѣло всякій день или черезъ день тащиться по грязи и безпрестанно перемѣнять ночлеги, иногда въ изрядной комнаткѣ, а иногда въ скверной избѣ... Скучно, мой другъ, очень скучно и какъ-то отчасу скучнѣе становится. За благополучные часы считаю, когда сплю. Чувствую, что

пришла старость, и что уединеніе и спокойствіе были бы для меня всего дороже... Въ другое время видѣть русскихъ въ такой чести, и жить въ городѣ (Дрезденѣ), изобилующемъ многими удовольствіями, могло бы меня утѣшать; но теперь не то время настоитъ, чтобы чувствовать какое-нибудь веселіе... Пожелай, мой другъ, чтобъ Богъ скорѣе возвратилъ меня въ Россію: дождь и градъ пріятнѣе для меня будутъ здѣшнихъ ясныхъ дней... О, мой другъ, пусть бы въ молодости досталось мнѣ вести такую жизнь, такъ бы я не чувствовалъ всѣхъ скукъ ѐя, хотя и тогда не могла бы она мнѣ нравиться; но теперь, когда и слабое здоровье, и лѣта мои требовали бы тихихъ упражненій и спокойствія, я безъ всякой пользы и надобности страдаю, мучусь, таскаюсь, самъ не зная зачѣмъ и куда, и, можетъ быть, попадусь въ руки непріятеля, гдѣ если и живъ останусь, то, по слабости моего здоровья, не перенесу всѣхъ горестей и несчастія. Вотъ, въ добавокъ къ болѣзни, какими мыслями наполненъ я съ утра до вечера“.

Особенно огорчила Шишкова смерть Кутузова, стараго его пріятеля. О немъ онъ писалъ съ большимъ чувствомъ и принималъ горячее участіе въ горѣ его жены. „Ахъ, если бы она знала, какое я пріемлю участіе въ ней и сколько разъ приходила она мнѣ на мысль въ эти дни, то, конечно, прочитавъ во глубинѣ души моей, повѣрила бы, что я съ дѣтства привыкъ ее любить“. По приказа-

нію государя, Шишковъ краснорѣчиво написалъ высочайшій рескриптъ къ ней, который, какъ онъ думалъ, долженъ былъ ей понравиться.

Въ нѣкоторыхъ письмахъ онъ жалуется, что его осаждаютъ изъ Петербурга разными просьбами, то исходатайствовать кому-нибудь пенсію, то выпросить у государя назначить чью-нибудь дочь или племянницу фрейлиною, и подобн.; и всѣ требуютъ скораго отвѣта и обижаются всякимъ замедленіемъ. „Истинно нѣтъ возможности,—пишетъ онъ женѣ,—отвѣчать на всѣ тѣ письма, которыя я получаю; надобно съ утра до вечера сидѣть за бумагою... Не отвѣчалъ я тебѣ на нѣкоторыя просьбы, о которыхъ ты ко мнѣ писала,—но что могу отвѣчать? Все, что возможно, я стараюсь сдѣлать, а чего не могъ или не имѣлъ случая, нечего и писать... Вотъ, мой другъ, причина, по которой многіе на меня ропщутъ думая, что когда я на письма ихъ не отвѣчаю, то уже ничего для нихъ и не дѣлаю. Но можно ли въ безпрестанныхъ переѣздахъ съ мѣста на мѣсто отвѣчать всѣмъ на тысячи получаемыхъ мною писемъ? Всякъ, не зная обстоятельствъ, думаетъ, что просьбу его легко и тотчасъ исполнить можно, и, вмѣсто благодарности за всевозможное стараніе мое, ему неизвѣстное, обвиняетъ меня за мое молчаніе. Но, воля ихъ,—я неохотникъ увѣрять по пустому... Покуда не придетъ часъ (который долго, долго иногда не приходитъ), то надобно дожидаться“. Нужно отдать честь Шишкову, что онъ дѣйстви-

тельно умѣлъ служить своимъ друзьямъ и тѣмъ, кого любилъ, и если не всегда успѣвалъ угождать имъ, то не отъ недостатка усердія. Недовольные Шишковымъ, вѣроятно, распространяли въ Петербургѣ слухъ, что его смѣняетъ государь, о чемъ его увѣдомляла жена. На это Шишковъ писалъ ей: „какой вздоръ! здѣсь я этого не слышу, и даже похожаго не вижу. Впрочемъ, ежелибъ это и случилось, не подумай, чтобъ я опечалился. Я къ моему мѣсту и къ двору отнюдь не привязанъ. Велятъ мнѣ что дѣлать—я дѣлаю охотно; а не велятъ и не станутъ мнѣ ничего поручать, такъ мнѣ и дѣла нѣтъ. Я не стану и неспособенъ напрашиваться и подставляться, чтобъ меня примѣтили“. Шишковъ и въ своихъ письмахъ не упускаетъ случая выбранить французовъ или зло кольнуть подражателей имъ. „Какъ не восхищаться прекрасными поступками французовъ,—пишетъ онъ въ одномъ письмѣ,—какъ не любить ихъ актеровъ, торговокъ, учителей и пр. Они препріятные люди, а всѣ другіе, особливо же мы, nous hommes des мужикъ, но, слава Богу, что эти наши мужички не похожи на насъ, баръ“.

Нельзя не указать и на письмо Шишкова, писанное въ Москву къ Бардовскому, въ маѣ 1813 года. Шишкову пришла мысль собрать всѣ свѣдѣнія о пребываніи непріятеля въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. Объ этомъ онъ доложилъ императору, который и приказалъ поручить это дѣло кому-либо изъ

людей, ему извѣстныхъ. Шишковъ выбралъ Бардовскаго, который занимался переводомъ нравственно-христіанскихъ сочиненій и съ которымъ еще прежде онъ велъ переписку объ ученыхъ предметахъ, высказывая, между прочимъ, и неудовольствіе на своихъ критиковъ. Поручивъ ему задуманное дѣло, Шишковъ писалъ ему наставленіе, какъ его выполнить: „Когда накопите вы достаточное число извѣстій о разныхъ происшествіяхъ, тогда приступите къ составленію изъ нихъ порядочнаго и послѣдственнаго повѣствованія, примѣшивая всегда къ оному нравственныя разсужденія и нравоученія. Старайтесь иногда подкрѣплять ихъ приличными изъ св. писанія мѣстами: онѣ бываютъ весьма сильны и убѣдительны, какъ скоро приведены будутъ встати. Въ семъ нашествіи на насъ враговъ больше, нежели когда-нибудь, явенъ перстъ Божій; и такъ, не оставляйте въ молчаніи чудесныхъ событій, таковыхъ, напримѣръ, какъ слѣдующее: при выносѣ изъ Смоленска образа Богоматерина читаютъ евангеліе: „и бысть Марія три мѣсяца въ пути, и возвратися въ домъ свой“, и точно, чрезъ такое время образъ сей внесенъ былъ опять въ городъ и поставленъ на свое мѣсто... Цѣль сей книги должна быть слѣдующая: первое, какими злодѣйствами въ собственной своей и другихъ пагубѣ оскверняется народъ, когда отступаетъ отъ Бога и впадаетъ въ безвѣріе. Здѣсь не худо краткимъ и нечувствительнымъ образомъ войти въ

историческое разсмотрѣніе нравственности галльскаго народа, гдѣ откроется широкое поле говорить о древнихъ книгахъ ихъ, о развратныхъ правилахъ, о неистовыхъ дѣлахъ, породившихъ чудовищную революцію и тысячи старыхъ и новыхъ Маратовъ и Робеспьеровъ... Въ противоположность сему, безъ всякаго самохвальства, можно отдать справедливость, что въ нашемъ народѣ не было никогда иныхъ книгъ, кромѣ насаждающихъ благочестіе, иныхъ нравовъ, кромѣ благочестивыхъ, уважающихъ всегда человѣколюбіе (скоро же забылъ почтенный авторъ пугачевщину!), гостепріимство, родство, цѣломудріе, кротость и всѣ христіанскія, нужныя для общежитія, добродѣтели. Если нынѣ въ нравахъ нашихъ примѣчается порча, или отступленіе отъ коренныхъ правилъ честности, добродушія, то зараза сія пришла къ намъ отъ сего обманчиваго народа, котораго нечистая и гнилая внутренность прикрыта блестящею наружностью, уловляющею въ сѣти свои простоту и легковѣріе. Между тѣмъ зараза сія сдѣлалась весьма сильною и общею. Посмотрите на Европу... Особливо, по несчастію, мы больше всѣхъ прочихъ народовъ примѣчаемъ въ себѣ страсть къ сему подражанію. Когда мы наружностію своею столько стараемся быть на нихъ похожими, то можетъ ли внутренность наша остаться неповрежденною? Постарайтесь съ изображеніемъ претерпѣнныхъ нами золъ изображать и то, что это не послѣднія бѣды, какъ

скоро мы не перестанемъ любить языкъ ихъ,— сей бичъ, убивающій народную нашу гордость, и сей ключъ, отверзающій сердца и умы наши къ принятію въ нихъ яда злочестія и худой нравственности. Мы до того доходили, что говорить объ этомъ иначе не смѣли, какъ съ великою скромностію. Я почти первый сталъ, въ 1804 г., о семъ говорить смѣло, и вы помните, какъ господа „Вѣстники“ и „Меркуріи“ противъ меня возстали. По сочиненіямъ ихъ, я былъ такой преступникъ, котораго надлежало запереть и взять съ меня отвѣтъ, какимъ образомъ дерзнулъ я говорить, что русскому надобно русское воспитаніе. Они упрекали меня, что я хочу ниспровергнуть просвѣщеніе и всѣхъ обратить въ невѣжество, что я иду противъ Петра, Екатерины, Александра и пр.; тогда могли они такъ вопіять, надѣясь на великое число зараженныхъ симъ духомъ, и тогда долженъ я былъ поневолѣ воздерживаться; но теперь я бы ткнулъ ихъ носомъ въ пепелъ Москвы и громко имъ сказалъ: „вотъ чего вы хотѣли“. Богъ не наказалъ насъ, но послалъ милость свою къ намъ, ежели сожженные города наши сдѣлаютъ насъ русскими. Вотъ къ какой цѣли должна стремиться ваша книга“.

Такимъ образомъ, въ бѣдственныхъ обстоятельствахъ Россіи Шишковъ находилъ себѣ оправданіе въ томъ, въ чемъ его упрекали критики. Его фантазія связала пожаръ Москвы съ этими критиками, съ дворянками, воспитанными французами, съ дворя-

нами, говорящими по-французски и слѣдующими французскимъ модамъ, какъ будто бы въ эту войну они явились измѣнниками отечеству, призвали въ Россію Наполеона и предали ему Москву на сожженіе; какъ будто бы безъ французскаго языка и французскихъ модъ Наполеону и въ голову не пришло даже заглянуть въ Россію. Почтенный государственный секретарь знать не хотѣлъ никакихъ политическихъ обстоятельствъ, ни исторіи, и не любилъ провѣрять ими плодовъ своей фантазіи. Конечно, ему было очень пріятно оправдывать себя и торжествовать надъ тѣми, кто еще такъ недавно считалъ его отсталымъ старовѣромъ; ему было пріятно выставлять себя какимъ-то спеціальнымъ патріотомъ, который имѣетъ право тыкать чуть не все образованное русское общество носами въ пепелъ Москвы. И онъ искренно вѣрилъ въ свои заносчивыя идеи. Замышляя въ предположенной книгѣ обвинить образованное общество въ бѣдствіи Россіи и возвысить невѣжественный народъ за его на-половину мнимыя добродѣтели, онъ не подозрѣвалъ, что даетъ невѣжеству силу, вызывая въ немъ ненависть къ образованію и прикрывая ее слѣпымъ патріотизмомъ. Здѣсь въ своемъ патріотизмѣ Шишковъ самъ дошелъ до ослѣпленія. Фантазія подъ впечатлѣніями событій брала окончательно верхъ надъ здравымъ разсудкомъ.

Въ половинѣ октября Шишковъ получилъ приказаніе отъ государя скорѣе прибыть въ главную

квартиру. Хотя докторъ и не совѣтовалъ ему ѣхать, указывая на разстроенное его здоровье и на безпрерывные осенніе дожди, но онъ не посмѣлъ медлить. Послѣ многихъ затрудненій въ дорогѣ, прибылъ онъ, наконецъ, 31 числа во Франкфуртъ-на-Майнѣ, гдѣ находилась главная квартира. Здѣсь онъ нашелъ большое блестящее общество: императоры, короли, принцы, герцоги, у всякаго свой дворъ—министры, генералы, у этихъ секретари, адъютанты; всѣ скачутъ, ѣздятъ, бѣгаютъ, верхами, въ каретахъ, въ колясках, пѣшкомъ, въ разныхъ одѣяніяхъ, въ лентахъ, звѣздахъ, шишакахъ съ высокими перьями; пропасть разнодержавныхъ войскъ; поутрамъ маршируютъ, бьютъ въ барабаны, кричатъ ура! „Какъ весело,—прибавлялъ онъ,—да только не мнѣ, у котораго почти ежедневно то грудь болитъ, то голова". Государь принялъ его ласково и поручилъ написать „Извѣстіе" о лейпцигскомъ сраженіи. Шишковъ тотчасъ же принялся за работу: сначала онъ сдѣлалъ общее обозрѣніе всей кампаніи и затѣмъ далъ волю своему воображенію въ описаніи лейпцигскаго боя, изображая, какъ „праведное оружіе блистаетъ во всей своей силѣ, и какъ утѣснитель народовъ съ остатками разбитыхъ и разсѣянныхъ войскъ своихъ въ единой быстротѣ бѣгства ищетъ спасенія". Идея „Извѣстія"—крѣпокъ и силенъ человѣкъ упованіемъ на Бога. Заключается оно такими словами: „Плоды битвы неисчетны, слѣдствія спасительны для нынѣшнихъ и будущихъ родовъ всего человѣ-

чества. Очарованіе разрушено, гордость низринута, слѣпота умовъ и страхъ сердецъ развѣяны, злочестіе и злоба скованы. Непріятель съ слабыми остатками изнуренныхъ силъ своихъ вогнанъ въ предѣлы своего царства. Мы на берегу Рейна, и Европа освобождена". Прислушиваясь къ разнымъ разговорамъ, Шишковъ, несмотря на описанные имъ успѣхи нашего оружія, остался недоволенъ какъ военными, такъ и политическими дѣлами. Вмѣстѣ съ другими русскими онъ обвинялъ австрійцевъ въ слабости и нечистосердечіи; намѣреніе союзниковъ идти во Францію отдаляло надежду на скорое возвращеніе въ отечество. Мрачно смотрѣлось на все утомленному и полубольному старику: „Богъ милостивъ къ намъ, — писалъ онъ къ женѣ, — Онъ возвелъ насъ на верхъ славы и чести; но не знаю, остановимся ли мы на томъ. Надобно бы остановиться: всему есть мѣра и предѣлъ. Можетъ быть, въ старыхъ лѣтахъ человѣкъ больше робокъ и остороженъ; но какъ бы то ни было, я больше боюсь иногда счастія, нежели несчастія, потому что несчастіе насъ умудряетъ, а счастіе ослѣпляетъ. Тогда я въ полной мѣрѣ почувствую себя благополучнымъ, когда увижу добрый и скорый конецъ. До тѣхъ поръ скука не перестанетъ послѣдовать за мною. Стеченіе людей, различіе умовъ, кипѣніе страстей, все это держитъ душу мою между страхомъ и надеждой, и чѣмъ долѣе мы будемъ оставаться здѣсь (а особливо, если пойдемъ далѣе), тѣмъ больше безпокойство мое бу-

детъ умножаться. Мы все сдѣлали не только для себя, но и для другихъ: возвратили имъ и силу, и право; теперь ихъ дѣло удерживать то, а не наше— иначе дѣло будетъ безъ конца".

Эти слова вполнѣ выражаютъ настроеніе духа Шишкова. Онъ сдѣлался боленъ и, сидя одинъ дома, поддался идеѣ, что Россія легко можетъ лишиться той славы, до которой она достигла такими трудами и пролитіемъ крови. Подъ вліяніемъ страха онъ рѣшается написать свои мысли государю, хотя и признается, что ему недостаточно извѣстны подробности всѣхъ дѣлъ, хотя и былъ увѣренъ, что его представленія не будутъ уважены. Но его идеи всегда держались въ немъ упорно; несмотря на колебанія, онъ всегда находилъ какую-либо мысль, которая рѣшала въ пользу его первоначальнаго намѣренія и обязывала совѣсть выполнить его. На этотъ разъ онъ остановился на такой мысли: „на что мнѣ скрывать то, къ чему подвигнутъ я усердіемъ и любовью къ моему отечеству? Знаю, что безполезно покушаюсь на невозможное, но по крайней мѣрѣ сниму съ души моей отягощающее меня бремя и буду правъ передъ собою".

Въ длинной бумагѣ Шишковъ сначала представляетъ мораль, что при всѣхъ нашихъ дѣлахъ, худыхъ и добрыхъ, есть предѣлы, на которыхъ нужно останавливаться, а изъ примѣра Наполеона выводитъ, что происшествіе съ нимъ есть живой урокъ для обузданія стремленій своихъ во время успѣховъ

и счастія. Затѣмъ, разсматривая дѣйствія Россіи, онъ находитъ, что она истребленіемъ врага окончила и совершила свое дѣло, и останавливается на вопросѣ: что же теперь должно ей предпринять? Чтобъ найти отвѣтъ, онъ изображаетъ состояніе Франціи, нѣмецкой земли и Россіи, и выводитъ, что самое лучшее—предоставить Германіи бороться съ Наполеономъ, а самимъ возвратиться въ Россію, оставивъ, если можно, нѣмцамъ вспомогательный корпусъ. Много старческой осторожности и, пожалуй, благоразумія выказалъ онъ въ своемъ разсужденіи, но не дальновидной политики, которой у него вообще недоставало.

Пославъ государю бумагу, Шишковъ по своему нраву, сталъ мучиться сомнѣніями, какъ она будетъ принята. „Хотя я очень увѣренъ, — писалъ онъ женѣ, — что въ ней ничего нѣтъ, кромѣ чистаго моего усердія къ общей пользѣ, но со всѣмъ тѣмъ безпокоюсь. Вотъ какъ тяжело говорить съ царями! Льстецы никогда безпокойствъ тѣхъ не чувствуютъ, потому что они напередъ увѣрены въ пріятномъ пріемѣ того, что они скажутъ. Но когда не о благосклонномъ принятіи помышляешь, а даешь волю чистосердечному чувствъ своихъ изліянію, то и опасаешься, чтобъ послѣ не сказать самому себѣ: кто тебя спрашивалъ говорить правду? Но какъ бы то ни было, я ни въ какомъ случаѣ раскаяваться не буду“. Черезъ нѣсколько дней, при встрѣчѣ съ императоромъ Александромъ, Шишковъ былъ успо-

коенъ ласковыми его словами: „я очень доволенъ твоею бумагою и прочиталъ ее не одинъ разъ, и хотя я не то буду дѣлать, однакожъ во многомъ согласенъ съ тобою“.

Въ то же время Шишковъ отважился на новую смѣлость. Изъ Петербурга были присланы серебряныя медали за 1812 годъ для раздачи военнымъ чинамъ. Всѣ прочіе изъ этого исключались, такъ что было отказано даже оберъ-гофмаршалу графу Толстому, который повсюду сопровождалъ государя. Шишкову не понравилось такое распоряженіе, и это вызвало съ его стороны новую бумагу. Въ ней онъ доказываетъ, что медаль заслужилъ каждый, принесшій какую-либо жертву отечеству; она должна означать „всякаго рода усердіе и ревность къ общей пользѣ“, и переходить изъ рода къ старшему сыну. „Духъ народный, — говоритъ онъ, — въ сіе время оказался вездѣ въ такомъ величествѣ и славѣ, что, мнѣ кажется, я бы тогда еще болѣе гордился симъ драгоцѣннымъ знакомъ, когда бы вся Россія надѣла его на себя“. Эту бумагу Шишковъ сталъ распространять съ намѣреніемъ, чтобы она попалась въ руки и государю. Но медали къ нему не присылали, что его крайне оскорбило. „Я не испрашивалъ и не получалъ никакихъ наградъ,—писалъ онъ,—которыми другихъ, меньше меня достойныхъ, щедро осыпали: это меня не безпокоило; но видѣть себя неудостоеннаго получить простой значокъ, тѣмъ единымъ лестный, что напоминалъ о всеобщемъ въ

сіе важнѣйшее время участвованіи въ дѣлахъ отечественныхъ, признаюсь, что это меня крайне огорчило! Какъ! неужели заслуги мои въ семъ году были меньше послѣдняго изъ служившихъ въ войскахъ? Мысль сія до того возгордила самолюбіе мое, что я не имѣть сего значка почиталъ за обиду, а выпрашивать его за стыдъ еще большій, чѣмъ сія обида".

Тогда онъ послалъ требованіе—взять медаль и принести къ нему. Канкринъ, у котораго хранились медали, отказалъ ему подъ предлогомъ, что въ спискѣ не означено его имя. Несмотря на это, Шишковъ упорствовалъ въ своемъ требованіи, пока не получилъ желаемаго. Онъ надѣлъ медаль и отправился къ государю, подкрѣпляя себя мыслью: пусть лучше она будетъ снята, чѣмъ не дана. Но государь ни слова не сказалъ, хотя и замѣтилъ на его груди прибавленіе. Во всемъ этомъ рѣзко рисуется характеръ Шишкова. Черезъ нѣсколько времени императоръ Александръ высказалъ свой взглядъ на своего государственнаго секретаря: „мнѣ кажется, ты не столько боленъ тѣломъ, сколько мыслями",—сказалъ онъ ему, слыша его жалобы на нездоровье.

Кромѣ сочиненія манифестовъ и рескриптовъ, Шишковъ, въ качествѣ государственнаго секретаря, обязанъ былъ подносить государю для подписанія бумаги, которыя присылались изъ Россіи. Большая часть были неважныя, касавшіяся исполненія мелочныхъ прошеній разныхъ лицъ. Государь не всегда принималъ съ ними Шишкова, безпрестанно откла-

дывая и осрочивая время за недосугомъ. Бумаги не возвращались въ Петербургъ по нѣсколько мѣсяцевъ. Лица, которыхъ онѣ касались, винили Шишкова, и даже его ученость, для которой онъ уклоняется отъ должности. Шишкову пришлось оправдываться отъ такого обвиненія. „Повѣрь мнѣ,— писалъ онъ женѣ,—что я въ отправленіи должности моей, при самомъ строгомъ разборѣ самого себя, не чувствую въ совѣсти моей никакого упрека. Что-жъ касается до твоей очень умной женщины, которая полагаетъ во мнѣ одинъ, но большой порокъ—ученость, совѣтуя мнѣ отъ него отстать,—съ этимъ, мой другъ, я не соглашусь. Она несправедливо думаетъ, будто отъ учености, т.-е. отъ занятій моихъ по сей части, я все на свѣтѣ забываю. Ученость не приводитъ въ забвеніе обязанностей честности, иначе почиталъ бы я ее и самъ порокомъ. Это правда, что ученость отводитъ отъ исканія дорогъ къ исполненію своихъ желаній, но за то, кто занимается исканіемъ сихъ путей, того желанія рѣдко бываютъ хороши... Ученіе не гремитъ, но оно полезно; война гремитъ, но провались она! Если истребить всѣхъ ученыхъ (я не признаю учености безъ добронравія), то бы всѣ люди сдѣлались злыми невѣжами; а еслибъ истребить всѣхъ воиновъ (т.-е. страсть къ славѣ и корысти), то бы всѣ люди жили въ тишинѣ. Я думаю одно другого лучше. Итакъ, порокъ ли ученость во мнѣ или нѣтъ, но я этого порока не брошу. Онъ не приноситъ пользы и можетъ быть, дѣ-

лает еще вредъ моему состоянію, но приноситъ пользу моей душѣ. „Будьте мудри яко зміи и цѣли яко голуби“,—говоритъ св. писаніе.

Хотя изъ этихъ словъ и трудно объяснить, какъ Шишковъ понималъ ученость, но видно, что онъ дѣйствительно считалъ себя ученымъ и дорожилъ этимъ.

Въ другомъ письмѣ Шишковъ пишетъ: „Я теряю свое здоровье, спокойствіе; не отъ меня зависитъ быть дѣятельнымъ и полезнымъ, а что отъ меня, того я никогда не пропускаю, и совсѣмъ этимъ наживаю себѣ худое имя! даже и того утѣшенія не имѣю, чтобъ назвать несправедливыми тѣхъ, которые меня винятъ. Они правы и могутъ по наружности судить, что я самъ уклоняюсь отъ исполненія моихъ обязанностей. Итакъ, остается мнѣ одна отрада, что Богъ видитъ и мои чувствованія, и мою невинность. Въ Прагѣ я жилъ не для того, чтобы зарыться въ богемскихъ книгахъ и все забыть. Вотъ, какъ и самая невинная и не безполезная склонность обращается мнѣ въ вину... Я очень несчастливъ и несчастливъ страннымъ образомъ! Чувствую, что имѣю умъ, добрую душу, люблю государя и, можетъ быть, ему самому угоденъ, усерденъ къ отечеству; но со всѣмъ тѣмъ не могу приносить такой пользы, какую бы приносить желалъ. Скорѣе самъ себѣ могу быть вреденъ, нежели полезенъ другимъ“.

Изъ присылаемыхъ бумагъ были, впрочемъ, и важныя, какъ, напримѣръ, третья часть проекта граж-

данскихъ законовъ, какъ продолженіе труда, начатаго коммисіею подъ руководствомъ Сперанскаго. Шишковъ не былъ знакомъ съ первыми частями, потому что, когда онѣ вышли, не прочилъ себя, какъ онъ говоритъ, въ государственные люди, и, занимаясь одною только словесностью, не любопытствовалъ даже знать ни о какихъ новыхъ постановленіяхъ. Но, конечно, онъ не могъ не знать, что съ ними связано имя Сперанскаго, человѣка новыхъ мыслей, котораго, подобно многимъ, онъ очень недолюбливалъ. Этого было достаточно, чтобы и третья часть, составленная, разумѣется, въ духѣ первыхъ, по кодексу Наполеона, привлекла вниманіе и критику Шишкова. Конечно, заслужить одобренія съ его стороны она не могла. „Я нашелъ ее написанною худымъ языкомъ,—говоритъ онъ,—безъ всякаго тщанія и соображенія съ нашими законами, съ нашими нравами и обычаями, индѣ двусмысленною, часто невразумительною и даже наполненною безнравственными статьями, безтолково переведенными изъ такъ-называемаго кодекса Наполеона“.

Какъ скоро образовался у него такой взглядъ, то совѣсть ему заговорила, что обязанность его донести о томъ государю, хотя государь, какъ онъ говоритъ, и былъ привязанъ къ сему произведенію, имъ начатому, имъ одобренному, на которое уже было потрачено много денегъ и наградъ. Императоръ Александръ съ неудовольствіемъ выслушалъ признанія Шишкова, зная его придирчивость и ста-

ровѣрство и замѣтивъ, что двѣ первыя части составлялъ Сперанскій. Шишковъ въ свое оправданіе представилъ ему свои письменныя замѣчанія, но государь отказался читать и слушать ихъ подъ тѣмъ предлогомъ, что для этого нужно быть со свѣжею головою, а теперь онъ занятъ совсѣмъ другимъ, и приказалъ оставить докладъ до удобнѣйшаго времени. Дѣло, такимъ образомъ, замялось и возобновилось уже черезъ два года, въ Петербургѣ.

Этотъ строгій критикъ законовъ и ученый въ то же время занимается мистическими сближеніями современныхъ ему событій съ библейскими изреченіями, дѣлаетъ выписки изъ псалтыря, пророчествъ Исаіи, Іезекіиля, Іереміи, Аввакума, изъ книгъ Маккавейскихъ, соединяетъ ихъ вмѣстѣ, „и чудится мнѣ, — говоритъ онъ, — что они ясно и подробно описываютъ всѣ происходившія съ нами приключенія“. Не утерпѣлъ онъ, чтобы не представить государю и это произведеніе своей фантазіи. „Онъ согласился, — разсказываетъ Шишковъ, — и я прочиталъ съ жаромъ и со слезами. Онъ также прослезился, и мы оба съ нимъ довольно поплакали“.

Религіозность и склонность къ мистицизму, повидимому, сблизили Александра съ Шишковымъ. Императоръ всячески отклонялъ его просьбы отпустить его въ какой-либо городъ лечиться. Но, наконецъ, рѣшился съ нимъ разстаться на французской границѣ, приказавъ передъ этимъ написать приказъ войскамъ по случаю вступленія во Фран-

цію. Въ немъ Шишковъ съ жаромъ высказалъ человѣколюбивыя идеи и намѣренія императора. „Мы уже спасли, прославили отечество свое, — писалъ онъ, — возвратили Европѣ свободу ея и независимость. Остается увѣнчать великій подвигъ сей желаемымъ миромъ. Да водворится на всемъ шарѣ земномъ спокойствіе и тишина; да будетъ каждое царство подъ единою собственнаго правительства своего властью и законами благополучно; да процвѣтаютъ въ каждой землѣ ко всеобщему благоденствію народовъ вѣра, языкъ, науки, художества и торговля. Сіе есть намѣреніе наше, а не продолженіе брани и разоренія. Непріятели, вступя въ средину царства нашего, нанесли намъ много зла, но и претерпѣли за оное страшную казнь. Гнѣвъ Божій покаралъ ихъ. Не уподобимся имъ: человѣколюбивому Богу не можетъ быть угодно безчеловѣчіе и звѣрство. Забудемъ дѣла ихъ, понесемъ къ нимъ не месть и злобу, но дружелюбіе и простертую для примиренія руку. Слава россіянина — низвергать ополченнаго врага и, по исторженіи изъ рукъ его оружія, благодѣтельствовать ему и мирнымъ его собратіямъ. Сему научаетъ насъ святопочитаемая въ душахъ нашихъ православная вѣра; она божественными устами вѣщаетъ намъ: любите враги ваша и ненавидящимъ васъ творите добро“.

Въ то же время Шишковъ писалъ къ женѣ: „Въ двѣнадцатомъ году французы были въ Россіи, а въ началѣ четырнадцатаго русскіе будутъ во Франціи.

Не замѣшкались гостямъ отплатить посѣщеніе. Дай Богъ, чтобы мы нанесли имъ меньше вреда, чѣмъ они намъ, и чтобы мы были счастливѣе у нихъ, нежели они у насъ... Но со всѣми помышленіями о Парижѣ, еслибъ Богъ умилостивился надъ нами и велѣлъ намъ ѣхать во-свояси, такъ бы это было гораздо лучше. Пусть ихъ Парижъ останется цѣлъ, и пусть они хвастаютъ гнусною славою, что сожгли Москву. Русь-матка пріобрѣла получше ихъ славу: она за зло заплатила добромъ, не сожгла ни одного ни города, ни селенія, и всѣхъ тѣхъ, которые приходили наносить намъ вредъ, грудью своею освободила отъ ига. Вотъ истинная слава! за то медаль 12 года ставлю я выше всѣхъ орденовъ на свѣтѣ".

Послѣ того Шишковъ вмѣстѣ съ государемъ отправился въ Швейцарію, взглянулъ на Шафгаузенскій водопадъ, былъ въ Базелѣ, откуда главная квартира переѣзжала въ предѣлы Франціи. Онъ получилъ позволеніе отдѣлиться отъ нея и жить въ Карлсруэ, куда ожидали и русскую императрицу. Шишковъ разсказываетъ, что при прощаньи онъ кинулся обнимать государя со слезами и просилъ не оставить его ближнихъ, если съ нимъ случится общая всѣмъ смертнымъ участь. Александръ, растроганный, отвѣчалъ на это: „я надѣюсь, что тебѣ будетъ лучше; впрочемъ, мое дѣло о тебѣ помнить".

Съ мрачнымъ расположеніемъ духа отправился Шишковъ въ Карлсруэ, ѣхалъ медленно, часто останавливался, чтобы отдыхать или лечиться, и, слѣдя

за ходомъ событій, былъ крайне ими недоволенъ. Онъ досадовалъ, что не заключили мира на границѣ Франціи, досадовалъ на прокламаціи Шварценберга къ французамъ, находя въ нихъ противорѣчія, боязливость, неприличія, досадовалъ на лживыя объявленія Наполеона. Ему казалось, что съ французами теперь нужно сражаться не однимъ оружіемъ, но и языкомъ. „Главное дѣло состоитъ въ томъ, — думалъ онъ, — чтобы привесть всѣ царства въ прежнее ихъ состояніе, низринуть беззаконіе, воцарить истину и благонравіе, низложить примѣръ соблазна, возстановить права народныя, потушить пожаръ лжи и пороковъ, угрожавшихъ на всемъ свѣтѣ пожрать правду, любовь къ отечеству и добродѣтель. Защищая добрую сторону оружіемъ, надлежало бы защищать ее купно и языкомъ, т. е. безъ всякихъ хитростей или потворствъ, прямо, громко и чистосердечно".

Нельзя, конечно, не подивиться наивности стараго человѣка, полагавшаго, что такими мѣрами можно внести нравственность въ развращенную среду и уничтожить такую заразу, которая, по его мнѣнію, распространялась изъ Франціи по всей Европѣ. Въ этихъ мысляхъ онъ, по обыкновенію, предается своей фантазіи, воображаетъ себя на мѣстѣ Шварценберга, главнокомандующаго союзными войсккми, и пишетъ свою собственную прокламацію къ французамъ. Въ ней онъ не щадитъ весь народъ французскій, взваливаетъ на него всѣ преступленія отдѣльныхъ лич-

ностей, видитъ весь корень зла въ писателяхъ: „Они, отпадшіе отъ вѣры и богопочитанія, остроумные, но злочестивые, изгнавъ изъ сердецъ вашихъ страхъ Божій, подняли въ нихъ бурю страстей, помрачившихъ умъ вашъ и погрузившихъ васъ въ бездну пороковъ и преступленій“. Онъ упрекаетъ народъ за то, что выбралъ себѣ атаманомъ рожденнаго въ Корсикѣ простолюдина, превосходящаго всѣхъ прочихъ безчеловѣчіемъ, коварствомъ и злобою. „Вы при немъ имѣли душу безъ добродѣтели, умъ безъ разсудка, сердце безъ жалости, совѣсть безъ стыда и раскаянія... Такой человѣкъ надобенъ вамъ былъ для заглушенія гласа любви къ человѣчеству, для погашенія въ сердцахъ вашихъ послѣднихъ искръ благонравія и для соединенія всѣхъ васъ въ одно злотворное тѣло и душу“. Рисуя себѣ такой небывалый народъ, Шишковъ не задумывается и надъ казнями, какихъ онъ заслуживаетъ: „Истребленіе всѣхъ васъ съ лица земли не удовлетворитъ достаточно правосудія“. Здѣсь же онъ стыдитъ французовъ, не хочетъ признать ихъ просвѣщенія, указываетъ имъ на настоящія ихъ потери, на гнѣвъ Божій, идущій на нихъ въ образѣ союзныхъ войскъ, на ненависть отъ всѣхъ народовъ. Наконецъ, онъ призываетъ ихъ къ раскаянію, къ отреченію отъ Наполеона, къ признанію прежнихъ королей, обѣщая имъ милость союзныхъ державъ, которыя желаютъ возвратить имъ прежнее достоинство, честь, добродѣтель и счастіе. Но въ случаѣ отказа и со-

противленія грозитъ имъ карою отъ тѣхъ же державъ: „Безконечное терпѣніе противъ ожесточеннаго злодѣйства есть такое же злодѣйство, и миръ съ порокомъ есть война противъ добродѣтели. Если вы не хотите быть съ нами, мы съ вами быть не можемъ. Избирайте любое: честь или срамъ—Наполеонъ или свѣтъ“.

Мы указываемъ на эту мечтательную прокламацію какъ на произведеніе фантазіи и упражненіе въ краснорѣчіи, и не останавливаемся на логическомъ ея развитіи, которое оказалось бы несостоятельнымъ.

Слыша, что наши войска идутъ впередъ, и въ надеждѣ, что они возьмутъ и Парижъ, и, слѣдовательно, потребуется о томъ манифестъ, Шишковъ сталъ писать его, не дожидаясь, когда столица Франціи будетъ дѣйствительно въ нашихъ рукахъ. Для его манифестовъ нуженъ былъ только предполагаемый фактъ, а все остальное должны дать фантазія, злоба къ французамъ, омерзеніе, какъ онъ выражался, къ ихъ нечестивымъ писателямъ, храбрость и великодушіе русскихъ, гнѣвъ Божій къ однимъ, милость къ другимъ.

Хотя Парижъ и былъ скоро взятъ, но проектированный манифестъ Шишкова, посланный имъ къ императору, не пригодился. Александръ поручилъ написать его другому. Извѣстіе о взятіи Парижа порадовало Шишкова въ особенности тѣмъ, что явилась надежда скоро возвратиться въ отечество. При

[illegible] же старой [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible]: „Вотъ [illegible] [illegible] [illegible] за [illegible]. — [illegible] онъ — что [illegible] что [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] какъ [illegible] [illegible] и [illegible] отъ него [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] гордость въ [illegible], [illegible] въ презрѣніи и злобѣ въ [illegible]. Богъ [illegible] что [illegible], смотря на то, исправятся, хотя это и рѣдко служитъ [illegible] урокомъ“.

Но въ то же время Шишковъ былъ многимъ недоволенъ: ему не нравилась мягкая прокламація къ парижанамъ: ему хотѣлось бы, чтобы въ ней припоминалось французамъ зло, нанесенное ими другимъ, чтобы ихъ уязвили невѣріемъ и богоотступничествомъ, чтобы себя выставили рѣзче благодѣтелями, воздающими за зло добромъ. Ему не нравилось и привѣтствіе Талейрана, обращенное въ Парижѣ къ австрійскому императору Францу, и отвѣтъ самого Франца; на то и на другое онъ даже пишетъ строгій критическій разборъ. Сердился онъ и на то, что Наполеону, сему посланному отъ дьявола чудовищу, далъ островъ Эльба съ шестимилліоннымъ доходомъ, и на то, что Александръ пожаловалъ Лагарпу, своему бывшему наставнику, андреевскій орденъ. Брюжжалъ на многое старикъ, не стѣсняясь, но всѣ уже привыкли къ его брюжжанью и не обращали на него вниманія или слушали съ улыбкою. Въ такомъ расположеніи духа онъ писалъ женѣ: „Господи, ты избавилъ насъ отъ оружія францу-

скаго, избавь насъ отъ ихъ прелестей; давъ намъ преодолѣть ихъ силою меча, не дай имъ преодолѣть насъ силою очарованія; помогши намъ защитить отъ нихъ жизнь нашу, помоги намъ защитить отъ нихъ и нравы наши... Я всегда больше боялся и боюсь дружбы съ симъ народомъ, нежели вражды съ нимъ“. Пріѣздъ русской императрицы въ Карлсруэ привлекъ туда многихъ знатныхъ особъ русскихъ и иностранныхъ, и въ этомъ обществѣ Шишковъ проводилъ время очень пріятно и даже почувствовалъ улучшеніе своего здоровья. Здѣсь, между прочимъ познакомился онъ съ извѣстною мадамъ Криднеръ или. какъ Шишковъ называетъ ее, Криднершей. „Въ разговорахъ ея со мною,—говоритъ онъ,—сперва показалась она мнѣ остроумною женщиною; но скоро примѣтилъ, что она, возносясь иногда выше предѣловъ ума, терялась въ высокопарныхъ умствованіяхъ, вмѣсто смиреномудрія, тщеславилась показать себя вдохновенною“. Онъ былъ и въ ея молельныхъ собраніяхъ, гдѣ читали и пѣли псалмы и нравоучительныя проповѣди и не нашелъ ничего предосудительнаго, кромѣ суетнаго тщеславія самой хозяйки— прослыть у легковѣрныхъ людей посланною отъ небесъ жрицею. Шишковъ собирался уже ѣхать въ Парижъ, но слухъ, что государь не долго пробудетъ тамъ, остановилъ его. Дѣйствительно, Александръ скоро прибылъ на свиданіе съ императрицей. Сюда же прибыли изъ Петербурга депутатами три сенатора съ прошеніемъ отъ синода, государственнаго

совѣта и сената, чтобы императоръ принялъ подносимый ему титулъ благословенный и позволилъ воздвигнуть себѣ памятникъ. Государь приказалъ Шишкову написать въ приличной формѣ отказъ отъ всего, и хотя Шишковъ уговаривалъ его и настаивалъ принять предлагаемый титутъ, но онъ не уступилъ. Государственный секретарь написалъ указъ, изложивъ такую идею: хотя чувства къ нему его подданныхъ очень лестны ему и хотя душа его постоянно стремится, чтобъ заслужить благословеніе отъ всего рода человѣческаго, но, какъ человѣкъ, онъ не можетъ мыслить, что уже достигъ этого, и что можетъ смѣло принять и носить это званіе. „Да соорудится мнѣ памятникъ въ чувствахъ вашихъ,—заключается указъ,—какъ оный сооруженъ въ чувствахъ моихъ къ вамъ! Да благословляетъ меня въ сердцахъ своихъ народъ мой, какъ я въ сердцѣ моемъ благословляю оный! да благоденствуетъ Россія, и да будетъ надо мною и надъ нею благословеніе Божіе“.

Затѣмъ Шишковъ получилъ позволеніе отправиться въ Россію, и въ половинѣ іюля былъ уже въ Петербургѣ.

XI.

Возвращеніе въ Петербургъ.—Умственное броженіе общества.—Шишковъ — членъ государственнаго совѣта.

Не совсѣмъ такимъ возвратился Шишковъ въ Петербургъ, какимъ выѣхалъ изъ него. Тогда онъ не могъ бросать въ глаза своимъ литературнымъ и придворнымъ врагамъ такихъ обвиненій и укоровъ, какъ разореніе Россіи и пожаръ Москвы. Теперь съ гордостью патріота онъ явился торжествующимъ и потому правымъ во всѣхъ своихъ мнѣніяхъ. Теперь онъ—лицо близкое къ государю, поддерживавшее его религіозное и патріотическое чувство, человѣкъ государственный; теперь онъ президентъ россійской академіи, имѣющій оффиціальное вліяніе и на русскій языкъ и на литературу. Теперь, и въ мирное время онъ можетъ такъ же благотворно дѣйствовать на свое отечество, стоя крѣпко на своихъ взглядахъ и патріотизмѣ, спасая общество отъ новыхъ гибельныхъ идей, отъ порчи нравовъ, спасая языкъ отъ всякихъ новизнъ. Мы не знаемъ, предвидѣлъ ли Шишковъ ту неизбѣжную борьбу, какая ему предстояла при его крайнихъ стремленіяхъ. Но очень скоро по пріѣздѣ въ Петербургъ ему пришлось увидѣть, что государь хотя и раздѣляетъ его религіозное и патріотическое чувство, но не пойдетъ съ ни

по одной дорогѣ. Разница между ними высказалась уже во впечатлѣніяхъ, которыя произвела на нихъ бесѣда съ восторженно-религіозной мадамъ Криднеръ. Она не затронула мысли догматика Шишкова, но Александръ, настроенный мыслью о чудесномъ спасаніи Россіи и Европы, увлекся ея мистическими стремленіями и еще болѣе углубился въ самого себя. Онъ не могъ стать на точку зрѣнія Шишкова и его одномышленнниковъ, не могъ отречься отъ своихъ идеаловъ, не могъ отказаться совершенно даже отъ той теоріи, съ которою приступилъ къ государственному преобразованію, хотя нѣсколько и удалился отъ тѣхъ лицъ, съ которыми его началъ. Онъ только сдѣлался практичнѣе. Онъ видѣлъ передъ собою борьбу партій; но явно уже не хотѣлъ брать сторону ни одной изъ нихъ, не сочувствуя ни той, ни другой; онъ какъ будто ждалъ, что̀ выработается изъ ихъ борьбы, и ни которой не давалъ политическаго перевѣса, не скрывая въ то же время своихъ собственныхъ симпатій.

Императоръ, возвратясь въ Петербургъ почти въ одно время съ Шишковымъ, приказалъ ему написать манифестъ съ объявленіемъ милости его ко всѣмъ сословіямъ. Шишковъ поспѣшилъ выполнить заданную ему работу, но императоръ остался уже не совсѣмъ доволенъ ею. Нѣсколько разъ приказывалъ онъ автору перечитывать манифестъ; при этомъ,— замѣчаетъ Шишковъ,—всегда присутствовалъ Аракчеевъ, чего прежде никогда не бывало. Какъ видно,

государь былъ и теперь не очень доволенъ дворянствомъ, которое Шишковъ такъ превознесъ въ манифестѣ. Это неудовольствіе выразилось въ суровомъ вопросѣ: для чего дворянство поставлено выше воинства? Объясненія и доводы автора не были дослушаны государемъ; повелительнымъ и гнѣвнымъ голосомъ онъ приказалъ статью о воинствѣ поставить прежде статьи о дворянствѣ. На другой день послѣ новаго чтенія манифеста Александръ, наконецъ, рѣшился-было подписать его, взялъ уже перо, но вдругъ оттолкнулъ бумагу, со словами: „я не могу подписать того, что противно моей совѣсти и съ чѣмъ я ни мало не согласенъ“. Съ досады,—говоритъ Шишковъ,—онъ весь покраснѣлъ.

По всему видно, что въ душѣ императора Александра происходила сильная борьба, вызванная манифестомъ, въ которомъ оправдывалось неестественное отношеніе крестьянъ къ помѣщикамъ. Тамъ дворянство призывалось увеличить заботу и попеченіе о благосостояніи ввѣренныхъ ему Богомъ и законами достойныхъ любви его домочадцевъ. Крестьянамъ же, которые восхвалялись „за духъ православія, вѣрности и мужества, едва ли когда имѣвшій примѣръ въ бытописаніи“, такимъ крестьянамъ возвѣщалось, что они получатъ мзду свою отъ Бога, а отъ государя высказывалась только увѣренность, что помѣщики о нихъ позаботятся. „Существующая издавна между ими, на обоюдной пользѣ основанная, русскимъ

нравамъ и добродѣтелямъ свойственная связь, прежде и нынѣ многими опытами взаимнаго ихъ другъ къ другу усердія и общей къ отечеству любви ознаменованная, не оставляетъ въ насъ ни мало сомнѣнія, что, съ одной стороны, помѣщики отеческою о нихъ, яко о чадахъ своихъ заботою, а съ другой стороны, они, яко усердные домочадцы, исполненіемъ сыновнихъ обязанностей и долга, приведутъ себя въ то счастливое состояніе, въ какомъ процвѣтаютъ добронравныя и благополучныя семейства“.

Нѣтъ сомнѣнія, что фантазія Шишкова подсказала ему такія идеально-идиллическія отношенія помѣщиковъ и крестьянъ, но онъ не задавалъ себѣ вопроса, возможны ли они на самомъ дѣлѣ. Ему хотѣлось, чтобъ они были такія, и даже не пришло въ голову, что такое творчество фантазіи въ государственной бумагѣ должно показаться неумѣстной и грубой насмѣшкой надъ безнадежными вѣчными рабами. И въ то же время этотъ патріотъ-мечтатель нашелъ нужнымъ призывать дворянство къ воздержности отъ роскоши, матери пороковъ, къ хозяйственному домостроительству, источнику изобилія, спокойствія и чистоты нравовъ, которыя вознаградятъ сторицею всѣ претерпѣнныя разстройства и убытки. Если всего этого у нихъ не доставало, то какъ было не замѣтить неестественности желанія отеческихъ и сыновнихъ отношеній, и притомъ даже пользоваться словесами пророка Давида, какъ

сдѣлалъ Шишковъ. Но Александръ замѣтилъ это, и совѣсть не допустила его лгать передъ народомъ. Онъ не хотѣлъ высказаться и передъ Шишковымъ, зная его образъ мыслей, не хотѣлъ слышать и его объясненій, съ которыми не могъ согласиться. Зная, что только необходимость заставляетъ его признать старый порядокъ, онъ все же не могъ признать его законнымъ, и вычеркнулъ выраженіе: на обоюдной пользѣ основанная связь. Замѣтимъ при этомъ объясненіе Шишкова причины государева неудовольствія: „сіе несчастное въ государѣ предубѣжденіе противъ крѣпостнаго въ Россіи права, противъ дворянства и противъ всего прежняго устройства и порядка, внушено въ него было находившимся при немъ французомъ (швейцарцемъ) Лагарпомъ и другими окружавшими его молодыми людьми, воспитанниками французовъ, отвращавшихъ глаза и сердце свое отъ одежды, отъ языка, отъ нравовъ и, словомъ, отъ всего русскаго“. По этимъ понятіямъ отвращеніе отъ крѣпостнаго права было преступленіемъ противъ русской національности.

Аракчеевъ не принималъ участія въ спорахъ Александра съ государственнымъ его секретаремъ. По выходѣ отъ императора Шишковъ сказалъ ему: „я думаю, ваше сіятельство находите меня правымъ, и если бы государю угодно было выслушать меня безъ гнѣва, то я увѣренъ, что и онъ согласился бы со мною“. Аракчеевъ ни слова не отвѣчалъ ему, и они разошлись безъ всякихъ объясненій.

Трудно сказать, что думалъ Аракчеевъ, присутствуя при чтеніи манифеста: въ его головѣ въ это время развивалась мысль о крѣпостномъ правѣ другого рода,—мысль, которою уже плѣнялся государь, не замѣчая связи ея съ тѣмъ правомъ, которое такъ ненавидѣлъ. Эту мысль онъ самъ внесъ въ тотъ же манифестъ, пока еще въ неясныхъ выраженіяхъ. Въ статьѣ о воинствѣ онъ прибавилъ: „надѣемся, что продолженіе мира и тишины подастъ намъ способъ не токмо содержаніе воиновъ привесть въ лучшее и обильнѣйшее прежняго, но даже дать осѣдлость и присоединить къ нимъ ихъ семейства“. Нужно ли говорить, что здѣсь идетъ рѣчь о злополучныхъ военныхъ поселеніяхъ.

Въ скоромъ времени, передъ своимъ отъѣздомъ въ Вѣну, государь назначилъ Шишкова въ члены государственнаго совѣта, а на мѣсто государственнаго секретаря опредѣлилъ другого. Шишковъ сталъ считать себя въ немилости у императора. Но и въ государственномъ совѣтѣ онъ не оставался безгласнымъ, и здѣсь онъ возбуждалъ бурныя сцены, идя противъ новомыслія и неправды. Въ его сочленахъ отражалось то же умственное броженіе, которое стало замѣтно въ русскомъ обществѣ, въ особенности послѣ отечественной войны. Шишковъ ошибался, думая, что пожаръ Москвы дастъ другое направленіе общественной мысли и ослабитъ новомысліе, которое онъ считалъ пагубнымъ. Борьба двухъ началъ уже давно началась въ русскомъ об-

ществѣ: европейскія идеи и духъ національности не могли сразу слиться и образовать одну жизненную общественную силу. Явились двѣ силы, взаимно враждебныя; крайности одной вызывали крайности другой. Эта борьба была неминуемымъ слѣдствіемъ Петровыхъ преобразованій. И та и другая сила были настолько крѣпки, что одна другую подавить или уничтожить были не въ состояніи. Борьба ихъ совершалась въ правительственномъ классѣ, въ передовомъ обществѣ. Конецъ ея долженъ быть въ примиреніи обоихъ началъ, и примирительницею ихъ будетъ безпристрастная, неподкупная наука, пріучающая умъ идти впередъ осторожно и принимать всѣ новые выводы и заключенія съ строгою провѣркою и съ тщательнымъ анализомъ. Но слѣдя за борьбою въ русскомъ обществѣ этого времени, мы замѣчаемъ, что небольшое число русскихъ людей, понимавшихъ эту науку или занимавшихся ею, стояло особнякомъ, въ отдаленіи, изрѣдка только подавая свой голосъ. Лица, вступавшія въ борьбу, увлекались не идеями, оправданными настоящею наукою, не на нее опирались, а поддавались фантазіи, и въ ней искали удовлетворить потребностямъ духа, возбужденнаго къ высшимъ стремленіямъ или къ высшимъ интересамъ жизни.

Они даже не понимали сущности науки и большинство было знакомо съ нею развѣ только по тѣмъ тощимъ учебникамъ, по которымъ они сами учились въ свои очень юные годы. Но по нимъ

они не научились здраво, послѣдовательно мыслить и проводить мысль до конца по выработанной методѣ. Тѣмъ не менѣе умъ былъ возбужденъ воспитаніемъ, и въ натурахъ болѣе глубокихъ требовалъ себѣ дѣятельности. Онъ не могъ удовлетворяться тѣмъ легкомысленнымъ отношеніемъ къ религіи, которое высказывалось въ придворномъ обществѣ Екатерины II и съ которымъ по большей части соединялась нравственная распущенность. Уже и тогда въ противодѣйствіе этому вѣянію [illegible] явились общества съ стремленіями западно-европейскихъ масоновъ. И [illegible] удовлетворять высшимъ потребностямъ духа таинственнымъ религіознымъ созерцаніемъ, не довольствуясь не простой [illegible], которая требовала одной [illegible] вѣры, не научной, для которой они были не подготовлены. Французская революція [illegible]. Правительство стало преслѣдовать всѣ тайныя, мистическія или масонскія общества, въ страхѣ политическихъ заговоровъ съ ихъ стороны; а слѣдующее поколѣніе не [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

какой жаждала душа. Отъ науки они были очень далеки, потому что въ ихъ сферѣ уже дѣйствовала фантазія, а съ нею дружился и романтизмъ, нашедшій родство въ мистицизмѣ. Исканіе истины въ чувствѣ, высшей внутренней церкви, высшаго религіознаго вдохновенія, таинственной связи земного съ небеснымъ и пр., — все это занимало умы, неразвитые наукою, и вмѣстѣ съ тѣмъ ставило въ несогласіе съ православной догматикой. Многіе изъ нихъ даже не были расположены къ наукѣ, которая, казалось имъ, распространяетъ невѣріе и ведетъ къ умственному и нравственному развращенію. Но они съ наукою смѣшивали разныя заблужденія, догадки, даже мечтанія, которыя насильственно были съ нею связаны и не были еще ею приняты въ число несомнѣнныхъ истинъ. Нѣкоторые, впрочемъ, съ полной вѣрою принимали эти сомнительныя истины, какъ европейскія идеи, обязательныя для образованнаго человѣка; но ихъ собственный умъ надъ ними мало работалъ. Эти не были мистиками, но общаго съ ними у нихъ было то, что современныя европейскія идеи и стремленія въ нихъ находили свое выраженіе. Конечно, настоящихъ искреннихъ мистиковъ было не столько, сколько могло казаться. Многіе только прикидывались ими, изъ угожденія начальству или сильному лицу, искренно поддававшемуся мистицизму. Такъ, около князя А. Н. Голицына, пользовавшагося дружбою государя, группировалось много сомнительныхъ, мнимыхъ ми-

стниковъ, которые хотѣли изучать его расположеніе и повѣріе. Были, впрочемъ, и мистики-фанатики, которые старались пропагандировать свои идеи изданіемъ журналовъ и переводовъ иностранныхъ мистическихъ книгъ, какъ напримѣръ, Лабзинъ, вице-президентъ академіи художествъ. Иные изъ нихъ любили группироваться около какой-нибудь наиболѣе экзальтированной и вдохновенной личности, собирались къ ней на молитвы и на духовныя бесѣды. Такія собранія, между прочимъ, бывали у Татариновой, въ Михайловскомъ замкѣ; императрица Марія ей покровительствовала даже сначала, и у ней бывало въ Петербургѣ много людей, преимущественно [illegible]

[illegible]

[illegible]

многихъ личностей, ловкіе іезуиты въ свою очередь совращали нѣкоторыхъ въ католицизмъ. Воспитаніе нашего духовенства было такое, что не могло его сблизить съ высшимъ обществомъ, гдѣ было много личностей, въ особенности барынь и барышень, очень дурно понимавшихъ и плохо говорившихъ по-русски. У нихъ даже составилось убѣжденіе, что съ русскими пастырями нѣтъ возможности говорить; а между тѣмъ и онѣ, утомясь пустой искусственной жизнью, искали себѣ нравственной опоры въ вѣрѣ и легко увлекались восторженною проповѣдью какого-нибудь элегантнаго аббата. Такъ, въ 1815 году сдѣлалась католичкою графиня Воронцова въ самомъ Петербургѣ [1]).

Но не всѣ получили такое воспитаніе. Были люди, воспитанные вдали отъ столичнаго общества, при чисто-русской обстановкѣ, подъ впечатлѣніями русской жизни. Они чувствовали свою связь со всѣмъ народомъ и понимали, что нельзя уже не принадлежать ни къ какой національности, нельзя допустить образованное общество до полнаго разрыва съ народомъ, въ которомъ заключается главная сила всей земли и государства, до разрыва со всѣмъ прошедшимъ, которое не даромъ же пережито народомъ. Но этотъ недостатокъ національности въ русскомъ передовомъ обществѣ сначала болѣе почувствовался сердцемъ, чѣмъ сознался умомъ. Сами ведя жизнь

---

[1]) „Рус. Арх.“, 1870. Воспоминанія княжны Репниной.

вдали отъ народа и усвоивъ себѣ на многое европейскіе взгляды, эти лица не могли ясно опредѣлить, въ какихъ же чертахъ можетъ выказаться національность въ этомъ обществѣ. Оно тоже имѣетъ свою столѣтнюю исторію; отказаться отъ нея, оторваться отъ связи съ европейскими идеями, обратиться къ жизни такой, въ образецъ которой ставилась жизнь старомосковская или старовѣрская, или тупая крестьянская, было невозможно. На это не рѣшились бы и сами проповѣдники національности. Не выяснивъ идеи, они съ сердечной горячностью нападали на все, что имъ казалось измѣною національности; всѣ новыя идеи и стремленія, которыя они безъ разбора стали считать порожденіемъ революціи, подверглись ихъ опалѣ, и здѣсь они сами впали въ крайность. Самымъ ярымъ изъ нихъ и былъ Шишковъ. На словахъ они не отрицали значенія науки и даже уважали ее; но она представлялась имъ такъ же неподвижною, какъ неподвижна, по ихъ мнѣнію, должна быть и самая жизнь. Сами они очень мало занимались наукою и не могли сознавать, что наука, излагая лишь законы жизни физической и духовной, сознательно отыскиваетъ только истину, но отыскиваетъ ее силами отдѣльныхъ личностей, которыя въ своихъ стремленіяхъ служить наукѣ могутъ доходить до заблужденій; наука же ихъ не принимаетъ, этихъ заблужденій, а помогаетъ другимъ опровергать ихъ, глубже вникать въ вопросъ и доходить до неопровержимой истины. Впе-

реди науки почти всегда шли заблужденія, это — исторія науки. Бояться заблужденія и остановить развитіе науки—значитъ убить ее и дать просторъ другимъ заблужденіямъ, вытекающимъ изъ невѣжества, а не изъ стремленій къ истинѣ. Если научныя заблужденія могутъ временно поколебать нѣкоторыя правыя убѣжденія отдѣльныхъ личностей, нетвердыхъ въ логическихъ размышленіяхъ, то заблужденія невѣжества могутъ надолго развратить все общество. Поборники національности на самомъ дѣлѣ боялись науки и явились строгими догматиками не только въ вѣрѣ, но и въ политикѣ, и въ жизни, и въ наукѣ, и въ самой національности. „Натурѣ каждаго догматизма,—справедливо сказалъ кто-то,— сродно желать и подвигать прогрессъ до тѣхъ поръ, пока его воззрѣнія не одержали верхъ; но какъ скоро культура готовится перейти этотъ предѣлъ, онъ становится непримиримѣйшимъ ея врагомъ: до сихъ поръ—не дальше, строго говоритъ онъ: иначе беззаконіе, развратъ, гибель“. Такъ и Шишковъ и другіе подобные ему догматики смотрѣли на науку, сами руководствуясь наиболѣе работою фантазіи, которая нерѣдко приводила ихъ также къ мистицизму, какъ мы не разъ видѣли это на Шишковѣ. Здѣсь противники уже сходятся. Они сходились въ своихъ взглядахъ и съ іезуитами, во главѣ которыхъ стоялъ извѣстный графъ де-Местръ: „На что вамъ наука, — писалъ онъ министру просвѣщенія Разумовскому; — она творитъ людей безпокойныхъ,

самонадѣянныхъ порицателей правительствъ, поклонниковъ всякой новизны, презрительно относящихся ко всякому авторитету и къ народнымъ догматамъ... наука, по самому существу своему при всякой формѣ правленія, годна не для всѣхъ, и даже не для всѣхъ принадлежащихъ къ высшимъ сословіямъ. Напримѣръ, военнымъ отнюдь не слѣдуетъ быть учеными. Да и большинство, особенно въ высшихъ слояхъ общества, никогда не захочетъ прилежно заниматься науками. Нѣтъ такого юноши въ русскомъ дворянствѣ, который не согласился бы охотнѣе сдѣлать три похода и побывать въ шести генеральныхъ сраженіяхъ, чѣмъ вытвердить греческія спряженія“ [1]).

Люди науки смотрѣли на все это съ недоумѣніемъ и не знали, что имъ дѣлать въ этомъ умственномъ хаосѣ. Такъ, еще въ 1813 году Уваровъ писалъ за границу къ Штейну: „Состояніе умовъ теперь таково, что путаница мысли не имѣетъ предѣловъ. Одни хотятъ просвѣщенія безопаснаго, т. е. огня, который бы не жегъ; другіе (а ихъ всего болѣе) кидаютъ въ одну кучу Наполеона и Монтескье, французскія арміи и французскія книги, Моро и Розенкампфа [2]), бредни Ш(ишкова?) и открытія Лейбница; словомъ, это такой хаосъ криковъ, стра-

---

[1]) Богдановича, „Исторія царств. Александра I-го“, т. V, стр. 125.

[2]) Руководитель работъ комиссіи составленія законовъ до Сперанскаго и послѣ него.

сией, партій, ожесточенныхъ одна противъ другой. всякихъ преувеличеній, что долго присутствовать при этомъ зрѣлищѣ невыносимо: религія въ опасности, потрясеніе нравственности, поборникъ иностранныхъ идей, иллюминатъ, философъ, франмасонъ, фанатикъ и т. п. Словомъ, полное безуміе. Каждую минуту рискуешь компрометироваться или сдѣлаться исполнительнымъ орудіемъ самыхъ преувеличенныхъ страстей" [1]).

Понятно, что въ членахъ государственнаго совѣта должно было быть такое же разномысліе, какъ и во всемъ правительственномъ классѣ. При этомъ и у правительства не могло быть одного твердаго опредѣленнаго принципа. Каждое правительственное лицо управляло по своимъ принципамъ. Такъ, министръ народнаго просвѣщенія графъ Разумовскій старался не давать ходу въ литературѣ мистическимъ идеямъ, а потомъ его преемникъ сталъ держаться противоположнаго, и цензура не пропускала даже легкой критики на мистицизмъ. Отсюда и въ обществѣ не было никакого уваженія и довѣрія къ правительственнымъ распоряженіямъ. Такъ, по поводу запрещенія мистической книги Рунича въ 1814 году, Лопухинъ писалъ къ автору: „О могущественномъ арестѣ изящной вашей книжки получилъ я еще прежде извѣстіе съ крайнимъ сожалѣніемъ, только не съ удивленіемъ... Все кончится, конечно, пу-

---

[1]) „Вѣстн. Евр.", 1876. Русскіе университеты, № 11.

стякомъ, и собственно для вашей персоны ни малѣйшей непріятности вѣрно не выйдетъ, хотя бы весь ядъ изъ богатаго своего колодца на васъ вылили. Но жаль, что можетъ худое вліяніе сдѣлать вообще на цензуру и помѣшать на время выходу спасительныхъ книгъ. А между нами сказать—несвѣтящее министерство просвѣщенія спразднуетъ трусу безъ сомнѣнія... Да къ чему прицѣпка, вы не пишете. Я думаю, не къ концу ли 28 страницы о крещеніи: Cet endroit est un peu censurable не по слову истины, а по догматико-инквизиторіальнымъ правиламъ привязываться къ словамъ. Вѣдь къ глубокимъ самымъ таинственнымъ изреченіямъ имъ труднѣе привязываться, да и нельзя. Они могутъ врать, говорить, что бредъ, непонятно, а указать не на что...“ [1]).

Шишковъ воспользовался первымъ случаемъ, и въ 1815 году представилъ въ государственный совѣтъ свое мнѣніе объ учрежденіи новаго цензурнаго комитета. Управляющій министерствомъ полиціи Вязмитиновъ вошелъ въ совѣтъ съ представленіемъ, чтобы цензуру предоставить его вѣдѣнію, такъ какъ онъ обязанъ наблюдать, чтобы книги, противныя нравственности, не поступали въ продажу. Министръ просвѣщенія не соглашался на это. Шишковъ объявилъ, что настоящая цензура не достигаетъ своей цѣли, и время правительству обратить на нее самое

---

[1]) „Рус. Арх.“ 1870.

строгое вниманіе. Сначала, по обыкновенію, онъ напалъ на французскую революцію, которую будто бы намѣренно произвели писатели; имъ онъ приписывалъ всевозможные злые умыслы разстилать мракъ лжемудрія, разрушать вѣру, низлагать власть, вводить беззаконіе, внушать безчеловѣчіе. И затѣмъ замѣчаетъ у нихъ странное средство распространять всѣ злочестивыя идеи—выражаться темно и невразумительно, какъ будто такимъ способомъ возможно убѣждать кого-нибудь принять то или другое ученіе. А между тѣмъ авторъ признаетъ за ними успѣхъ, говоря, что этими способами они хорошо успѣли укоренить свою мысль. „Тѣ жъ поборники,—прибавляетъ онъ,—подъ именемъ новыхъ наукъ, новаго ума, новаго просвѣщенія, новыхъ правилъ чести и добродѣтели, тщатся поддерживать сіе средство, столь надежное къ искорененію добрыхъ нравовъ и которое успѣло широко распространиться и взять силу". Затѣмъ отъ французскихъ писателей онъ дѣлаетъ рѣзкій переходъ къ русской цензурѣ, отчего вытекаетъ невольное заключеніе, что и новыхъ русскихъ писателей съ ихъ новымъ языкомъ онъ причисляетъ къ тѣмъ же злодѣямъ, которые дѣйствуютъ „съ адскою надеждою, что юношество, возмужавъ и напитавшись заблужденіями, станетъ сообщать ихъ изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе". Но мышленіе его не доходило до выясненія вопроса, съ какою же цѣлью они такъ развращаютъ людей и какую выгоду на-

ходятъ въ распространеніи беззаконія и безчеловѣчія. А безъ удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, всѣ его обвиненія кажутся плодомъ одной фантазіи. Она не признавала заблужденій ума безъ злыхъ умысловъ: такъ силенъ былъ страхъ шестидесятилѣтняго старика. Чтобы оградить литературу отъ всего новаго Шишковъ требовалъ такой цензуры, которая бы занималась критикою сочиненій и исправляла бы языкъ. Особенно же нападалъ онъ на языкъ учебныхъ книгъ и въ доказательство даже приводилъ нѣсколько неясныхъ фразъ изъ двухъ учебниковъ философскаго содержанія, изданныхъ отъ Главнаго правленія училищъ; но приводилъ безъ всякой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ. По поводу этихъ фразъ можно бы было сказать только то, что авторъ книги не умѣетъ ясно выражать порусски философскія мысли, и что такая книга, которую ученики не могутъ хорошо понимать, для нихъ безполезна. Но Шишковъ и тутъ видитъ злой умыселъ развращать умы и сбивать ихъ съ пути новоязычными словами, какъ отборность, безвкусность, разумность, значимость, животность, творчество. Такимъ образомъ, и въ качествѣ члена государственнаго совѣта онъ остался вѣренъ себѣ. Онъ и въ совѣтъ переносилъ тѣ же темы, какими началъ свою литературную дѣятельность. Литература, зала Россійской академіи, зала Державина въ „Русской бесѣдѣ“, наконецъ, государственный совѣтъ оглашались однимъ и тѣмъ же.

Изъ всего сказаннаго Шишковъ выводитъ, что цензура не можетъ быть подъ частнымъ вѣдѣніемъ какого-либо министерства, но должна быть особеннымъ государственнымъ учрежденіемъ и состоять изъ верхняго и нижняго комитета. Нижній комитетъ составляютъ люди избранные, возмужалые, добронравные; ученые, знающіе языкъ и словесность; они распредѣляются по разнымъ отдѣламъ, смотря по тому, насколько родовъ должны быть раздѣлены книги, поступающія въ цензуру. Этимъ отдѣламъ предоставляется право во всякомъ сомнительномъ случаѣ относиться въ верхній комитетъ, который долженъ состоять изъ четырехъ особъ: изъ министра просвѣщенія, министра полиціи, оберъ-прокурора правительствующаго синода и президента россійской академіи („по долгу попеченія о языкѣ, безъ котораго никакая книга не можетъ быть полезна“). Верхній совѣтъ или самъ разрѣшаетъ, или въ какомъ-либо чрезвычайномъ случаѣ испрашиваетъ разрѣшенія отъ государственнаго совѣта или отъ самой верховной власти.

Вотъ въ какую опеку хотѣлъ отдать Шишковъ русскую литературу и въ простотѣ своей наивной фантазіи воображалъ, что тогда литература будетъ процвѣтать, защищенная отъ „худыхъ книгъ, приносящихъ одинъ вредъ воспитанію, нравамъ и просвѣщенію“. Къ прискорбію Шишкова, его сочлены равнодушно отнеслись къ его проекту и оставили цензуру за министромъ просвѣщенія, который

утверждалъ, что настоящая цензура весьма хороша и достаточна, что она со времени своего учрежденія не пропустила ничего противнаго нравственности; мнѣніе же Шишкова назвалъ постороннимъ, не касающимся дѣла, что особенно обидѣло Шишкова, такъ какъ министръ не приводилъ никакихъ доводовъ противъ его обвиненій.

Вопроса о языкѣ Шишковъ коснулся въ государственномъ совѣтѣ и при разсматриваніи проекта гражданскаго уложенія, первыя двѣ части котораго были составлены подъ руководствомъ Сперанскаго, а третья Розенкампфа. Какъ мы видѣли, задержалъ Шишковъ за [illegible] своею критикою языка. Государь, отправляясь въ Вѣну, поручилъ государственному совѣту разсмотрѣть всѣ три части проекта. По словамъ Шишкова, разсмотрѣніе по [illegible] было [illegible] и [illegible]. Многіе [illegible] не столько [illegible], сколько именемъ учреждены [illegible] и, слѣдовательно, [illegible] защищать его. Какимъ [illegible]

[illegible]

ніямъ,—замѣчаетъ Шишковъ. Онъ отказался отъ подачи голоса, и объявилъ, что представитъ свое письменное мнѣніе, и черезъ нѣсколько дней дѣйствительно представилъ въ видѣ примѣчаній на первую главу проекта. Здѣсь онъ указывалъ на неясность языка, который въ самомъ дѣлѣ былъ недостаточно выработанъ для законовъ, и предлагалъ свои собственныя выраженія. Здѣсь же онъ напалъ на слово гражданскій, которое, по его мнѣнію, стали употреблять не въ настоящемъ его значеніи; такъ какъ оно происходитъ отъ слова градъ, то и должно означать городской. Онъ не хочетъ знать, что употребленіе давно даетъ ему другое значеніе: „при изданіи вновь законовъ,—говоритъ онъ,—надлежало бы всякое несходное съ здравымъ разсудкомъ употребленіе словъ перемѣнить и поправить“. Слово гражданскій онъ предлагалъ замѣнить словомъ государственный, или общественный, или народный, или отечественный. Прочитанныя мнѣнія Шишкова раздѣлили совѣтъ на двѣ шумныя партіи: одни члены соглашались съ нимъ, настаивая, что такіе небрежные законы нельзя утвердить, другіе голословно утверждали, что законы написаны хорошо, никакихъ исправленій не требуютъ и что ихъ должно оставить такъ, какъ они есть. Тогда Шишковъ рѣшительно потребовалъ, чтобы его мнѣнія были напечатаны, „для того, что если проектъ утвердится и потомъ отъ него окажется больше вреда, нежели пользы, то пусть всѣ

знаютъ, что онъ въ этомъ вредѣ не участвовалъ". „Таковыми словами,—замѣчаетъ онъ,—конечно досадилъ я самолюбію многихъ, а особливо тѣхъ, которые получали за то награды и почести; но мнѣ прискорбно было видѣть, что многіе, дабы не подвергнуться укоризнѣ за нерадивое исполненіе порученнаго имъ дѣла, хотѣли лучше отечеству нанести вредъ ложными и сутяжными [illegible], нежели признаться въ недостаткѣ своего [illegible] или разсужденія". На другихъ нападалъ и [illegible] министръ юстиціи Трощинскій [illegible]

[illegible]

текало слѣдствіе, что русское рабство совсѣмъ не унизительно и не постыдно.

Много горячности выказалъ Шишковъ въ спорѣ по этому дѣлу, убѣжденный въ своей правотѣ, хотя и защищалъ его довольно парадоксально; читалъ свое особое мнѣніе, но въ большинствѣ не встрѣтилъ сочувствія: „нѣкоторые изъ членовъ молчали,—говоритъ онъ,—другіе съ насмѣшкою улыбались, третьи сидѣли, надувшись; иные при самыхъ сильнѣйшихъ доказательствахъ моихъ говорили сосѣдямъ своимъ, кто по русски—это пустое краснорѣчіе, кто по французски—ce sont des phrases! Но многіе однакожъ (по несчастью, меньше значащіе) съ чувствомъ живѣйшаго одобренія и благодарности подходили ко мнѣ и жали у меня руку, или шептали мнѣ на ухо похвалу“. Дѣло ничѣмъ не рѣшилось.

Не мало Шишковъ возбуждалъ противъ себя многихъ своихъ сочленовъ въ совѣтѣ, горячо заступаясь въ разныхъ тяжбахъ за правыхъ, которыхъ инымъ выгодно было представить виноватыми. Онъ, не стѣсняясь ничѣмъ, рѣзко разоблачалъ всѣ кляузы и ухищренія, что вызывало споры, шумъ и ссоры въ засѣданіи государственнаго совѣта. Но онъ упрямо держался своего и уступки никогда не дѣлалъ [1]). Онъ говорилъ: „самъ разсудокъ и всѣ законы повелѣваютъ лучше погрѣшить умомъ, нежели сердцемъ, соглашаясь признавать за справедливое то, въ чемъ

[1]) См. въ книгѣ г. Иконникова „Графъ Мордвиновъ“ стр. 245 и проч.

я ни малѣйше не убѣжденъ". Случалось, что къ единогласному рѣшенію государственнаго совѣта Шишковъ прилагалъ свое особое мнѣніе, и государь соглашался съ нимъ и подписывалъ его, отвергая рѣшеніе совѣта. Особенно Шишковъ возбуждалъ противъ себя ненависть тѣмъ, что обыкновенно находилъ средство придавать публичность засѣданіямъ государственнаго совѣта, распространяя въ обществѣ свои рукописныя мнѣнія, которыя ходили по рукамъ, списывались, одобрялись, а защитники неправды осуждались и порицались. „Что же принадлежитъ до меня, — замѣчаетъ онъ, — то хотя и видѣлъ я, что избранный мною путь не ведетъ меня къ выгодамъ и почестямъ сего міра, но утѣшался, перечитывая слова друга моего (Мордвинова): „помните, судя, что есть надъ вами вышній судъ, не токмо на небесахъ, но и здѣсь на землѣ, который всегда праведенъ: на улицахъ, на площадяхъ, въ бесѣдахъ домашнихъ, гдѣ умы не прельщаются никакими личными соображеніями". Я узналъ изъ опыта, что слова сіи справедливы и, находя въ томъ награду, не сожалѣлъ о моихъ потеряхъ".

Нужно ли еще говорить о твердости нравственныхъ началъ этого человѣка? Въ своихъ нападкахъ на не русскую жизнь образованннаго общества онъ вдавался въ крайность, давая просторъ фантазіи и чувству, но тѣмъ не менѣе за основными мыслями, изъ которыхъ выходили они, нельзя не признать справедливости. Ихъ онъ ясно высказалъ въ письмѣ

императрицѣ Маріи Θедоровнѣ, въ 1816 году, послѣ того, какъ по ея просьбѣ былъ на экзаменѣ дѣвицъ въ одномъ изъ институтовъ. Онъ одобряетъ намѣреніе государыни приготовлять своихъ собственныхъ дядекъ и нянекъ (е.-е. гувернеровъ и гувернантокъ), замѣчая, что оно поправитъ ошибку величайшаго изъ монарховъ, Петра Великаго: „онъ ввелъ науки и просвѣщеніе, но не взялъ осторожности — не допустить вмѣстѣ съ ними войти духу уничиженія. Отселѣ у насъ науки, но нѣтъ ихъ корня, есть просвѣщеніе, но не собственное свое, а потому не позволяющее намъ быть самими нами... Отселѣ начало нравственнаго нашего рабства, отъ котораго мы, при всей силѣ и торжествѣ оружія, освободиться не можемъ: отъ сего не силою оружія освобождаются, но духомъ честолюбія и народной гордости, тогда только рождающейся въ душахъ нашихъ, когда воспитываютъ насъ собственные наши отцы, матери и наставники". Развивая мысль, что національное начало необходимо въ воспитаніи дѣтей, онъ признаетъ недостатокъ воспитанія большимъ зломъ, но величайшимъ—у иностранныхъ воспитателей. „Какъ можетъ не упасть въ уничиженіе духъ того народа, который самъ въ себѣ отвергаетъ способность воспитывать своихъ дѣтей, словно какъ бы природа лишила его возможности быть просвѣщеннымъ и благонравнымъ народомъ, и что для пріобрѣтенія сихъ достоинствъ долженъ онъ непремѣнно прибѣгать къ помощи иностранцевъ? Можетъ ли

[illegible] для того [illegible] [illegible] [illegible] своихъ [illegible]. Должно въ [illegible] [illegible] своего воз-знаменитѣйшее, почтительнѣйшее о народѣ своемъ мнѣніе? Я не [illegible]. Ибо въ числѣ воспитывав-шихъ насъ иностранцевъ не всегда были благород-ные, честные и просвѣщенные люди, но они, при всѣхъ своихъ достоинствахъ и даже добрыхъ намѣ-реніи своемъ, не въ состояніи поправить [illegible], какъ скоро собственное наше мнѣніе о самихъ себѣ такъ худо" [1]).

Достоинство этого письма—особенная сдержан-ность, на которую Шишковъ не всегда былъ спо-собенъ, и которую здѣсь по необходимости должно было высказать, относясь къ такому исключительно-му лицу. Оттого здѣсь въ немногихъ словахъ онъ ясно могъ высказать свое убѣжденіе, и, конечно, за него не могъ бы услышать упрека ни отъ одного благомыслящаго человѣка. Другой, впрочемъ, вопросъ, насколько эти институтскія гувернантки могли въ то время внести національное начало въ воспитаніе. При этомъ кстати замѣтить, что на всѣ тогдашнія муж-скія училища Шишковъ смотрѣлъ чуть не съ отчая-ніемъ: „Кажется, какъ будто всѣ училища,—писалъ онъ въ 1815 году,—превратились въ школы развра-товъ, и кто оттуда ни выйдетъ, тотчасъ покажетъ, что онъ совращенъ съ истиннаго пути, и голова у него набита пустотою, а сердце самолюбіемъ, пер-вымъ врагомъ благоразумія" [2])

[1]) „Русская Старина", 1870 г., февр.
[2]) Переписка Шишк., ч. 2, стр. 288.

XII.

Президентъ Россійской академіи.

Принимая участіе въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта, Шишковъ не забывалъ и Россійской академіи. Мы видѣли, что еще въ 1813 году онъ былъ назначенъ ея президентомъ. Вслѣдствіе этого онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы до его возвращенія предсѣдательствовалъ Сестренцевичъ - Богушъ, митрополитъ римскихъ церквей въ Россіи, занимавшійся изслѣдованіемъ о происхожденіи русскаго народа. Шишкову весьма хотѣлось возвысить академію и дать ей такое же значеніе, какое имѣла французская академія при Людовикѣ XIV. Онъ мечталъ поставить отъ нея въ зависимость и литературу, и типографіи, и даже цензуру. Для этого прежде всего нужно было увеличить годовое ея содержаніе: девяти тысячъ, которыя получала она, было недостаточно, или, лучше сказать, отъ нихъ давно уже не было никакой пользы. Академія въ неудачномъ составѣ своихъ членовъ не оказывала никакого вліянія на языкъ и литературу. До самаго возвращенія государя съ вѣнскаго конгресса Шишковъ не могъ ничего предпринять для академіи, хотя и много мечталъ о будущей широкой ея дѣятельности. Въ Петербургѣ императоръ иногда призывалъ его къ себѣ и поручалъ составлять нѣкоторыя бумаги и ма-

нифесты. Пользуясь такими случаями, Шишковъ выпросилъ позволеніе составить уставъ и штатъ для академіи. Конечно, и то и другое было быстро заготовлено: на содержаніе академіи Шишковъ назначалъ шестьдесятъ тысячъ рублей, на заведеніе типографіи тридцать тысячъ, и девяносто тысячъ на пристройку залы для публичныхъ собраній „Русской бесѣды". Для разсмотрѣнія устава и штата государь дозволилъ самому Шишкову выбрать членовъ коммисіи, кого онъ хочетъ. Шишковъ назначилъ Вязмитинова, Трощинскаго и князя А. Н. Голицына, устранивъ министра просвѣщенія, графа Разумовскаго, которому была подчинена академія. Когда Александръ выразилъ на это свое удивленіе, то Шишковъ поспѣшилъ разъяснить, что, по уставу, Россійская академія должна быть учрежденіемъ совершенно свободнымъ, подъ однимъ монаршимъ покровительствомъ, и, слѣдовательно, въ коммисіи министръ просвѣщенія непремѣнно будетъ спорить и отстаивать академію за собою. Государь не возражалъ и приказалъ названнымъ лицамъ разсмотрѣть уставъ и штатъ. Но вскорѣ за этимъ графъ Разумовскій былъ отставленъ, а министромъ просвѣщенія сдѣланъ тотъ же князь Голицынъ. Такимъ образомъ, Шишковъ попалъ въ тѣ обстоятельства, которыхъ хотѣлъ избѣжать. Въ самомъ дѣлѣ, князь Голицынъ сталъ ревностно защищать свои права на академіи и всѣ ученыя общества, ссылаясь на манифестъ, изданный при учрежденіи министерства.

Голицынъ былъ лицо очень сильное при дворѣ и потому противникъ былъ опасный, и Шишкову приходилось много сдерживать себя, чтобы рѣзкими противорѣчіями не испортить дѣла, а на это онъ былъ не совсѣмъ способенъ. Много убѣжденій и краснорѣчія употребилъ онъ, но не могъ ничего сдѣлать, и долженъ былъ успокоиться на мысли, что всѣ дѣйствія академіи будутъ зависѣть собственно отъ нея, хотя она и будетъ считаться въ вѣдѣніи министерства просвѣщенія. Не могъ отстоять Шишковъ и предполагаемой академической залы. Затѣмъ было представлено донесеніе государю о трудахъ коммисіи; но напрасно Шишковъ ждалъ высочайшаго утвержденія. Государь пересталъ его призывать къ себѣ и давать порученія. Принимая это за холодность и нерасположеніе, Шишковъ хотѣлъ объясниться съ императоромъ, но онъ не принялъ его, приказавъ сказать, что пришлетъ за нимъ, когда будетъ нужно. Тутъ онъ убѣдился въ своей догадкѣ, и замѣтилъ самъ себѣ, что долговременная служба, усердіе и заслуги не всегда помнятся. Но дѣло объ академіи онъ не могъ совершенно оставить. Шишковъ подозрѣвалъ князя Голицына въ интригахъ и тайныхъ препятствіяхъ; и не смотря на это, рѣшался писать къ нему просьбы—напомнить государю объ академіи; но не всегда даже и на письма получалъ отвѣты. При его неуступчивости пришла, наконецъ, ему мысль обратиться къ графу Аракчееву, могущество котораго съ каждымъ днемъ

усиливалось. Хотя и въ немъ Шишковъ не встрѣчалъ къ себѣ особеннаго расположенія, но рѣшился попробовать счастья, затронувъ честолюбіе сильнаго графа. Въ письмѣ къ нему отъ февраля 1817 года Шишковъ высказывается, что, по недостатку средствъ, „академія упала въ неуваженіе и забвеніе, и наконецъ, безмолвная и безгласная, вмѣсто того, чтобы утверждать правила языка и распространять о немъ свѣдѣнія, сама стала принимать законы отъ неопытныхъ и неискусныхъ въ немъ писателей“. Такую академію президентъ ея считаетъ безполезною и предполагаетъ за лучшее закрыть ее. Но онъ предвидитъ упадокъ языка и словесности, и сколько-бъ въ журналахъ ни кричали о новомъ вкусѣ и просвѣщеніи, вкусъ будетъ худой, языкъ темный и невразумительный... Если не будетъ лучшаго суда о сочиненіяхъ, прибавляетъ онъ, какъ судъ недавно вышедшихъ изъ школы мальчиковъ [1]), научившихся болѣе самолюбію и дерзости, нежели языку и наукамъ, то истинные таланты никогда не возникнутъ, умъ будетъ молчать, и одно только невѣжество и пристрастіе возноситъ свой гласъ. Безсиліе академіи Шишковъ видитъ въ томъ, что она не можетъ ободрять талантовъ, и указываетъ Аракчееву путь, на кото-

[1]) Намекъ на извѣстныя литературныя собранія, названныя Арзамасскимъ обществомъ, гдѣ участвовали лучшіе литературные таланты: Жуковскій, Батюшковъ, Пушкинъ, кн. Вяземскій, Уваровъ и др.

ромъ онъ можетъ сравняться съ безсмертнымъ меценатомъ, И. И. Шуваловымъ, т. е. ходатайствовать за Россійскую академію.

Аракчеевъ не замедлилъ вступить на этотъ путь, и черезъ нѣсколько дней Шишковъ узналъ, что императоръ обѣщалъ препроводить штатъ въ комитетъ министровъ, но что онъ не знаетъ, гдѣ взять столько денегъ на академію. Наконецъ дѣло уладилось, когда Шишковъ, воспользовавшись личной встрѣчей съ императоромъ, снова напомнилъ ему объ академіи. Онъ съумѣлъ, какъ и всегда, обставить свою просьбу такими доказательствами, что императоръ согласился ввести академическую сумму въ роспись слѣдующаго года. Окончательное же утвержденіе произошло уже 29 мая 1818 г. Своею настойчивостью, наконецъ, Шишковъ добился своего.

Въ это время „Русская Бесѣда“ уже не существовала. Державинъ съ 1816 года былъ въ могилѣ, и негдѣ было пріютиться ей. Въ отсутствіе Шишкова вышло нѣсколько книгъ „Чтеній Бесѣды“; въ 8 и 9-ой кн. были помѣщены его статьи о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ и Кантемирѣ подъ общимъ назвнніемъ „Опытъ о россійскихъ писателяхъ“, вѣроятно, въ уколъ Карамзину, писавшему за нѣсколько лѣтъ, „Пантеонъ россійскихъ писателей“. Послѣднія собранія „Бесѣды“, по воспоминаніямъ Панаева [1]), были въ полномъ смыслѣ блестящими. Въ числѣ мно-

[1]) „Вѣстн. Европы“ 1867 г., сент.

гочисленныхъ посѣтителей находились почти всѣ государственные сановники, графъ Витгенштейнъ, графъ Платовъ, графъ Сакенъ. На послѣднюю „Бесѣду“ ожидали даже государя, но государь не пріѣхалъ по безтактности распорядителей, которые назначили, между прочимъ, прочитать похвальное слово Александру. Но онъ не могъ выслушивать никакихъ похвалъ, обращенныхъ къ его лицу, и даже священникамъ запретилъ черезъ синодъ встрѣчать себя похвалами. Понятно, что узнавъ о предполагаемомъ упражненіи къ краснорѣчіи „Бесѣды“, онъ не захотѣлъ ставить себя въ неловкое положеніе и не пріѣхалъ подъ предлогомъ важныхъ депешъ, полученныхъ изъ-за границы. Шишкову не въ первый разъ приходилось замѣчать свою безтактность, когда уже нельзя было исправить ее.

Вмѣсто блестящей, торжественной, полуоффиціальной, чопорной „Бесѣды“ въ Петербургѣ стала собираться веселая и шумная литературная сходка, подъ шутливымъ именемъ „арзамасскаго общества“, изъ молодыхъ талантовъ, которые должны были Шишкову и его сочленамъ казаться мальчиками. Одни изъ нихъ уже обогащали литературу, очередь другихъ была еще впереди, и повидимому имъ-то и открывался путь въ Россійскую академію, которую президентъ ея хотѣлъ наполнить талантами.

Теперь онъ получилъ средство исполнить свое намѣреніе, но гдѣ же было взять талантливыхъ членовъ для академіи? старое поколѣніе уже не

могло дать новыхъ талантовъ; ихъ могло высылать поколѣніе новое; но оно не могло угодить старцу ни своимъ направленіемъ, ни языкомъ, ни даже орѳографіей. Мало того, оно смѣялось и надъ „Бесѣдой“, и надъ славянизмомъ; рѣдкій мѣсяцъ проходилъ безъ какой-нибудь новой экспромта-эпиграммы, пущенной изъ ихъ среды противъ брюзгливаго и сердитаго старца; ее подхватывали и повторяли во всѣхъ собраніяхъ, какъ, напр.:

Шишковъ не даромъ корнесловъ,
Теорію въ себѣ онъ съ практикою вяжетъ:
Писатель — вкусу шишъ онъ кажетъ,
А логикѣ онъ строитъ ковъ.

Такимъ образомъ, на первыхъ же порахъ по преобразованіи устава академія была поставлена въ ложное положеніе и при всемъ желаніи Шишкова не могла обновиться силами. Онъ думалъ поощрять таланты, а новые таланты зашли впередъ него и не хотѣли признавать его авторитета.

Еще въ началѣ 1816 года Державину хотѣлось свести Шишкова съ Карамзинымъ, который тогда пріѣхалъ въ Петербургъ издавать свою исторію. Вотъ какъ объ этомъ разсказываетъ Панаевъ: „Видѣлись ли вы съ Карамзинымъ?—спросилъ я однажды Гавріила Романовича.—Какъ же, онъ у меня былъ и по просьбѣ моей обѣщалъ прочесть что-нибудь изъ своей исторіи; но какъ я не могу одинъ насладиться этимъ удовольствіемъ, то просилъ у

нея позволенія пригласить взыскательныхъ своихъ пріятелей. Къ нимъ могъ онъ причислить: Александра Семеновича Шишкова—его давній пріятель и главный сотрудникъ въ „Бесѣдѣ“. Его пригласить слѣдовало, а между тѣмъ это могло быть непріятно Николаю Михайловичу, [illegible] при-[illegible]. Черезъ нѣсколько дней Гавріилъ Романовичъ [illegible], что онъ былъ у Карамзина, [illegible] его [illegible] частей и объявилъ напрямикъ [illegible] Шишкова [illegible] Карамзинъ [illegible], что ему будетъ весьма лестно видѣть въ числѣ слушателей своихъ такого человѣка, какъ Александръ Семеновичъ, и что онъ не только не сердитъ на него за бывшія нападки, но, напротивъ, очень ему благодаренъ, потому что воспользовался многими его замѣчаніями. „Я увѣренъ,—прибавилъ Державинъ съ одушевленіемъ,—что исторія будетъ хороша: кто такъ мыслитъ и чувствуетъ, тотъ не можетъ писать дурно“.

Въ письмѣ къ Шишкову, 12 февраля, Державинъ писалъ: „Московскій пріѣзжій авторъ, Н. М. Карамзинъ, будетъ ко мнѣ въ наступающій вторникъ обѣдать: не угодно ли и вамъ будетъ ко мнѣ пожаловать и составить пріятную компанію. Мнѣ чрезвычайно хочется познакомить васъ“. Шишковъ назвался больнымъ и не пріѣхалъ. Карамзинъ же, сбираясь на обѣдъ къ Державину, 14 февраля писалъ къ женѣ: „Нынѣшній день буду у Державина обѣдать со всѣми моими смѣшными непріятелями

и скажу имъ: есмь единъ посреди васъ и не устрашуся. Шишковъ честенъ и учтивъ, но тупъ". А въ слѣдующемъ письмѣ дѣлалъ такую замѣтку: „славный мой обѣдъ съ непріятелями не былъ для нихъ веселъ: всѣ сидѣли нахмурясь, хотя я и старался забавлять ихъ грамматикою, синтаксисомъ, этимологіею. Добрый старикъ-Державинъ вздумалъ было произвести меня въ чины россійской шишковской академіи, но я сказалъ ему, что до конца моей жизни не назовусь членомъ никакой академіи и не буду ни къ какомъ такъ-называемомъ ученомъ обществѣ" [1]). Какъ видно, не рѣшались возражать Карамзину и спорить съ нимъ единомышленники Шишкова, котораго считали своимъ предводителемъ, и который внесъ свой духъ какъ въ „Бесѣду", такъ и Россійскую академію, такъ-что ее можно было назвать шишковскою. Они могли поддерживать его, но не защищать въ его отсутствіе. Шишковъ однако не избѣжалъ встрѣчи съ Карамзинымъ. Черезъ нѣсколько дней они сошлись въ пріемной у великой княгини Екатерины Павловны. „Я бесѣдовалъ съ Шишковымъ около часа весьма искренно, чистосердечно, — писалъ Карамзинъ къ женѣ,—если онъ честенъ (какъ ты писала) то не будетъ злобствовать на меня"... Значитъ, Карамзинъ откровенно высказалъ ему свои мысли о языкѣ, о литературѣ и о тѣхъ крайностяхъ, какихъ держался

---

[1]) Неиздан. сочин. и переписка Карамзина, т. I.

президентъ академіи. Говорятъ, что Шишковъ, по своей честности, съ-разу оцѣнилъ Карамзина, какъ человѣка, несмотря на многолѣтнее противъ него предубѣжденіе [1]). Послѣ первой же бесѣды съ исторіографомъ онъ сознался, что пораженъ былъ скромностью и благородствомъ открытаго его обращенія и почувствовалъ полное къ нему довѣріе.

Почти въ то же время о Карамзинѣ, щедро награжденномъ императоромъ, писалъ изъ Пскова извѣстный архіепископъ Евгеній: „О славѣ Карамзина читали мы и въ газетахъ. Что съ Шишковымъ они не сошлись, это естественно проистекаетъ отъ различія ихъ геніевъ. Одинъ (Шишковъ) хочетъ еще составить правила, а другой давно уже написалъ образцы почти классическіе. Не риторы, а ораторы плѣняютъ читателя“ [2]).

Карамзинъ, отказываясь отъ чести принадлежать шишковской академіи, въ то же время не прочь былъ дружиться съ молодымъ арзамасскимъ обществомъ. „Здѣсь изъ мужчинъ всѣхъ любезнѣе для меня арзамасцы, — тогда же писалъ онъ: — вотъ истинная русская академія, составленная изъ молодыхъ людей, умныхъ и съ талантомъ... Сказать правду, здѣсь не знаю ничего умнѣе арзамасцевъ, съ ними бы жить и умереть“. Но не удалось Карамзину уйти отъ шишковской академіи. 10-го іюля

---

[1]) Записки Сербиновича, „Русская Старина“, 1875.

[2]) Переписка митр. Евгенія. Сборн. статей рус. отд. Имп. ак. наукъ, т. V, стр. 161.

1818 года, въ торжественномъ засѣданіи Россійской академіи, въ присутствіи министра народнаго просвѣщенія, князя Голицына, самъ президентъ пригласилъ собраніе приступить, на основаніи новаго устава, къ избранію въ дѣйствительные члены академіи „на имѣющія въ оной упалыя мѣста“, и предложилъ къ выбору „г. статскаго совѣтника Н. М. Карамзина“. „Творенія его стихами и прозою,—прибавилъ онъ,—всѣмъ извѣстныя, особливо же сочиненіе Россійской исторіи, увольняютъ меня отъ всякой надобности исчислять прочіе труды его для показанія достоинства ко вступленію въ сіе почтенное сословіе“. Избраніе совершилось единогласно. Карамзинъ принужденъ былъ благодарить письмомъ, можетъ быть, не совсѣмъ искреннимъ: за академіей онъ призналъ „достохвальные труды, способствующіе успѣхамъ нашего языка“, а въ ея президентѣ видѣлъ „мужа, знаменитаго своими твореніями въ россійской словесности“.

Такимъ образомъ, благодаря исторіи Карамзина, состоялось публичное примиреніе двухъ противниковъ. Говорятъ, что Шишковъ приходилъ дѣйствительно въ восторгъ отъ новой исторіи, которую, какъ мы видѣли, осмѣивалъ въ „Бесѣдѣ“ еще прежде выхода ея въ свѣтъ. Шишковъ даже сдѣлалъ уступку: рѣшился признать достоинства и за прежними сочиненіями, даже за стихами Карамзина, но Карамзинъ, кажется, не совсѣмъ вѣрилъ его искренности, и въ письмахъ своихъ къ Дмитріеву въ Москву какъ

будто иронически всегда называлъ его добрый Шишковъ. По желанію президента, Карамзинъ долженъ былъ къ слѣдующему торжественному годичному собранію Россійской академіи приготовить рѣчь. Такому писателю, какъ Карамзинъ, нельзя было отдѣлаться краснорѣчивыми фразами о дѣятельности академіи; ему, вступающему въ среду тѣхъ лицъ, изъ которыхъ большинство еще такъ недавно относилось къ нему враждебно, ему нельзя было даже и молчаніемъ обойти ихъ направленіе и показать, что онъ готовъ одобрить и раздѣлить съ ними академическую ихъ дѣятельность. Онъ долженъ былъ высказаться вполнѣ. Рѣчь его въ видѣ совѣтовъ и указаній, какая дѣятельность предстоитъ академіи при усиленныхъ ея средствахъ, задѣваетъ идеи Шишкова: онъ доказываетъ, что слова не изобрѣтаются академіями, что обогащеніе языка зависитъ отъ успѣховъ общежитія и словесности, отъ дарованія писателей, и, слѣдовательно, ученое законодательство здѣсь неумѣстно. Трудъ академіи не дѣлать языкъ мертвымъ, пресѣкая ему всякое движеніе впередъ, а только открывать и изслѣдовать законы языка, трудиться надъ систематическимъ его образованіемъ. Онъ совѣтуетъ заняться разумной критикой и не смѣшивать ее съ укоризной; болѣе хвалить достойное, чѣмъ осуждать, что осудить можно: „самый легкій умъ находитъ несовершенства, только умъ превосходный открываетъ безсмертныя красоты въ сочиненіяхъ; когда увидимъ важныя злоупотреб-

ленія, новости, неблагоразумныя въ языкѣ, замѣтимъ, предостережемъ безъ язвительной укоризны“. Защищаетъ Карамзинъ и современную словесность отъ упрековъ въ подражательности, разъясняетъ значеніе реформы Петра-Великаго. Кто слѣдилъ за споромъ о старомъ и новомъ слогѣ, тотъ ясно могъ видѣть, что рѣчь Карамзина была отвѣтомъ на этотъ споръ, отвѣтомъ писателя, торжествующаго и праваго въ своихъ взглядахъ. Въ письмѣ къ Дмитріеву, отъ 10-го октября, Карамзинъ говоритъ, что ему не хочется читать эту рѣчь: „Это совсѣмъ не въ духѣ устава. Скажутъ, что хочу раздразнить людей, а я миролюбивъ. Добрый Шишковъ одобрилъ эту рѣчь; не знаю, искренно ли“. А въ слѣдующемъ письмѣ онъ же замѣчаетъ: „Академическая рѣчь моя есть безсмыслица для академіи“. Нельзя при этомъ не указать на черту характера Шишкова: онъ не могъ не видѣть, въ какомъ непріятномъ положеніи будетъ онъ, какъ президентъ, при публичномъ чтеніи рѣчи Карамзина, и все же одобрилъ ее, т. е. допустилъ до чтенія, хотя и не соглашался съ доказательствами Карамзина. Онъ совершенно устранилъ свою личность и даже не искалъ никакого благовиднаго предлога, чтобы помѣшать чтенію. Оно состоялось 5-го декабря 1818 года, въ присутствіи знатнѣйшаго духовенства, членовъ государственнаго совѣта, министровъ, сенаторовъ, генераловъ и пр. Шишковъ же отозвался на эту живую рѣчь уже черезъ нѣсколько лѣтъ (1824),

при новомъ изданіи своей книги „Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ“, гдѣ силится отстоять свой прежній взглядъ на неологизмы въ языкѣ. Онъ уже хотѣлъ видѣть въ Карамзинѣ то достоинство, что въ своей исторіи онъ „не образовалъ языкъ, а возвратился къ нему, и умно сдѣлалъ“.

Въ Карамзинѣ Россійская академія не могла найти дѣятельнаго члена: занимаясь продолженіемъ своей исторіи, онъ не могъ посвящать время и на тѣ труды, которые начерталъ для академіи въ своей рѣчи. Онъ могъ только украшать ежегодныя торжественныя собранія академіи своими историческими чтеніями, привлекая своимъ именемъ многочисленную избранную публику. Такъ, въ слѣдующемъ году онъ вызвался читать изъ девятаго тома о царѣ Иванѣ — „о перемѣнѣ царствованія, о началѣ тиранства, о вѣрности и геройствѣ россіянъ, терзаемыхъ мучителемъ“. Шишковъ испугался такого содержанія. Охотно разрѣшившій чтеніе рѣчи, направленной противъ его литературной личности, теперь онъ не рѣшился допустить чтеніе подъ собственной отвѣтственностью. „Докладывали государю,—пишетъ Карамзинъ,—онъ позволилъ, въ чемъ и нельзя было сомнѣваться; но видишь, какъ любезный Александръ Семеновичъ остороженъ“ [1])! На этотъ разъ собраніе академіи состоялось 8-го января 1820 года. „Съ начала академіи, какъ говорятъ, не бывало такого многолюднаго блестящаго собранія“,—замѣчаетъ Карамзинъ.—

[1]) Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 279.

„Слушатели были умилены и восхищены чертами великаго характера россіянъ,—разсказывалось въ „Сынѣ Отечества“, — сильно представленными глубокомысленнымъ краснорѣчивымъ историкомъ... Я плакалъ и видѣлъ многихъ, отирающихъ слезы. Но уже ударило два часа пополудни. Почтенный чтецъ, на котораго триста слушателей, по крайней мѣрѣ, имѣли устремленные глаза, долженъ былъ отъ усталости остановиться... Президентъ просилъ его отдохнуть въ комнатѣ обыкновенныхъ засѣданій академіи и, пользуясь симъ отсутствіемъ, немедленно предложилъ гг. членамъ наградить исторіографа большою золотою медалью“. Въ своей краткой рѣчи Шишковъ назвалъ исторію Карамзина многотруднымъ подвигомъ, приносящимъ сколько чести сочинителю, столько же пользы отечеству. Предложеніе президента было принято единогласно. „Забыли правило,— пишетъ Карамзинъ, — и раздалось всеобщее рукоплесканіе, когда добрый президентъ подалъ мнѣ огромную медаль съ изображеніемъ Екатерины. Это меня тронуло, меня, холоднаго меланхолика. Тутъ не было ни интриги, ни заговора, ни друзей“ [1]).

Раздачею медалей Шишковъ думалъ связать академію съ литературой и не былъ скупъ на нихъ. Такъ, вмѣстѣ съ Карамзинымъ получилъ медаль Панаевъ, молодой писатель, за свои идилліи, а на слѣдующій годъ уже давно состарившійся писатель И. И. Дмитріевъ, вообще за литературные труды.

[1]) Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 280.

Такъ какъ въ академію стали обращаться нѣкоторые писатели съ просьбою о вспомоществованіи, то для оцѣнки ихъ сочиненій Шишковъ учредилъ при академіи особый комитетъ, который долженъ былъ обсуживать передаваемыя ему книги и рукописи; но тутъ-то и оказался недостатокъ старческихъ силъ академіи, на что жаловался и президентъ въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву: „Признаться должно, что комитетъ сей мало къ общему дѣлу усердствуетъ. Вотъ уже болѣе года, какъ онъ учрежденъ, но еще ни одной строки отъ него въ академію не поступило. Даже и на сей отданный ему на разсмотрѣніе переводъ (Раича, „Георгики“ Виргиліевы) не было никакого отвѣта. Многіе изъ членовъ, составляющихъ оный, никогда не ѣздятъ въ академію; а какъ я положилъ себѣ за правило: однимъ моимъ лицомъ безъ общаго согласія ничего не дѣлать, то и идетъ у насъ медленно. Нынѣ, видя безпечность сего комитета, я поручилъ прочитать переводъ сей другому разсматривательному комитету, и надѣюсь, что сей скорѣе отзовется“.

Ревнуя о силѣ и власти академіи, Шишковъ хотѣлъ оградить ее отъ всякаго соперничества и сильно возсталъ, когда нѣсколько писателей внесли въ комитетъ министровъ уставъ общества соревнователей просвѣщенія и благотворенія, съ просьбою утвердить его. Такъ какъ воображеніе стараго президента во всякой новизнѣ обыкновенно находило вредные замыслы, прикрываемые мнимыми хорошими цѣлями,

то и здѣсь онъ встревожился. Выставляя на видъ, что общество намѣревается заняться изслѣдованіемъ правилъ языка и издавать нужныя для того книги, также награждать литературные труды и ободрять таланты [1]), Шишковъ восклицалъ: „Итакъ, это будетъ вторая академія, соперница, или противница, или разрушительница первой! И кто же будетъ ее составлять? Какія-то неизвѣстныя лица!“ Такое желаніе общества быть прежде утвержденнымъ, чѣмъ извѣстнымъ, онъ называетъ не только несправедливымъ, но едва ли и позволительнымъ. „Академія должна быть одна, — писалъ онъ, — нераздѣльна, съ достаточными способами и покровительствомъ; весь кругъ упражняющихся въ словесности людей долженъ соединиться съ нею. Отличающіеся трудами своими, входятъ въ ея составъ, другіе ревнуютъ отличаться и войти. Члены избираются согласіемъ всѣхъ членовъ вообще, и, слѣдовательно, достоинство ихъ оцѣняется, сколько возможно, безпристрастнымъ образомъ, а потому всѣ вмѣстѣ заслуживаютъ они довѣренность, которой лишать ихъ и возстановлять изъ неизвѣстныхъ людей другую академію, кажется мнѣ, ни по какимъ причинамъ не слѣдуетъ: множество академій произведетъ въ словесности и просвѣщеніи такое же слѣд-

---

[1]) Съ 1814 года при казанскомъ университетѣ существовало общество любителей русской словесности, которому также предоставлено было право за особенныя заслуги по словесности назначать соразмѣрныя награды.

ствіе, какое въ правосудіи произвело бы множество сенатовъ".

Такимъ образомъ Шишкову хотѣлось сдѣлать изъ академіи какой-то литературный сенатъ, который бы держалъ литературу въ извѣстныхъ границахъ: такъ съуживался его взглядъ на интересы того дѣла, которому хотѣлъ служить. Общество соревнователей просвѣщенія и благотворенія, начавшее свои собранія до утвержденія устава, вѣроятно съ цѣлью задобрить своего противника, поспѣшило, въ концѣ 1817 г., избрать его въ свои почетные члены, о чемъ и увѣдомило его съ изъявленіемъ уваженія „къ глубокимъ познаніямъ его въ наукахъ отечественной словесности". Мы не знаемъ, какъ принялъ Шишковъ такое избраніе; на письмѣ, впрочемъ, сдѣлана имъ замѣтка: „отвѣтствовано мною обыкновеннымъ благодарнымъ письмомъ". Несмотря на его возраженія, общество было утверждено и стало издавать свои труды подъ названіемъ: Соревнователь просвѣщенія и благотворенія, и выручаемыя деньги употребляло на пособіе бѣднымъ литераторамъ. Шишковъ, получая это изданіе, посылалъ въ кассу общества по сту рублей.

Заботясь о чести академіи, Шишковъ никакъ не могъ допустить мысль, что на труды ея можетъ быть какая-либо журнальная критика, и по этому поводу не разъ заводилъ даже оффиціальную переписку. Такъ въ 1818 г., въ газетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ „Сѣверная Почта" было напечатано ака-

демическое извѣстіе о засѣданіи академіи, въ которомъ Шишковъ предложилъ избрать въ члены Карамзина. При словѣ упалое (вакантное) мѣсто, употребленномъ Шишковымъ, редакторъ замѣтилъ въ выноскѣ, что онъ печатаетъ присланное изъ академіи безъ малѣйшей перемѣны. Такая замѣтка редакціи крайне оскорбила Шишкова, и онъ горячо вступился въ письмѣ къ министру Козодавлеву: „на подобныя замѣчанія мнѣ и молчать и отвѣчать уничижительно, — писалъ онъ...:—прошу дать знать редактору, что я не позволю никому себя колоть, а самъ гораздо болѣе уколю“. Министръ поспѣшилъ успокоить его тѣмъ, что редакторъ уже получилъ строгое замѣчаніе.

Еще сильнѣе разсердился онъ на Греча, написавшаго въ своемъ журналѣ, „Сынъ Отечества“, критику на новое изданіе русской академической грамматики въ 1819 г. Въ ней Гречъ справедливо доказывалъ, что въ грамматичесской области академія, въ теченіи семнадцати лѣтъ, не сдѣлала ничего для языка, и издала вновь грамматику со всѣми недостатками и ошибками перваго изданія, причемъ онъ подтверждалъ свой выводъ указаніемъ этихъ ошибокъ, называя многія правила неосновательными, сбивчивыми, несообразными, ложными, забавными. Академія удивилась такому своевольному поступку журналиста,—замѣчаетъ Шишковъ. И по поводу его два раза собиралась она, чтобы читать и опровергать хулительныя замѣчанія.

Но тутъ-то она и показала свое научное безсиліе. Опроверженія ея были крайне слабы и недостойны ученаго собранія; большею частью они сводились къ обвиненію въ незнакомствѣ журналиста съ правилами языка и грамматики. Какое-то странное ученое самообольщеніе не позволило старцамъ сознаться ни въ одной своей ошибкѣ, а ихъ было дѣйствительно много. Въ критикѣ они нашли только пустыя несправедливыя умствованія и брань съ намѣреніемъ показать, что можно всякому, кто хочетъ, печатать и говорить объ академіи со всякимъ неуваженіемъ и хулою. Греча можно было только обвинить въ неприличномъ тонѣ, который не допускается наукою. Но и цѣлое собраніе академіи высказало болѣе оскорбленное самолюбіе, чѣмъ дѣйствительныя заботы о наукѣ. Страстность президента отразилась и на собраніи: еще недавній совѣтъ Карамзина, какъ относиться къ вопросамъ науки, не послужилъ ни къ чему. Академія рѣшила не отвѣчать на критику, чтобы не унизить своего достоинства, и остановилась на вопросѣ, который, конечно, былъ поднятъ президентомъ: „имѣютъ ли журналисты право объ издаваемыхъ академіею книгахъ извѣщать публику съ своими объ нихъ сужденіями и оцѣнкою“? И вотъ какое по этому вопросу составилось общее мнѣніе, въ редакціи Шишкова: „цѣлая академія не можетъ быть безграмотною; журналистъ легко можетъ быть безграмотенъ, ибо всякій можетъ быть журналистомъ. Въ цѣлой академіи

предполагается больше знанія, нежели въ одномъ журналистѣ. Академія можетъ погрѣшать, но журналистъ еще больше. И такъ по здравому разсудку, нѣтъ никакой пользы ни для нравовъ, ни для просвѣщенія и словесности, чтобъ изданныя отъ академіи и слѣдственно оцѣненныя уже ею сочиненія были вновь переоцѣниваемы журналистами. Въ государственныхъ постановленіяхъ также нигдѣ не сказано, что журналисты могутъ публиковать и оцѣнивать академическія книги, какъ имъ угодно. Посему ясно, что издатель журнала „Сынъ Отечества" присвоилъ самъ себѣ это право. Поступокъ его не подлежитъ суду академіи, но суду правительства, а потому она не входя въ сужденіе о семъ, полагаетъ только просить президента академіи сіи бывшія въ засѣданіяхъ ея разсужденія приказать записать въ академическія записки и списокъ съ оныхъ препроводить къ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія".

Прочитавъ такое постановленіе, каждый долженъ предположить одно изъ двухъ: или никто изъ членовъ не смѣлъ подавать голосъ противъ предложеній президента, считавшаго себя непогрѣшимымъ, или на всѣхъ нашло такое затмѣніе, что никто не могъ замѣтить нелогичности постановленія. „Что закономъ не запрещается, то не позволяется", — вотъ какой выводъ дѣлаетъ Шишковъ, желая подвесть противника академіи подъ законную отвѣт-

ственность. Въ его мышленіи мы уже не разъ встрѣчали логическія несообразности, такъ какъ фантазія и чувство преобладали въ его духовной дѣятельности. Въ этомъ смыслѣ и Карамзинъ назвалъ его тупымъ.

Жалобу на журналиста Греча князь Голицынъ отдалъ на разсмотрѣніе Главному правленію училищъ. Оно справедливо разсудило, „что дѣланіе примѣчаній на всякую издаваемую въ свѣтъ книгу, а тѣмъ паче на грамматику, никакими узаконеніями не воспрещается; а потому не можетъ никому быть возбранено, и, въ случаѣ неосновательности такихъ примѣчаній, критикъ подвергается самъ стыду предъ публикою и удобному на нихъ опроверженію тѣмъ же способомъ, какимъ и его примѣчанія доведены до всеобщаго свѣдѣнія".

Министръ согласился съ мнѣніемъ главнаго правленія; но за оскорбительный тонъ критики, который не дозволяется уставомъ о цензурѣ, приказалъ сдѣлать цензору выговоръ, а автору замѣчаніе.

Президенту показалось, что Россійская академія (шестьдесятъ избранныхъ членовъ, въ числѣ коихъ находится и самъ министръ просвѣщенія) отдана была подъ судъ Главнаго правленія училищъ (три члена, изъ коихъ одинъ иностранецъ). Это всѣхъ очень оскорбило, но дѣлать было нечего. Въ пылу досады рѣшили: не приглашать на публичныя академическія собранія журналиста Греча, и даже приглашеннаго кѣмъ-либо изъ членовъ не впускать, а

члену, отъ котораго онъ получилъ бы входный билетъ, впредь для приглашенія билетовъ не давать. Въ отвѣтъ на все это, Гречъ напечаталъ еще нѣсколько статей, непріятныхъ для академіи, и далъ почувствовать, въ какое ложное положеніе президентъ поставилъ ее къ литературѣ. „Изъ сего случая, — замѣчаетъ разсерженный Шишковъ,—можно усмотрѣть, въ какомъ обузданіи была наглость столь же самолюбивыхъ, сколько и безграмотныхъ писателей, и какой отъ того пользы и успѣховъ могли ожидать языкъ, нравственность, науки, просвѣщеніе“.

Не думая оставить Шишкова въ покоѣ, Гречъ прислалъ къ нему самому изъ редакціи рукопись съ критикой на переводъ Шишкова Тассовой поэмы „Освобожденный Іерусалимъ“,—переводъ, которымъ онъ занимался много лѣтъ и который напечаталъ въ 1818 году. Въ своемъ письмѣ при рукописи Гречъ объяснялъ, что она прислана въ редакцію его журнала неизвѣстнымъ авторомъ и что хотя онъ обязанъ печатать въ своемъ журналѣ присылаемыя къ нему сочиненія, но опасается негодованія и преслѣдованія Шишкова. Конечно, Гречу нужно было, чтобы Шишковъ прочелъ ѣдкія замѣчанія на себя, — и Шишковъ прочиталъ ихъ, но съумѣлъ сдержаться и съ достоинствомъ отвѣчать журналисту. „Видя противъ себя такія вооруженія,—писалъ онъ, — не могу надивиться, за что нынѣшніе писатели обнаруживаютъ ко мнѣ такую несправед-

ливую ненависть, которая больше чернитъ ихъ самихъ, нежели меня? Ни я гонитель дарованій, ни я зложелатель кому-нибудь. Совѣсть моя со всѣхъ сторонъ чиста и спокойна. Никогда не могу я себя упрекнуть ни личностью, ни строгостью въ моихъ сужденіяхъ; но всегда наблюдалъ одну только справедливость. Намѣреніе сочинителя присланной къ вамъ тетради состоитъ въ томъ, чтобъ, подъ видомъ невѣдѣнія о моемъ имени (хотя всѣмъ извѣстно, что я перевелъ Тассову поэму), обругать меня площадными словами. Кто этотъ ругатель?—какой-то мальчикъ, недавно вышедшій изъ школы. Кого онъ ругаетъ? — сѣдого старика, служившаго отечеству и отечественной словесности съ усердіемъ и честью. Подлинно похвальное намѣреніе, самое скромное и благонравное! Ему хочется пожаловать меня въ невѣжды; желаю ему счастливаго успѣха увѣрить въ томъ себѣ подобныхъ... Я могу васъ увѣрить о моемъ образѣ мыслей, что жалобы и преслѣдованія за подобныя вещи почитаю я себя недостойными. По моему понятію, имя человѣческое есть не то, что жизнь: жизнь можетъ у него жаломъ своимъ отнять змѣя, скорпіонъ и всякій гадъ, но доброе имя никто, кромѣ его самого, отнять у него не можетъ; иначе былъ бы человѣкъ самое бѣднѣйшее созданіе!“ Въ заключеніе Шишковъ предоставлялъ заносчивому журналисту на волю печатать или нѣтъ пасквили, которые онъ умѣетъ презирать, обѣщая не употреблять никакихъ домогательствъ, но

выгораживаетъ себя, если правительство обратитъ на то свое вниманіе, „такъ какъ оно больше, нежели частное лицо, имѣетъ причину не терпѣть подобныхъ дерзостей".

Много доставалось Шишкову за его филологическіе труды, которыми онъ настойчиво занимался, печатая ихъ въ „Академическихъ Извѣстіяхъ". Здѣсь также работала его фантазія; впрочемъ, она навела его на справедливую основную мысль, что корни европейскихъ языковъ одни и тѣ же; дѣло науки— найти первоначальное значеніе этихъ корней и потомъ по нимъ объяснять всѣ производныя слова. „Многіе твердятъ о словопроизводствѣ, — пишетъ онъ, — какъ о первѣйшей части грамматики, но никто не вникалъ въ оное до той глубины, до которой опуститься должно, когда хотимъ узнать составъ языка и его нарѣчій, близкихъ и отдаленныхъ. Не трудно добраться, что рукавица, рукоятка, рукоплесканіе и проч. происходятъ отъ слова „рука"; но этого мало; надобно дойти до первоначальной мысли, какую умъ человѣческій привязалъ къ корню, и отъ ней, какъ отъ источника, переходя послѣдовательно изъ одного понятія въ другое, смежное съ нимъ, сталъ извлекать, составлять и плодить слова"... [1]).

Несчастье того человѣка, кто, напавъ на здравую и справедливую мысль, не въ силахъ анализировать

[1]) Письмо къ Ганкѣ—Переписка Шишкова, ч. II.

ее — и доказать, и разработать научнымъ образомъ. Шишковъ дошелъ до своей мысли не научнымъ путемъ, а случайно, посредствомъ сближеній разныхъ словъ, и такъ увлекся ею, что свои личныя разсужденія сталъ ставить на-ряду съ наукою. Безъ всякаго научнаго метода, незнакомый даже со славянской фонетикой, которая тогда была почти не разработана, съ однимъ практическимъ знаніемъ нѣсколькихъ европейскихъ языковъ, принялся онъ отыскивать корни словъ и объяснять ихъ значеніе по своему разсужденію, которое онъ называлъ здравымъ смысломъ. Для поясненія приводимъ нѣкоторыя изъ его разсужденій: „Ежели бы кто сказалъ: дерево и трава — есть одно и то же, то изъ ста человѣкъ девяносто-девять возопіяли бы противъ него: какъ это можетъ статься? какъ можно утверждать такую явную небылицу? — словомъ, они бы скорѣе сочли его поврежденнымъ въ умѣ, нежели вѣроятія достойнымъ. При таковомъ предубѣжденіи людей трудно ихъ увѣрить. Но не меньше того сказанное мною есть справедливо. Всѣ слова языка показываютъ, что человѣкъ, при названіи вещей, данное имъ названіе одной изъ нихъ — съ малою перемѣною относилъ всегда къ другой, ей подобной. Такъ и здѣсь: не замѣчая разности между травою и деревомъ, когда они равны высотою, онъ сперва и то, и другое разумѣлъ подъ коренными буквами дрв, но когда дерево вознеслось высоко надъ травою и разность ихъ сдѣлалась для него явною, тогда

онъ не перемѣнилъ ихъ названій, а только для различенія сталъ одно передъ другимъ мягче произносить, измѣняя букву д въ т; послѣ того, смѣшеніемъ съ гласными буквами и нѣкоторою отмѣною въ окончаніи, увеличилъ еще болѣе сіе различіе, сдѣлавъ изъ того же дрв для одного предмета дерево или древо, а для другого — трава. Такимъ образомъ, сіи названія почитаемъ мы теперь двумя словами, и каждое изъ нихъ называемъ коренньмъ, особымъ, первообразнымъ; но въ самомъ дѣлѣ оныя не иное что, какъ едино и то же слово. Не обращая вниманія на корни языка, трудно сему повѣрить, но, обращая и находя многіе тому примѣры, трудно усумниться“... — „Въ разрозниваніи словъ: пепелъ и пылаю предполагается, что каждое изъ нихъ есть первообразное, т. е. не произведенное ни откуда, а само собою составляющее корень; но это неправда: пепелъ происходитъ отъ пылаю, поелику означаетъ вещество по пылѣ (т. е. послѣ пыла или поломя, или пыланія) остающееся. Имя сіе, очевидно, составлено изъ предлога по и имени пылъ (т. е. зной, жаръ, огонь)“.

Занимаясь такими объясненіями словъ, Шишковъ неутомимо составлялъ длинныя таблицы, которыя уподоблялъ деревьямъ: отъ корня шли первыя вѣтви или колѣна, и отъ каждаго колѣна новыя вѣтви. „Главнее дѣло состоитъ въ томъ, — замѣчаетъ онъ, — чтобъ изъ собранія вѣтвей, какъ на своемъ, такъ и на другихъ языкахъ, замѣчать зна-

ченіе корня при всѣхъ его измѣненіяхъ; ибо всѣ языки составляются одинакимъ образомъ и слѣды происхожденія понятій отъ одного корня удобно могутъ быть видимы. Возьмемъ нѣмецкій и русскій языки: ухо, слухъ, слушать, подслушивать, послушный — Ohr, Gehör, hören, horchen, gehorsam...

„Всѣ сіи слова, русскія и нѣмецкія, имѣютъ одно начало или корень въ буквахъ ух или oh, къ которымъ привязано понятіе слушанія, но въ русскомъ корнѣ ух, измѣняющійся въ уш (ибо говорится ухо и уши), во всѣхъ вышеозначенныхъ пяти словахъ ясно видѣнъ, и переходъ понятій отъ одного слова къ другому ощутителенъ; въ нѣмецкомъ же сіе не такъ ясно; не скоро свяжешь понятіе Ohr съ понятіемъ gehorsam. Надлежитъ прибѣгнуть къ толкованію, что черезъ переставку буквъ (вездѣ примѣчаемую) изъ Ohr сдѣлался hör".

Подобнымъ образомъ, изъ корня гр Шишковъ производитъ слова: громъ, гора, городъ, грызу, грущу, гребу и под. Или отъ корня кр производитъ 132 колѣна и 2,363 вѣтви. „Вотъ истинное словопроизводство, — восклицаетъ онъ, — показующее составъ языка, и, можетъ быть, въ одномъ только словенскомъ языкѣ цѣпь сія сохраняется столь неразрывною, что по ней отъ послѣдняго до первоначальнаго звена его доходить можно. А ежели мы всякое изъ вышеозначенныхъ словъ (громъ, гора, городъ и пр.) сочтемъ за первобытное, неизвѣстно откуда происшедшее, то всѣ наши

умствованія объ языкѣ, всѣ словари и грамматики будутъ, какъ домы или зданія, построенные на пескѣ—косы, кривы и нетверды".

Шишковъ при этомъ никакъ не воображалъ, что онъ самъ ставитъ на пескѣ всѣ свои таблицы-деревья. Ему ничего не стоило дойти до убѣжденія, что славянскій языкъ является древнѣйшимъ и первѣйшимъ языкомъ. „Въ этомъ я увѣренъ,—пишетъ онъ чешскому ученому Ганкѣ,—не потому, что я славянинъ или русскій, но потому, что мой разумъ въ томъ меня убѣждаетъ, и что сіе убѣжденіе основано на многихъ опытахъ и доказательствахъ. Безъ сомнѣнія, нѣмцы и другіе иностранцы возопіютъ противъ меня, какъ я смѣю утверждать, что многія слова ихъ суть вѣтви славянскихъ словъ. Но ежели бъ они, отложа всякое пристрастіе къ языку своему, съ холоднымъ и здравымъ разумомъ вникли въ начала состава языковъ, то, конечно, согласились бы со мною, и каждый изъ нихъ увидѣлъ бы въ томъ пользу собственнаго языка своего. Но, по несчастью, немногіе иностранцы знаютъ славянскій языкъ, и потому не могутъ ни прочитать меня, ни почувствовать силы моихъ доводовъ".

Мысль Шишкова въ наше время можетъ показаться болѣе чѣмъ странною, но въ то время, когда европейская филологія еще робко приступала къ сравнительному изученію языковъ, она могла казаться только смѣлою. Но она навела его на дру-

гую мысль, которая имѣетъ значеніе уже историческое. Ему вздумалось привлечь ученыхъ другихъ славянскихъ земель къ своему дѣлу, завязать съ ними связь черезъ науку изученіемъ славянскаго языка и напомнить объ общемъ родствѣ. Еще въ 1813 году, проживъ нѣсколько недѣль въ Прагѣ, онъ познакомился съ чешскимъ языкомъ и съ аббатомъ Добровскимъ, который писалъ грамматику церковно-славянскаго языка. Въ 1817 году, въ рескриптѣ на имя графа Остермана, получившаго отъ чеховъ въ даръ кубокъ, Шишковъ назвалъ ихъ соплеменнымъ намъ храбрымъ народомъ; но императоръ Александръ вычеркнулъ это выраженіе. Шишковъ замѣтилъ ему: мнѣ кажется, мы можемъ называть ихъ соплеменными, потому что они нашимъ нарѣчіемъ говорятъ. На это Александъ отвѣчалъ: „подозрительные нѣмцы подумаютъ, что мы, сближаясь съ богемцами, симъ родствомъ имѣемъ на нихъ какіе-нибудь виды". Такимъ образомъ, когда наша политика еще не рѣшалась признать нашего родства съ другими славянами, Шишковъ первый протянулъ имъ руку. Такъ, по его предложенію, академія выбрала въ почетные члены польскаго ученаго Линде, чешскихъ—Негедли, Добровскаго, Ганку; черезъ нихъ онъ завелъ сношенія съ Раковецкимъ, Милетичемъ, Юнгманомъ, Караджичемъ, самъ со всѣми переписывался, посылалъ имъ и въ библіотеки пражскую и вѣнскую изданія россійской академіи, въ особенности же указывалъ на „Акаде-

мическія Извѣстія“, гдѣ печаталось его корнесловіе, объяснялъ свой взглядъ на словопроизводство и приглашалъ всѣхъ къ провѣркѣ своего труда, признаваясь, что „онъ требуетъ многихъ изслѣдованій, справокъ, разсужденій и доказательствъ, прежде нежели можетъ быть совершенъ“. Въ его письмахъ, между многими странностями, мелькаютъ мысли, заслуживающія вниманія. Такъ, въ письмѣ къ Раковецкому онъ замѣчаетъ: „нельзя отрицать, что не говорю уже словари, но и самая грамматика и логика едвали безъ строгаго розысканія началъ языка могутъ быть чужды многихъ погрѣшностей и заблужденій“.

Въ свою очередь славянскіе ученые присылали черезъ Шишкова въ Россійскую академію свои изданія, относились къ ней и къ ея президенту съ большимъ уваженіемъ, но уклонялись отъ отзывовъ о „словопроизводствѣ“.

У Шишкова явилась даже мысль о необходимости открыть славянскія каѳедры при русскихъ университетахъ [1]; но въ то время трудно было привести ее въ исполненіе по недостатку русскихъ ученыхъ славистовъ. Тогда только-что начинались серьезныя филологическія и археологическія занятія въ небольшомъ кружкѣ русскихъ людей независимо отъ Россійской академіи. „То былъ кружокъ людей науки на Руси, первый по времени или, по-крайней-мѣрѣ, по значенію и связности“, говоритъ И. И. Срезнев-

[1]) Записки и переписка Шишкова, ч. 2, стр. 390.

скій [1]). „Преданные наукѣ и отечеству, безпристрастно уважающіе труды другъ друга, разсѣянные по разнымъ мѣстностямъ широкой Руси, очень различные по общественному положенію и по возрасту, они тѣсно были связаны направленіемъ мыслей и перепиской другъ съ другомъ. Основными, старшими членами этого кружка были, кромѣ графа Румянцова, Бантышъ-Каменскій, Малиновскій, Евгеній, отчасти и Оленинъ. Къ нимъ присоединились Калайдовичъ, Востоковъ, Ермолаевъ, Кеппенъ, о. Іоаннъ Григоровичъ. Не въ немъ, но и не внѣ его были нѣкоторые изъ профессоровъ, какъ: Тимковскій, Каченовскій, Даниловичъ, Лобайко, и академиковъ, какъ Аделунгъ, Кругъ, Френъ. Къ нему примыкали и нѣкоторые изъ иноземныхъ ученыхъ, близкихъ къ нему по занятіямъ, какъ Добровскій, Линде и пр. Открывать и изслѣдовать древніе памятники языка, словесности и быта русскаго народа — такова была задача кружка̀. Кружокъ сталъ образовываться еще до 1812 г. съ того времени, какъ начались работы по приготовленію къ изданію собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ... Теперь не осталось уже никого, кто бы могъ въ живомъ разсказѣ вспомнить о томъ, что̀ и ка̀къ дѣлалось въ этомъ ученомъ обществѣ, не нуждавшемся ни въ уставѣ, ни въ засѣданіяхъ и протоколахъ, ни въ поощреніи общественнаго мнѣнія. Остались только плоды его тру-

[1]) Переписка Востокова, Сборникъ статей, читан. въ отдѣл. рус. яз. и слов. импер. академіи наукъ, 1873.

довъ, которымъ можетъ позавидовать любое ученое общество".

Въ 1820 г. обратилъ на себя вниманіе всѣхъ славистовъ Востоковъ своимъ „Разсужденіемъ о славянскомъ языкѣ", въ которомъ выказалъ дѣйствительную ученость и которымъ положилъ прочное основаніе для филологическаго изслѣдованія славянскаго и русскаго языковъ. Къ этому „Разсужденію" онъ долго подготовлялъ себя въ качествѣ скромнаго члена столь же скромнаго Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ, основаннаго въ Петербургѣ еще въ 1801 г. и въ качествѣ библіотекаря императорской публичной библіотеки, владѣвшей старыми рукописями и въ томъ числѣ Остромировымъ евангеліемъ, равно какъ и старопечатными книгами. Своими серьезными филологическими трудами Востоковъ еще въ 1818 г. обратилъ на себя вниманіе московскаго Общества любителей словесности, которое выбрало его въ свои члены.

Въ этомъ обществѣ было съ восторгомъ встрѣчено и его „Разсужденіе о славянскомъ языкѣ". Но Россійская академія уже послѣдняя обратила вниманіе на этого труженика, и почти черезъ полгода послѣ выхода въ свѣтъ „Разсужденія" президентъ ея провозгласилъ: „Стихотворенія Востокова, а особливо похвальныя упражненія его по части изслѣдованій отечественнаго языка обращаютъ на труды его вниманіе любителей словесности, почему и поставляю я долгомъ почтеннѣйше предложить его

[illegible]

[illegible] примѣчаніями равно и [illegible] своими примѣчаніями. [illegible] языкъ требуетъ многихъ [illegible] Наука [illegible] ли не [illegible] Если вы хотите вмѣстѣ съ [illegible] посвятить себя полезному упражненію, [illegible] вамъ все доселѣ по сей части произ[illegible] труды какъ печатные, такъ и рукопи[illegible]. Прочитайте со вниманіемъ, войдите въ [illegible] и намѣреніе: будьте откровенны въ [illegible] примѣчаніяхъ, равно и внимательны къ [illegible] примѣчаніямъ. Я увѣренъ, что вы не послѣдуете [illegible] писарямъ-невѣждамъ, которые безъ всякаго разсужденія основываютъ знаніе свое на одномъ только крикѣ или на скоропоспѣшномъ заключеніи о томъ, о чемъ надобно сто разъ и поговорить и подумать. Академія занимается нынѣ опытомъ словаря по корнямъ. Я бы желалъ, чтобы вы приняли въ этомъ важномъ трудѣ искреннее участіе. Можетъ быть, вы и примете, если поприлежнѣе прочитаете „Академическія Извѣстія“ и все то, что о семъ написано; вещь эта не такая, чтобы, прочи-

тавъ о ней поверхностно или вскользь, можно было достаточно ее обнять. Я говорю это по опыту. Болѣе тридцати лѣтъ, какъ я обратилъ на то мое вниманіе и что сначала казалось мнѣ какъ бы непроницаемымъ мракомъ покрытое, въ томъ нынѣ, тысячами доказательствъ убѣжденный, вижу я неоспоримыя математическія истины. Я нимало не сомнѣваюсь, чтобы вы не увѣрились въ томъ, когда хорошенько вникните; примитесь, и я ручаюсь, что вы въ семъ упражненіи отчасу болѣе находить будете удовольствіе." Далѣе, доказывая важность словопроизводнаго словаря, Шишковъ касается словопроизводства нѣкоторыхъ русскихъ словъ и между прочимъ производитъ слово стужа отъ глагола стою, „поелику дѣйствіе ея состоитъ въ останавливаніи, т.-е. въ превращеніи всѣхъ жидкихъ тѣлъ (по природѣ своей текущихъ и колеблющихся) въ густыя, твердыя, неподвижныя". Затѣмъ какъ-бы мимоходомъ высказываетъ основательную и новую для того времени мысль: грамматика, по моему мнѣнію, требуетъ не того одного, чтобъ только умѣть различать части рѣчи, но чтобъ видѣть, какими путями шелъ умъ народа, составляющаго языкъ; безъ сего не узнаемъ мы, кто сбился съ дороги, нынѣшній ли писатель или прежній; въ стихотворствѣ, въ краснорѣчіи, въ сужденіяхъ о красотахъ и погрѣшностяхъ, нужно также знаніе силы словъ, почерпнутое изъ языка, а не изъ на

вводящаго насъ въ заблужденіе, и не изъ толка мелкихъ журналистовъ, ничего порядочнаго нечитавшихъ. Сила словъ требуетъ любомудраго о ней сужденія, а не наслышки отъ Сидора и Карпа... Простите мнѣ сіе длинное и для перваго раза, можетъ быть, нескромное письмо мое къ вамъ. Надежда, что академія будетъ имѣть въ васъ усерднаго и хорошаго сотрудника, завлекла меня въ сіи объясненія. Отзывъ вашъ уменьшитъ или увеличитъ сію довѣренность“ [1]).

Нельзя не обратить вниманія на странный тонъ этого письма: въ немъ какъ будто профессоръ обращается къ студенту, подающему большія надежды, съ увѣщаніемъ вступить на истинный путь, съ желаніемъ воспользоваться его талантами для излюбленнаго имъ дѣла, съ опасеніемъ, что онъ взглянетъ на это дѣло какъ на пустое и предпочтетъ ему другое, болѣе для него интересное. Заключеніе письма ставитъ даже довѣренность президента къ новому члену академіи въ зависимость отъ его отзыва, въ которомъ должно выразиться сочувствіе или несочувствіе его къ предлагаемой работѣ. Шишковъ и не подозрѣвалъ, какія слѣдствія для науки выйдутъ изъ трудовъ Востокова, и какъ эти труды помогутъ поставить на чисто-научную почву то дѣло, за которымъ вся академія гонялась въ потемкахъ, признавая за науку богатую фантазію своего президента.

[1]) Переписка Востокова, стр. XXXV.

Хотя Востоковъ и благодарилъ за „отличную честь, которой онъ свыше своего ожиданія удостоился—честь принадлежать къ знаменитому сословію императорской россійской академіи“, хотя и обѣщалъ усерднымъ выполненіемъ своихъ членскихъ обязанностей постараться оправдать лестное довѣріе академіи, но въ заключеніи замѣтилъ, что, можетъ быть, недостатокъ времени, раздѣляемаго между казенными должностями въ трехъ мѣстахъ, воспрепятствуетъ ему быть прилежнымъ сотрудникомъ академіи. Здѣсь же онъ дѣлаетъ намекъ, какими путями онъ шелъ и какими правилами руководствовался въ своихъ изслѣдованіяхъ, хотя и смягчаетъ его замѣчаніемъ, что „совѣты почтеннѣйшихъ сочленовъ его въ Россійской академіи послужатъ ему вѣрнѣйшимъ свѣтильникомъ къ озаренію пути, толикими преткновеніями исполненнаго“. Эта нѣсколько напыщенная фраза отчасти звучитъ ироніей, но еще болѣе слышится ея въ признаніи Востокова, что онъ удовлетворился производствомъ слова стужа отъ стоять, къ чему еще прибавилъ: „я съ удовольствіемъ и съ пользою для себя читаю въ „Извѣстіяхъ“ Россійской академіи глубокія изслѣдованія вашего превосходительства по части словопроизводства“[1]).

На первый разъ академія поручила Востокову, вмѣстѣ съ другимъ членомъ-ветераномъ Соколовымъ, составить сравнительный словарь всѣхъ сла-

[1]) Переписка Востокова. стр. XXXVII.

вянскихъ нарѣчій. Конечно, идея такого труда принадлежитъ Шишкову; ее поддерживалъ чешскій ученый Ганка, который писалъ ему: „таковое преславное дѣло никто же во всемъ мірѣ, кромѣ академіи Россійской, способствовать (совершить) не можетъ“; и при этомъ давалъ совѣтъ: „не токмо весьма пристойно, но и несравненно полезно было бы, когда-бъ въ засѣданіяхъ оныхъ тоже одинъ искусный національный членъ изъ каждаго нарѣчія присутствовалъ“ [1]). По словамъ И. И. Срезневскаго, изданіе сравнительныхъ словарей Россійской академіею затѣяно было случайно и также случайно оставлено [2]).

Оно въ самомъ дѣлѣ было преждевременно. Надо замѣтить, что вообще Шишковъ задавалъ такія задачи, которыя могли разрѣшаться только въ далекомъ будущемъ; было много стремленій, но не было сознанія нужныхъ силъ и средствъ.

Сказавъ о Востоковѣ, нельзя кстати не отмѣтить еще фактъ, говорящій о добромъ сердцѣ Шишкова. Въ 1821 году императрица Марія Өеодоровна избрала его въ члены совѣтовъ при обществѣ благородныхъ дѣвицъ и училищѣ ордена св. Екатерины. Въ концѣ того же года, по случаю прибытія въ Петербургъ великой княгини Маріи Павловны, императрица устраивала воспитанницамъ праздникъ и поручила Шишкову по заданной про-

[1]) Переписка Шишкова, ч. II, стр. 390.
[2]) Переписка Востокова, стр. 401.

граммѣ сочинить стихи для пѣнія дѣвицамъ. Шишковъ обратился къ академикамъ, упражнявшимся въ стихотворствѣ; но только двое изъ нихъ точно исполнили програму—князь Шаховской и Востоковъ. Хотя Шишковъ отдалъ преимущество стихамъ перваго, но въ то же время ходатайствовалъ о наградѣ Востокову, какъ человѣку „имѣющему болѣе нужды въ одобреніи", пославъ при этомъ къ императрицѣ книжку стихотвореній Востокова, недавно имъ изданную. За все это Востоковъ получилъ отъ государыни бриллiантовый перстень.

Шишкову очень хотѣлось распространить свои труды по корнесловію не только между славянскими учеными, но и въ европейскихъ ученыхъ обществахъ, занимающихся филологіей. Конечно, по ненависти къ французской литературѣ онъ не заводилъ сношеній съ знаменитой французской академіей; но ему указали на Лондонское общество, Royal Society, и эдинбургскій университетъ, къ которымъ въ 1821 г. онъ и обратился черезъ посредство нашего посла въ Лондонѣ, графа Ливена. Пославъ изданія россійской академіи, онъ указывалъ имъ на единство происхожденія всѣхъ языковъ и приглашалъ ихъ вступить во взаимныя сношенія, чтобы заняться однимъ общимъ дѣломъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ обратился съ письмомъ къ русскому посольскому священнику въ Лондонѣ, прося его предложить англійскимъ ученымъ свои услуги—переводомъ или объясненіемъ удовлетворить

ихъ любопытству, если бы они пожелали познакомиться съ какою-либо статьею изъ посланныхъ имъ книгъ. „Безъ сомнѣнія,—пишетъ онъ,—въ посланныхъ имъ „Извѣстіяхъ академическихъ“ могли бы они найти много достойнаго любопытства и дальнѣйшихъ о томъ разсужденій. ежели-бъ языкъ нашъ былъ имъ извѣстнѣе, ибо въ нихъ не объ одномъ славянскомъ, но и обо всѣхъ вообще языкахъ разсуждается, и самая польза английскаго требовала бы, чтобъ они не поверхностно на сіе взглянули, но вошли бы въ основаніе и связь доказательствъ... Невозможно, чтобъ они предметъ сей—единственный, ведущій къ познанію человѣческаго слова, почитали ненужнымъ или недостойнымъ вниманія“. Въ этомъ же письмѣ Шишковъ проситъ доставлять матеріалы для сравнительнаго словаря, первое изданіе котораго было сдѣлано Палласомъ при участіи императрицы Екатерины II. Но, кажется, на всѣ эти обращенія Россійская академія не получила никакого отзыва. Все это хотя и не приносило пользы, но характеризуетъ неутомимую дѣятельность Шишкова.

Свои заботы объ языкѣ Шишковъ не ограничивалъ одной литературной сферой, но пытался вторгнуться и въ сферу законодательную. Онъ совѣтовалъ приступить къ составленію новаго уложенія законовъ такимъ образомъ: „Поручить дѣло сіе одному или двумъ избраннымъ особамъ, посѣдѣвшимъ на службѣ отечества, не въ чужихъ краяхъ

воспитаннымъ или дышущимъ ихъ духомъ, но коренным русскимъ боярамъ, имѣющимъ достаточныя познанія и—еще болѣе того,—исполненнымъ честности, здраваго разсудка и любви къ народу своему. Хотя и не легко ихъ найти, благодаря нынѣшнему такъ-называемому просвѣщенію, однакожъ не совсѣмъ невозможно: есть еще люди, почитающіе истиннымъ просвѣщеніемъ не тѣ ложныя ученія, которыя превратными умствованіями, устраняя добродѣтель и правду, отворяютъ путь ко всѣмъ страстямъ и порокамъ; но тѣ, которыя, отвергая всѣ основанныя на мірскихъ корыстяхъ связи, ведутъ къ Богу по предначертанной имъ самимъ стезѣ. По избраніи сихъ двухъ начальныхъ мужей, надлежитъ избрать еще двухъ, давно служащихъ, опытныхъ по гражданской части, добраго поведенія чиновниковъ, которые бы всѣ наши законы, суды и расправы знали наизусть. Къ нимъ придать двухъ искусныхъ въ словесности писателей, изъ которыхъ бы оба они или одинъ знали иностранные языки. Къ сему сообществу присовокупить еще педанта, который бы ни одного сомнительнаго или двусмысленнаго слова не пропускалъ безъ того, чтобъ не остановиться на немъ и не потолковать, точно ли оно имѣетъ тотъ смыслъ, въ какомъ употреблено; ибо часто случается въ законахъ, что одно подверженное разнымъ толкованіямъ слово подаетъ по-

водъ къ ябедамъ и бываетъ причиною самымъ несправедливѣйшимъ притѣсненіямъ“ [1]).

XIII.

Отношеніе Шишкова къ „духу времени“, къ библейскому обществу, къ университету.—Планъ народнаго воспитанія Магницкаго.—Шишковъ—министръ народнаго просвѣщенія.

Не весело смотрѣлъ Шишковъ на все окружающее его общество: въ мрачномъ свѣтѣ все представлялось ему. Такихъ людей, какихъ онъ желалъ бы видѣть, онъ могъ перечесть по пальцамъ: всѣ же прочіе казались ему зараженными духомъ времени. Не выносилъ онъ этого слова. Что̀ такое духъ времени? спрашивалъ онъ, и спѣшилъ отвѣтить: „подъ словомъ духъ времени часто разумѣется общее стремленіе къ своевольству и неповиновенію; гдѣ правительство твердо и законы святы, тамъ они управляютъ духомъ времени, а нѐ духъ времени—ими“. Но какъ бы удивился Шишковъ, если бы ему кто-нибудь сказалъ, что онъ самъ поддается духу времени, увлекаясь новѣйшей идеей, которая явилась уже послѣ революціи и стала бродить въ европейскихъ умахъ—это идея національности, о которой прежде никто не разсуждалъ. Нападая на всякое новомысліе и проповѣдуя о необходимости обра-

[1]) Переписка Шишкова, ч. II, стр. 151.

зованнымъ классамъ обратиться къ національной жизни, Шишковъ и не подозрѣвалъ, что онъ заодно съ тѣми, которыхъ онъ со злобою называлъ революціонерами, возмутителями, развратниками, злодѣями. Правда, онъ связывалъ національность со стариною, съ отжитыми формами жизни, но никакую національность нельзя оторвать отъ прошедшаго народа, отъ его исторіи, изъ которой она развивается. Онъ только не признавалъ за нею возможности развитія, а видѣлъ ее въ опредѣленныхъ формахъ. У него не доставало силъ выяснить эту идею; онъ больше чувствовалъ ее, чѣмъ ясно понималъ, такъ же, какъ больше чувствовалъ и единство происхожденія языковъ и идею славянства, которая у него смутно связывалась съ національностью. Онъ чувствовалъ, что правда за нимъ, но доказать не могъ; онъ путался въ доказательствахъ, поддаваясь своей горячей фантазіи и не могъ попасть на твердую научную почву, хотя и воображалъ, что стоитъ на ней. Какъ моралистъ, онъ больше нападалъ, сердился и бранился, чѣмъ доказывалъ, не рѣдко выходилъ изъ предѣловъ оффиціальнаго или общественнаго приличія, но никого не убѣждалъ, а скорѣе возбуждалъ противъ себя враждебное чувство. Онъ и не подозрѣвалъ, что та же идея національности начинала уже тревожить головы изъ новаго поколѣнія тѣхъ юношей, на которыхъ онъ смотрѣлъ какъ на мальчиковъ, высокомѣрныхъ, тщеславныхъ, дерзкихъ развращенныхъ новомысліемъ, стремящихся къ своево-

лію и непослушанію. Они-то, окрѣпнувъ силами, стали пытаться внести эту идею въ литературу, въ искусство, въ свои произведенія; но старецъ Шишковъ не съумѣлъ провидѣть въ нихъ таланты, а смотрѣлъ на нихъ только издали, съ опасеніемъ увидѣть въ нихъ карбонаріевъ, членовъ тайныхъ европейскихъ обществъ. Терялся бѣдный старецъ передъ этимъ духомъ новаго времени, видѣлъ, что всѣ чего-то ищутъ, стремятся впередъ, а самъ не догадывался, что и у него есть нѣчто общее со многими другими, только оно остается у всѣхъ не вполнѣ выясненнымъ. Напуганная его фантазія не могла избавиться отъ призраковъ, которые много лѣтъ мерещились ему и грозили разрушеніемъ всѣхъ государственныхъ порядковъ. Доходятъ до него изъ Европы разсказы о тайныхъ революціонныхъ обществахъ, о страшныхъ карбонаріяхъ и уже не изъ одной Франціи, а изъ Италіи, изъ Испаніи, изъ Германіи,—этого достаточно, чтобы фантазія воспламенилась еще большимъ страхомъ и съ каждымъ пустымъ случаемъ въ Россіи соединяла бы новый призракъ. Такъ, въ Москвѣ въ 1815 г. напечатана кѣмъ-то критика *), не восхваляющая безусловно устарѣвшаго Хераскова, а указывающая и на его недостатки. И Шишковъ смотритъ на это какъ на дерзость, относитъ ее къ ис-

---

[1]) Въ этомъ году мнѣ извѣстны двѣ критики сочиненій Хераскова: одна Строева въ „Современномъ Наблюдателѣ", другая—Мерзлякова, разборъ „Россіады", въ „Амфіонѣ". Надо полагать, что Шишковъ разумѣлъ первую, какъ наиболѣе рѣзкую.

порченности нрава. хочетъ видѣть въ авторѣ непремѣнно студента. „Вотъ нравы, которымъ научаютъ юношей!—восклицаетъ онъ.—Кажется, какъ будто всѣ училища превратились въ школы разврата“! На самомъ дѣлѣ, было совсѣмъ другое. Существовали съ разрѣшенія правительства масонскія ложи, куда вступала молодежь, думая найти какую-нибудь нравственно-общественную дѣятельность. Были ученыя, литературныя и благотворительныя общества — съ тѣмъ же стремленіемъ къ общественной дѣятельности. Составлялось и тайное общество; но „было бы большой ошибкой, — говоритъ одинъ изъ современниковъ,—предполагать, что въ этихъ тайныхъ собраніяхъ занимались только заговорами: здѣсь вовсе ими не занимались. Если бы какіе-нибудь изъ членовъ и имѣли такое намѣреніе, они скоро увидѣли бы, что заговоръ невозможенъ. Начинали обыкновенно тѣмъ, что жаловались на безсиліе общества предпринять что-нибудь серьезное; потомъ разговоръ переходилъ на политику вообще, на положеніе Россіи, на неустройства, ее отягощавшія, на злоупотребленія, которыя ее истощали, наконецъ на ея будущее. Здѣсь обсуждались европейскія событія и съ радостью привѣтствовались успѣхи цивилизованныхъ странъ на пути къ свободѣ. Тотъ, кто жилъ въ Россіи—замѣчаетъ онъ же,—можетъ себѣ составить понятіе о томъ, какъ трудно въ русскомъ обществѣ высказывать свои мнѣнія. Чтобы говорить свободно и безъ опасеній, надо не только заклю-

читься въ тѣсный кружокъ, но даже хорошо выбирать лица, которыя его составляютъ; только подъ этимъ условіемъ возможенъ искренній обмѣнъ идей [1]).

Конечно, не могъ Шишковъ равнодушно относиться и къ русскому библейскому обществу, которое быстро развивалось на его глазахъ. Устроенное по образцу англійскаго и утвержденное императоромъ въ концѣ 1812 г. подъ предсѣдательствомъ невиннаго мистика и совсѣмъ выдохшагося русскаго человѣка, князя А. Н. Голицына, управлявшаго духовными дѣлами всѣхъ вѣроисповѣданій въ Россіи, оно соединило почти всѣхъ мистиковъ—и невинныхъ, и умѣренныхъ, и фанатиковъ,—которые сошлись на одной идеѣ—распространенія библіи на всѣхъ живыхъ языкахъ для духовнаго просвѣщенія народовъ. Такъ какъ общество считалось подъ покровительствомъ императора и управлялось сильными лицами, то, благодаря усердію подвластныхъ имъ чиновниковъ, оно сбирало большія пожертвованія изъ всей Россіи. Въ разныхъ городахъ быстро открывались его отдѣленія и товарищества. Въ числѣ членовъ было много лицъ изъ высшаго духовенства, подвластнаго тому же Голицыну [2]). Въ первое время Шишковъ обращалъ мало вниманія на библейское общество, пока князь Голицынъ не былъ назначенъ ми-

---

[1]) Очерки обществ. движенія при Александрѣ I. А. Н. Пыпина, „Вѣстникъ Евр.", 1870, декабрь.

[2]) Библейское общество, А. Н. Пыпина.—„Вѣстникъ Европы". 1868, № 8. 9, 11. 12.

нистромъ народнаго просвѣщенія и пока мистическая литература не нашла себѣ въ немъ покровителя. Еще и до него проскальзывали черезъ русскую цензуру мистическія сочиненія, преимущественно переводныя, написанныя не въ духѣ православнаго догматизма, которыя потомъ объявлены были вредными, какъ, напр., Таинство креста, Побѣдная повѣсть вѣры христіанской. Но въ министерство Голицына, когда почти всѣ начальственныя мѣста по его вѣдомству были заняты мистиками и довольно ярыми, цензура сдѣлалась очень снисходительна къ сочиненіямъ мистическимъ и очень строга къ полемическимъ, въ которыхъ рѣзко выставлялось противорѣчіе переносимаго къ намъ западнаго мистическаго ученія съ русскимъ православіемъ. Грубый ихъ тонъ, оскорбительныя выраженія, задѣвавшія личности, были причиною, что цензура не пропускала ихъ, опасаясь допустить страстную полемику и еще болѣе взволновать умы. Такимъ образомъ, разныя мистическія нелѣпости оставались безъ опроверженія: съ одной стороны, онѣ легко принимались умами религіозно настроенными, но неудовлетворенными въ своихъ стремленіяхъ однимъ догматизмомъ, недопускающимъ разсужденій; съ другой стороны, онѣ возмущали людей, которые хотѣли вѣровать по сердечной простотѣ, не вдаваясь ни въ какія религіозныя исканія и не переступая предѣловъ догматическаго ученія. Строгіе догматики наконецъ стали роптать, сваливая всю вину на биб-

лейское общество и подозрѣвая его въ злочестивомъ намѣреніи подкопать православную церковь, а съ нею и государство: стали думать, что оно благочестивымъ распространеніемъ священныхъ книгъ только прикрываетъ свои настоящія нечестивыя цѣли. Всѣхъ болѣе винили князя Голицына, хотя онъ и не раздѣлялъ мнѣнія крайнихъ мистиковъ. Подозрѣвали даже въ отступленіи отъ православія ученыхъ духовныхъ лицъ, какъ, напр., архимандрита Филарета, бывшаго въ дружескихъ связяхъ съ министромъ, въ послѣдствіи извѣстнаго московскаго митрополита.

Шишковъ, какъ мы не разъ видѣли, самъ былъ склоненъ къ мистицизму, но въ то же время онъ былъ неспособенъ ни къ какимъ отвлеченностямъ, и потому не позволялъ себѣ углубляться въ религіозныя разсужденія: онъ былъ мистикъ только въ предѣлахъ строгой ортодоксіи, и считалъ врагами вѣры и развратителями мистиковъ, носившихъ разныя имена—масоновъ, иллюминатовъ и др. Онъ говорилъ, что это зло пришло къ намъ изъ чужихъ земель при Екатеринѣ II-ой, и что первыми виновниками его были Новиковъ съ товарищами: „они задумали украдкою сочинять развратныя книги и проповѣдывать заимствованныя ими у чужеземныхъ лжеучителей злочестивыя правила". Онъ раздѣлялъ также мнѣніе нѣкоторыхъ, будто и Карамзинъ былъ отправленъ московскими масонами за границу для сношенія съ масонами европейскими. Это объясняетъ намъ тѣ неприличныя выходки, которыя долгое

время онъ дѣлалъ противъ нравственности Карамзина и его защитниковъ. Хотя, по объясненію Шишкова, первое покушеніе злонамѣренныхъ людей и было уничтожено, но въ царствованіе Александра чужеземныя внушенія снова возникли и подъ благовиднымъ именемъ наукъ и просвѣщенія усилились и распространились. „Въ знаменитѣйшую войну 1812 года, — писалъ онъ, — Россія, низложившая исполинскія силы Наполеона, вознеслась на высокую степень славы; но между тѣмъ какъ она, окровавленная и побѣдоносная, пошла великодушно освобождать воевавшую противъ нея Европу отъ ига французовъ, англійскіе методисты заводили въ ней библейскія общества, долженствовавшія нѣкогда, подъ видомъ распространенія христіанства, поколебать православную вѣру и внутренними раздорами сокрушить ея могущество“. Вотъ чего ожидалъ Шишковъ отъ библейскаго общества; но зачѣмъ все это нужно было англійскимъ методистамъ и тѣмъ русскимъ отступникамъ, которые вступили съ ними въ связь и пользовались значительнымъ положеніемъ въ своемъ отечествѣ, объ этомъ онъ не разсуждалъ, вообще довольный, когда ему удастся подыскать ближайшую и, такъ сказать, сподручную причину, согласную съ его давнишнимъ страхомъ отъ новыхъ идей. Разъ попавъ на подобную причину, онъ уже не вдавался ни въ какіе вопросы: фантазія его въ томъ же духѣ продолжала строить новыя комбинаціи, чтобы усилить вѣроятность предположенія.

Но въ первый разъ громко и оффиціально заговорилъ Шишковъ, воспользовавшись извѣстнымъ дѣломъ о петербургскихъ профессорахъ, и не подозрѣвая, что онъ помогаетъ ярымъ мистикамъ въ ихъ походѣ противъ науки. Будучи врагами ея по самому существу своихъ фанатическихъ стремленій, они не могли оставить ее въ покоѣ, какъ скоро власть оказалась въ ихъ рукахъ. Они, члены главнаго правленія училищъ, попечители нѣкоторыхъ учебныхъ округовъ, ревностные члены библейскаго общества въ угоду министра, считали ее, и совершенно справедливо, противницею ихъ мистицизма, съ которымъ они связывали понятіе объ истинномъ просвѣщеніи. Изъ ихъ среды первымъ выступилъ самый дерзкій, хитрый и коварный человѣкъ, который обманывалъ и себя и другихъ своей наружной набожностью, прикрывая ею свои честолюбивые замыслы. То былъ Магницкій. Ему нужно было такъ или иначе выказать свое усердіе къ вѣрѣ и престолу, и онъ воспользовался настроеніемъ умовъ, въ которомъ господствовало опасеніе, будто бы злонамѣренные люди стараются заразить нашу молодежь безвѣріемъ и революціонными идеями. Свойственное молодости нѣкоторое вольнодумство, которое обыкновенно проходитъ съ опытами жизни и на которое слѣдуетъ смотрѣть какъ на легкомысленное увлеченіе, можетъ быть, неизбѣжный недостатокъ молодости, многіе склонны принимать за развратъ, обвинять за него все воспитаніе и науку и, наконецъ, карать подо-

зрѣваемыхъ, какъ преступниковъ. Послѣ знаменитаго набѣга на казанскій университетъ, гдѣ Магницкій въ качествѣ его попечителя подавилъ все то, чѣмъ держится истинная нравственность, и посѣялъ сѣмена, изъ которыхъ выростаютъ ханжество, притворство, лицемѣріе, онъ подбилъ къ такимъ же подвигамъ и своего товарища по главному правленію училищъ, попечителя петербургскаго учебнаго округа, Рунича. Мы уже видѣли, что Руничъ занимался изданіемъ мистическихъ книгъ, которыя запрещались цензурою прежняго министерства. Ему была совершенно по душѣ та кастрація науки, которая производилась Магницкимъ во имя вѣры и политическаго порядка. Ничего не стоило ему найти въ лекціяхъ лучшихъ профессоровъ петербургскаго университета развращающія идеи, обвинить ихъ въ сознательномъ стремленіи къ революціи и произвести надъ ними Шемякинъ судъ. Возмущены были такими поступками всѣ понимавшіе истинное значеніе науки и видѣвшіе въ ней цивилизующую силу русскаго общества. Но число ихъ было не велико, голосъ ихъ не имѣлъ значенія и передъ государемъ, въ глазахъ котораго только одинъ Аракчеевъ не принадлежалъ ни къ какой партіи; всѣ же прочіе были люди партій; къ нему стекались такія разнорѣчивыя объясненія, донесенія, указанія, жалобы, подозрѣнія, и все это излагалось съ такой страстностью, что держать чью либо сторону для него не значило держаться истины, которой искалъ онъ. Въ обвиненіи

профессоровъ Шишковъ видѣлъ подтвержденіе всего, что онъ говорилъ прежде объ испорченности нашихъ школъ, изъ которыхъ выходили юноши уже развращенными. „Нашъ почтенный Шишковъ, — писалъ Карамзинъ къ Дмитріеву, — говоритъ: поздно хватились и давно обнаруживалъ нечестіе“ [1]). Впрочемъ, даже и онъ признавалъ, что слѣдствіе было ведено неправильно. „При изслѣдованіи дѣла сего въ правленіи народныхъ училищъ,—писалъ онъ, — поступлено было съ сими профессорами, изъ которыхъ иные были русскіе, другіе иностранцы, весьма строго, а именно: держали ихъ цѣлыя сутки въ заперти, допрашивали и не выпускали вонъ, покуда они не повинятся или не напишутъ своихъ оправданій. Съ одной стороны, предлагались имъ странные и притѣснительные вопросы, какіе можетъ дѣлать облеченное въ силу и власть суевѣріе; съ другой— подобные же тому дѣлались отвѣты, какіе иногда смѣлое, иногда устрашенное вольнодумство можетъ давать вопрошающему его судіи, надъ которымъ оно прежде насмѣхалось. Оправданія профессоровъ были укоризненны, но не меньше того справедливы: они говорили, что не могли предвидѣть сего на нихъ взысканія, поелику за то самое нынѣ осуждаются, что прежде по системѣ либерализма было ободряемо, и за что они получали чины, ордена и награды. Правда, по несчастію, неоспоримая! По семъ изслѣдованіи названы однакожъ они были возмути-

[1]) Переписка съ Дмитріевымъ, стр. 323.

телями, возстававшими противъ правительства, нравственности и вѣры; но обвиняемые въ столь важныхъ преступленіяхъ, за которыя мало послать въ ссылку, не могли по строгой противъ отвѣтовъ ихъ справедливости ни къ чему быть приговорены".

Такимъ образомъ, Шишковъ обвинялъ въ сущности не профессоровъ, а все министерство просвѣщенія, будто бы допустившее либеральное направленіе. Въ томъ же духѣ читалъ онъ свое мнѣніе въ комитетѣ министровъ 14-го февраля 1822 года. Здѣсь, между прочимъ, выразилось и доброе его сердце, за которое Карамзинъ, какъ писалъ онъ къ Дмитріеву, полюбилъ его [1]). Онъ возставалъ противъ дѣла, а не противъ лицъ. „Не будетъ справедливо,—говорилъ онъ,—наказать не многихъ за ту вину, въ которую долгое время многіе впадали безъ всякаго ихъ за то осужденія. Они, и съ ними множество другихъ, привыкли не считать это виною, и еще, напротивъ, иные тѣмъ тщеславились и думали, что въ семъ-то и состоитъ достоинство и просвѣщеніе... Едва ли благообдуманно будетъ вдругъ остановить и преслѣдовать то, что уже нѣкоторымъ образомъ широко разлилось и чего иначе истреблять нельзя, какъ кроткими мѣрами, т. е. пресѣкая путь нововтекающему злу и дѣлая такъ, чтобъ старое само-собою погасало".

Но здѣсь же Шишковъ высказалъ и странности, которыя, впрочемъ, оправдываются характеромъ его

[1]) Переписка съ Дмитріевымъ, стр. 375.

ума. Осуждая нѣмецкихъ ученыхъ за неясность отвлеченнаго ихъ слога, онъ видитъ въ этомъ ихъ злонамѣренность, чтобы, подъ видомъ глубокой мудрости, внушать ученикамъ великое о себѣ мнѣніе и долѣвременнѣе получать отъ нихъ плату за свои уроки. „Сія на корыстолюбіи основанная хитрость, помрачая природный умъ и здравый разсудокъ, повела ихъ по кривому пути самолюбія, позволяя всякому созидать и утверждать собственныя свои мечтанія. Такимъ образомъ шагъ за шагомъ пошли новыя выдумки, всякій образъ мыслей [illegible] стало позволительно.—[illegible] благочестія и нравственности потеряли свою силу, и чего прежде [illegible] не терпѣли, то сдѣлалось [illegible] употребленіе и чтеніе въ [illegible] [illegible] обыкновенными [illegible] [illegible] часть". Теперь уже не одна [illegible] [illegible] литература [illegible] Шпин- [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] Шишковъ.

Для противодѣйствія всему этому, Шишковъ считаетъ надежнѣйшимъ средствомъ благоразумную цензуру и припоминаетъ свой проектъ цензуры, составленный имъ и читанный, какъ мы уже видѣли, въ государственномъ совѣтѣ за нѣсколько лѣтъ до этого. Современную цензуру онъ считалъ, съ одной стороны, слабою, потому что она пропускала вредныя сочиненія,—съ другой стороны, строгою, такъ какъ, не разумѣя силы языка, она придиралась къ поэтическому языку и искажала его. Въ самомъ дѣлѣ, наши тогдашніе поэты чуть не плакали отъ цензуры, которая почти во всякомъ поэтическомъ выраженіи подозрѣвала оскорбленіе вѣры или нравственности. Такъ, нѣкоторые цензоры не допускали употреблять въ стихахъ слова: серафимъ, ангелъ, рокъ; Шишковъ указываетъ на одного изъ нихъ, который не хотѣлъ пропустить выраженіе: нагая истина, потому что истина—женскаго рода, и ей неприлично выходить на свѣтъ нагою. „Если не позволить сего писать,—замѣчаетъ онъ,—такъ надобно всѣ книги сжечь и всякому запереть уста“. Онъ предполагалъ ввести цензуру по его плану. Его мнѣніе, какъ онъ говоритъ, было принято всѣми въ комитетѣ министровъ съ одобреніемъ; многіе даже списали его; но, прибавляетъ Шишковъ, оно, какъ и всѣ другія его мнѣнія, осталось безъ всякаго послѣдствія.

Оно осталось безъ послѣдствія, вѣроятно, потому, что въ это время въ Главномъ правленіи училищъ

Магницкій, въ яромъ стремленіи выказать, во что бы ни стало, плоды своего усердія къ церкви и царю, придумывалъ такой цензурный уставъ, который для русской литературы былъ бы равносиленъ эшафоту [1]).

Имѣя въ виду сблизиться съ Аракчеевымъ, при его содѣйствіи подкопаться подъ князя Голицына и занять мѣсто министра народнаго просвѣщенія, Магницкій хотѣлъ заручиться передъ императоромъ и сочинилъ новый планъ народнаго воспитанія. Изложивъ его въ особой запискѣ, въ ноябрѣ 1823 года, онъ секретно послалъ ее къ государю, назвавъ свой трудъ плодомъ усердія къ церкви и къ царю, въ обыкновенномъ служебномъ порядкѣ невмѣщающимся. Эта записка [2]), замѣчательная по своимъ нелѣпостямъ, можетъ служить характеристикою того времени, когда могли всплывать такіе безнравственные люди, какъ Магницкій, могли надѣяться на успѣхъ такихъ наглыхъ доносовъ, обращаясь лично къ государю. Записка излагаетъ нѣсколько тезисовъ, на которые, впрочемъ, авторъ тратитъ не много доказательствъ. Впереди всего онъ выставляетъ слѣдующую мысль: „доброе на-

[1]) Цензурный проектъ Магницкаго.—Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія.—книга Пятковскаго т. I.

[2]) Сборникъ историческихъ матеріаловъ извлеченныхъ изъ архива Перваго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи. вып. I. 18[illegible]

родное воспитаніе необходимо: что на немъ только могутъ стоять твердо установленія общественныя, ибо оно одно обезпечиваетъ благо поколѣній—настоящаго и будущихъ". И затѣмъ дерзко спрашиваетъ: „при всеобщей увѣренности въ этой непреложной истинѣ, почему досель одни люди злонамѣренные занялись составленіемъ полной системы народнаго воспитанія?" Къ нимъ онъ относитъ Талейрана, представившаго такой планъ французской директоріи, и Наполеона, „который понялъ его во всей обширности неистоваго смысла своего". Въ отвѣтъ на свой вопросъ Магницкій сочиняетъ самую безсмысленную фразу и думаетъ, что она разрѣшаетъ мудреную загадку: „Князь тьмы вѣка сего производитъ большую часть вліяній своихъ на міръ и міродержателей гражданскихъ чрезъ общее мнѣніе, которое есть какъ бы труба, коею онъ, какъ въ древности оракулы, произноситъ свои заключенія, суды и приговоры, сѣетъ лжи и клеветы, распространяетъ нелѣпыя предсказанія и нечестивыя понятія. У большей части народовъ и, въ томъ числѣ, у насъ—гулъ сей, вопреки истинѣ, почитается гласомъ Божіимъ (гласъ народа—гласъ Божій). Въ конституціяхъ, семъ неистовомъ порожденіи бунта народнаго, главнымъ ихъ основаніемъ положена свобода книгопечатанія или—что одно и то же—безпрепятственное волненіе и необузданность мнѣнія общественнаго, т. е. труба для глаголовъ князя тьмы. Какъ можно

отвергается. Такъ, напримѣръ, въ прочихъ учебныхъ мѣстахъ открыто проповѣдуется въ естественномъ правѣ, что цари царствуютъ по согласію народовъ, по договору (contrat social): въ Казани возмутительная ложь сія была отвергнута. Проповѣдуютъ въ географіи, что наука сія разсматриваетъ землю въ томъ видѣ, какъ вышла она изъ рукъ Творца: сіе богохульное отверженіе грѣхопаденія въ Казани мѣста не имѣетъ. Проповѣдуютъ въ исторіи, что міръ существуетъ нѣсколько сотъ-тысячъ лѣтъ: въ Казани слѣдуютъ хронологіи книгъ священныхъ. Въ исторіи отечественной, слѣдуя Исторіи государства Россійскаго [illegible] [illegible] [illegible] почитаются [illegible] [illegible]

[illegible] въ Казани. Ма- [illegible]

рушительныхъ философіи германской, масонства, своевѣрія и весь легіонъ духовъ нечистыхъ. И затѣмъ онъ смѣло представляетъ доносъ на ученое духовенство и духовныя училища: „Въ духовномъ воспитаніи разрушительная философія Канта, закрытая тонкостями схоластическаго богословія и угодливостію нѣкоторой особенной и произвольной духовности, удалила чистое ученіе православія изъ самаго его святилища до такой уже степени, что даже на публичныхъ экзаменахъ ни о православіи, ни о ересяхъ, его раздиравшихъ, не почитается нужнымъ и говорить. И будущіе святители православные такъ воспитываются въ присутствіи святителей настоящихъ; ибо епархіальные архіереи съ намѣреніемъ устранены отъ воспитанія духовнаго, которое ввѣрено и впредь всегда должно ввѣряться однимъ людямъ, въ кантовыхъ началахъ воспитаннымъ".

Здѣсь видимо авторъ уже подкапывается подъ князя Голицына, стоявшаго во главѣ духовной администраціи. Не довольствуясь этимъ, Магницкій прибавляетъ еще доносъ на воспитателей царевича: „большая часть лучшихъ учителей, которые могутъ быть употреблены при немъ, сами заражены опаснѣйшими началами невѣрія и идей возмутительныхъ. Нѣтъ книги, по которой можно бы было безопасно учить его исторіи всеобщей и россійской; нѣтъ курса правъ, который можно бы было преподать царевичу россійскому въ истинномъ его смыслѣ;

[illegible] обществу. [illegible]
[illegible] записку [illegible]
[illegible] Для всего этого
[illegible] которое может [illegible]

не ожидаетъ читатель. Мы скажемъ, что Магницкій своею запискою оказалъ услугу обществу и народу. Безъ нея Александръ не могъ бы такъ хорошо узнать его, какъ онъ представляется въ этой запискѣ, и, можетъ быть, Магницкій былъ бы министромъ просвѣщенія. А при своей энергической дѣятельности, онъ въ одинъ годъ погубилъ бы множество русскихъ силъ, и молодыхъ и зрѣлыхъ.

Такъ какъ записка Магницкаго написана совершенно въ духѣ извѣстнаго монаха-фанатика Фотія, то можно предполагать, что Магницкій рѣшился на такую выходку передъ государемъ подъ вліяніемъ разсказовъ Фотія объ его бесѣдѣ съ императоромъ еще въ 1822 г. (5 іюня) о дѣлахъ вѣры и отечества [1]. Императоръ отнесся благосклонно къ Фотію, хотя и неизвѣстно, такъ ли велась между ними бесѣда, какъ разсказывалъ Фотій. Но довольно было этихъ разсказовъ, чтобы безтактные люди приняли благосклонность государя за единомысліе съ Фотіемъ и рѣшились бы изъ своихъ видовъ дѣйствовать на него проповѣдью о князѣ тьмы. Ничего не стоило Магницкому отречься отъ библейскаго общества, сойтись съ Фотіемъ, выкидывать съ нимъ разныя штуки, вступить съ Аракчеевымъ въ заговоръ противъ государя и князя Голицына Аракчееву нужно было оттѣснить отъ государя, чтобы нераздѣльно пользоватьея его довѣріемъ, ничего не стоило устроить

[1]) „Русская Старина“ 1875 г., статья Карновича: Архимандритъ Фотій.

черезъ простодушнаго митрополита Серафима торжественную сцену государю, которому былъ поставленъ вопросъ: или онъ, митрополитъ, или министръ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ — князь Голицынъ, врагъ церкви и отечества. Все это—исторія извѣстная [1]), о которой мы не будемъ распространяться. Слѣдствіемъ ея было назначеніе Шишкова министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ неправославнаго исповѣданія. Оно послѣдовало 15 мая 1824 года совершенно неожиданно для Шишкова. Нельзя ни изъ чего заключить, что Шишковъ участвовалъ въ заговорѣ съ Аракчеевымъ и Фотіемъ: нельзя утверждать, что онъ былъ и въ тѣсной связи съ этимъ послѣднимъ. Правда, Фотій поспѣшилъ прислать ему поздравленіе, даже говорятъ, что повѣсилъ у себя большой портретъ Шишкова; но мы думаемъ, что Шишковъ не питалъ къ нему особеннаго расположенія и смотрѣлъ на него какъ на крайняго фанатика. Мы не можемъ объяснить, что побудило государя ввѣрить Шишкову это министерство. Правда, Александръ не могъ не считать его человѣкомъ честнымъ, безкорыстнымъ, добрымъ, глубоко-религіознымъ, искреннимъ патріотомъ, преданнымъ вѣрноподданнымъ, но въ то же время ему были извѣстны и крайнія мнѣнія Шишкова, и его безпокойный и упрямый характеръ: не разъ бывшій государственный секретарь производилъ на него непріятное впе-

[1]) „Рус. библ. Общество“ А. Н. Пыпина. „Вѣстн. Евр.“. 1868. № II.—Записки Панаева. „Вѣстникъ Евр.“. 1867. т. IV.

чатлѣніе своею настойчивостью, мнительностью, жалобами на слабость здоровья; не разъ онъ утомлялся отъ его краснорѣчиваго резонерства, такъ что не всегда охотно принималъ его и даже былъ доволенъ, когда Шишковъ письменно представлялъ ему свои мнѣнія, что избавляло императора отъ тяжелыхъ споровъ съ нимъ. А между тѣмъ званіе министра должно было часто вызывать его на личныя объясненія. Иные говорятъ, что Аракчеевъ посовѣтовалъ государю сдѣлать этотъ выборъ. Можетъ быть, царскій любимецъ съумѣлъ убѣдить его, обѣщая устранить тѣ неудобства, какія могли представляться императору; но, если Аракчееву былъ извѣстенъ характеръ Шишкова, то трудно было ручаться за него.

Нельзя не отмѣтить, что Шишковъ почти наканунѣ своего министерства, недовольный настоящимъ ходомъ дѣлъ, мечталъ о великомъ царствованіи Екатерины II-ой, объ ея прекрасной и идеальной личности, и писалъ повѣсть о ней, обрисовывая одинъ изъ эпизодовъ ея жизни—ея отношенія къ графу Дмитріеву-Мамонову. Здѣсь онъ изображаетъ ея великую душу, какъ бы оправдывая свое положеніе: „Екатерина имѣла слабости, но никто изъ смертныхъ не дерзнетъ сказать: я въ слабостяхъ моихъ умѣлъ лучше повелѣвать собою, нежели Екатерина [1])“.

Семидесятилѣтній Шишковъ былъ не совсѣмъ до-

[1]) Записки Шишкова, ч. 2: Нѣчто о россійской императрицѣ Екатеринѣ Второй.

воленъ своимъ назначеніемъ. Онъ никогда не былъ особенно честолюбивъ, а теперь уже тѣмъ болѣе. Его фантазія крайне преувеличила все положеніе тогдашнихъ дѣлъ по министерству просвѣщенія и представляла въ ложномъ и мрачномъ свѣтѣ направленіе общества. То, что нужно было, по его мнѣнію, сдѣлать новому министру просвѣщенія, казалось ему, превышало его силы. В. И. Панаевъ, тогда еще молодой писатель, которому Шишковъ хотѣлъ покровительствовать, такимъ образомъ разсказываетъ о своемъ поздравительномъ визитѣ: „новый министръ былъ одинъ въ своемъ кабинетѣ и въ морскомъ мундирѣ, котораго я никогда не видалъ на немъ въ прежнія мои посѣщенія: онъ всегда сидѣлъ въ халатѣ. Поздравленіе мое было принято весьма благосклонно, тѣмъ болѣе, что я выразилъ въ немъ надежду на будущее процвѣтаніе русской словесности, и между прочимъ, ссылаясь на текстъ указа, сказалъ, что если управленіе иностранными исповѣданіями повелѣно привести въ предѣлы, въ которыхъ находилось оно до 1810 г. (до кн. Голицына), то еще кажется нужнѣе поставить въ эти предѣлы министерство народнаго просвѣщенія, искаженное вліяніемъ фанатиковъ. Шишковъ жаловался на свою старость, на то, что государь, не спросясь его согласія, сдѣлалъ его министромъ, говорилъ, что намѣренъ писать ему объ этомъ... „Вотъ не далѣе какъ въ понедѣльникъ встрѣтился я съ государемъ во дворцѣ, проходя въ совѣтъ; онъ остановился, очень бла-

госклонно спросилъ меня о здоровьѣ. Почему бы тутъ же не сказать мнѣ о своемъ намѣреніи. Я бы отказался [1])“....

Но, не смотря на то, что Шишковъ не считался другомъ молодого поколѣнія, которое въ свою очередь не слишкомъ сочувственно къ нему относилось, при назначеніи его министромъ просвѣщенія, у всѣхъ почти писателей, даже у бывшихъ арзамасцевъ, явилась надежда на лучшія времена для литературы; такъ всѣмъ была тяжела голицынская цензура. Всѣ полагали, что Шишковъ, самъ какъ писатель, какихъ бы ни былъ убѣжденій, и президентъ россійской академіи, пойметъ необходимость дать нѣкоторый просторъ русской мысли. Поэты, дѣйствительно, тотчасъ же почувствовали облегченіе. По этому случаю Пушкинъ писалъ къ князю Вяземскому: „хотѣлось мнѣ съ тобою поговорить о перемѣнѣ министерства. Что ты объ этомъ думаешь? Я и радъ и нѣтъ. Давно девизъ всякаго русскаго есть: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Оппозиція русская, составившаяся, благодаря русскаго Бога, изъ нашихъ писателей, какихъ-бы то ни было, приходила уже въ какое-то нетерпѣніе, которое я исподтишка поддразнивалъ, ожидая чего-нибудь. А теперь, какъ позволяютъ NN говорить своей любовницѣ, что она божественна, что у ней очи небесныя, и что любовь есть священное чувство, вся эта сволочь опять угомонится, журналы пойдутъ врать своимъ чередомъ,

[1]) Воспоминан. Панаева „Вѣстн. Евр.“ 1867, т. IV.

чины своимъ чередомъ, Русь своимъ чередомъ... Знаешь ли ты мое второе посланіе цензору? тамъ между прочимъ:

Обдумавъ, наконецъ, намѣренья благія,
Министра честнаго нашъ добрый царь избралъ:
Шишковъ уже наукъ правленье воспріялъ.
Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года.
Одинъ въ толпѣ вельможъ онъ русскихъ музъ любилъ,
Ихъ незамѣченныхъ созвалъ, соединилъ [1]),
Отъ хлада нашихъ дней спасалъ онъ лавръ единый
Осиротѣвшаго вѣнца Екатерины...

„Такъ арзамасецъ говоритъ нынѣ о дядѣ Шишковѣ, tempora altri [2]) (Одесса, іюнь 1824 г.).

13 іюня 1824 г. въ письмѣ къ брату Пушкинъ писалъ: на какомъ основаніи началъ свои дѣйствія дѣдушка Шишковъ. Не запретилъ ли онъ Бахчисарайскій фонтанъ изъ уваженія къ святынѣ Академическаго словаря и не блазно составленному слову водометъ. Шутки въ сторону, я ожидаю добра для литературы вообще и посылаю ему лобзаніе не яко Іуда-арзамасецъ, но яко разбойникъ-романтикъ.

---

[1]) Намекъ на „Русскую Бесѣду", въ которой читались произведенія прежнихъ русскихъ писателей въ присутствіи всего высшаго общества.

[2]) „Рус. Арх.", 1874 г., письма Пушкина къ князю Вяземскому.

XIV.

Отношеніе къ государю. — Борьба съ мистиками и съ библейскимъ обществомъ. — Синодъ и митрополитъ московскій Филаретъ.—Отношеніе къ наукѣ и народному просвѣщенію.

Шишковъ, дѣйствительно, написалъ письмо къ императору. Въ немъ онъ изображаетъ свое затруднительное положеніе: съ одной стороны, старость, болѣзни, слабость силъ, съ другой — множество враговъ, цѣлое испорченное поколѣніе, въ которомъ долго росъ и усиливался нравственный развратъ подъ названіемъ духа времени; ослѣпленіе, при покровительствѣ прежняго министерства просвѣщенія, подъ священными именами благочестія и человѣколюбія, уже заразило ядомъ невинныя сердца юношей. Необходимо противопоставить преграду этой широко разлившейся и быстрой рѣкѣ. Но онъ не чувствуетъ въ себѣ силы стать этой преградой. Однако долгъ его повиноваться безпрекословно царской волѣ, и онъ не рѣшается отказываться. Собственно для него нуженъ только одинъ Богъ; но чтобы подавить дерзость противной стороны, ему нужна и въ государѣ опора, могущество его руки. Онъ можетъ согласиться принять министерство съ тѣмъ условіемъ, чтобы имѣть постоянный доступъ къ государю. „Не отнимай у меня смѣлости обна-

жать предъ тобою всю глубину души моей, всѣ мои помышленія и слышать изъ устъ твоихъ изреченный на нихъ судъ твой и волю; злочестіе и дерзость да увидятъ во мнѣ подъятое на нихъ орудіе твое и усмирятся". Въ заключеніе Шишковъ прибавляетъ, что не найдя въ государѣ той опоры, которой онъ ожидаетъ, онъ будетъ просить снять съ него наложенное бремя.

Въ первое же свиданіе съ государемъ, 25-го мая, Шишковъ передалъ ему это письмо, и просилъ позволенія составить планъ, „какіе употребить способы къ тихому и скромному потушенію зла, которое хотя и не носитъ у насъ имени карбонарства, но есть точно оное"; этотъ планъ онъ намѣренъ былъ составлять „медленно, осмотрительно, съ ясными на каждую статью доказательствами, сносясь и совѣтуясь тихо и подъ рукою съ благоразумными и благомыслящими людьми, по духовнымъ частямъ — съ духовными, по гражданскимъ — съ гражданскими особами, преданными государю и отечеству". Независимо отъ этого общаго плана, онъ обѣщалъ въ самомъ скоромъ времени представить государю планъ цензуры. На все это императоръ согласился. Черезъ пять дней министръ уже читалъ ему свои соображенія объ устройствѣ цензуры, которыя, впрочемъ, были повтореніемъ читаннаго имъ за восемь лѣтъ въ государственномъ совѣтѣ. Онъ обѣщалъ новымъ цензурнымъ уставомъ дать свободу писателямъ, не связывая ихъ ума и дарованій, и

при этомъ обуздывать своевольныя и неосновательныя мысли, чтобы издаваемыя сочиненія были въ правилахъ нравственности, истиннаго просвѣщенія, никому не обидны, всякому для чтенія или полезны или, по крайней мѣрѣ, забавны, но безъ всякаго вреда нравамъ, наукамъ и языку. Шести или восьми человѣкамъ, искуснымъ въ словесности, съ хорошимъ содержаніемъ, предназначалось опредѣлять истинное просвѣщеніе, неосновательныя мысли, степень нравственности, вредъ наукамъ. Они должны были считаться непогрѣшимыми въ своихъ оффиціальныхъ сужденіяхъ; все же, что оказывалось бы несогласнымъ съ ихъ взглядами, должно было считаться неистиннымъ, безнравственнымъ, вреднымъ, преступнымъ. Предполагалось разсмотрѣть и прежде изданныя книги и истребить тѣ, которыя бы оказались вредными; но все это дѣлать безъ большой огласки. Въ это же время Шишковъ былъ занятъ книгою пастора Госнера: Толкованіе евангелія отъ Матѳея. Госнеръ, ученый теологъ, съ мистическимъ направленіемъ, увлекался мыслію сблизить всѣ христіанскія исповѣданія безъ различія церквей, и писалъ въ такомъ духѣ. За годъ до этого онъ прибылъ въ Петербургъ и своимъ блестящимъ краснорѣчіемъ обратилъ на себя общее вниманіе: онъ проповѣдывалъ въ католической церкви, куда стекались люди всѣхъ вѣроисповѣданій, кто только могъ понимать его. Нѣкоторые изъ наиболѣе увлеченныхъ задумали перевести сказанную его книгу. Зная, что

князь Голицынъ покровительствуетъ Госнеру, цензоръ пропустилъ переводъ. Онъ-то и послужилъ врагамъ Голицына. Книга была тотчасъ же представлена государю, а затѣмъ устроена та сцена митрополита Серафима съ государемъ, о которой мы говорили. Императоръ черезъ комитетъ министровъ приказалъ министру внутреннихъ дѣлъ Ланскому вмѣстѣ съ Шишковымъ разсмотрѣть переводъ Госнеровой книги. Работой занялся Шишковъ, и 3 іюня уже читалъ строгій разборъ ея въ комитетѣ министровъ. Человѣкъ безпристрастный, знакомый съ мистическими взглядами и выраженіями, могъ бы сказать объ этой книгѣ, что она написана не въ духѣ православія, не согласно съ его ученіемъ, и не слѣдовало бы переводить ее. Но Шишковъ, настроенный видѣть повсюду злые умыслы, подкопы подъ христіанство, заговоры противъ царей, сталъ толковать каждое выраженіе по своему, и сдѣлалъ такое заключеніе: „невозможно не признать цѣли ея, явно и очевидно состоящей въ томъ, чтобы подъ видомъ толкованія евангельскихъ текстовъ, проповѣдывать низверженіе всякой христіанской вѣры, отвращеніе отъ священныхъ писаній и позывъ на возстаніе противу всѣхъ первосвященниковъ, всѣхъ вельможъ и царей“. При такомъ взглядѣ и самая попытка перевода подобной книги должна была казаться государственнымъ преступленіемъ. Въ дѣло замѣшивались не только авторъ, но и переводчики, а съ ними и директоръ департамента министерства

просвѣщенія Поповъ, ярый мистикъ, который, оказывалось, исправляхъ многія мѣста перевода. Было назначено полицейское слѣдствіе, при которомъ Поповъ объявилъ, что всегда считалъ Госнера благочестивымъ человѣкомъ, и потому книгу его не могъ считать вредною. Такое признаніе совершенно раздражило Шишкова. Послѣдовало распоряженіе: книгу сжечь, Госнера выслать изъ Россіи, Попова отдать подъ судъ. Поповъ, впрочемъ, уже былъ не въ вѣдомствѣ Шишкова. Князь Голицынъ, по волѣ государя удержавшій за собою почтовое управленіе, тотчасъ же перевелъ на службу въ это вѣдомство и своего любимца.

Шишковъ ограничился небольшимъ измѣненіемъ личнаго состава своего министерства; но не обнаружилъ энергической дѣятельности, какой можно было ожидать, судя по его горячимъ нападкамъ на дѣятельность бывшаго министерства. До сихъ поръ онъ постоянно дѣйствовалъ только перомъ, писалъ разсужденія, высказывалъ свои чувства, осуждалъ разныя явленія общественной жизни и горячо отстаивалъ свои мысли—это была его сфера, въ которой онъ вполнѣ и обнаружилъ всѣ свои качества. Настоящая государственная дѣятельность съ обширною властью министра пришла къ нему, уже семидесятилѣтнему старику, и онъ не зналъ, какъ войти въ нее, какъ употребить свою власть, и незамѣтно для себя остается въ той же литературной сферѣ. Онъ чувствуетъ какой-то страхъ взять на свою отвѣт-

ственность распоряженія, которыя прямо относятся къ власти министра. Ему хочется прикрываться властью государя, и онъ продолжаетъ писать разныя многорѣчивыя донесенія и объясненія, наполняя ихъ одними и тѣми же нападками на прежнее министерство, жалобами на разливающееся зло разврата по всему государству, опасеніями за ближайшія гибельныя отъ того послѣдствія. Онъ добивался, чтобы государь осудилъ особымъ рескриптомъ бывшее министерство просвѣщенія и самъ даже составилъ проектъ подобнаго рескрипта. Безтактнѣе такого поступка ничего не могло быть. Всѣмъ было извѣстно, что государь покровительствовалъ Голицыну, награждалъ многихъ лицъ за ихъ полезную дѣятельность, даже профессоровъ, писателей и переводчиковъ, и вдругъ теперь долженъ былъ признаться, что всѣ эти лица сѣяли сѣмена разврата, возбуждали „страсти буйныхъ умствованій, вовлекающихъ въ неистовыя и строптивыя заблужденія“. Подписавъ такую бумагу для обнародованія, государь долженъ бы былъ удалить съ поля государственной дѣятельности тѣхъ лицъ, которыя обманули его довѣріе, если уже выгородить себя самого изъ этой вины; между тѣмъ какъ онъ продолжалъ питать все то же дружеское расположеніе къ князю Голицыну, хотя и уступилъ сильному напору враждебной ему партіи, даже хвалилъ и сожалѣлъ Попова, котораго правительственныя власти отдали подъ судъ. Шишковъ воображалъ, что государь, передавъ въ его ру-

ки министерство просвѣщенія, этимъ самымъ отрекся отъ всѣхъ своихъ прежнихъ взглядовъ и симпатій и въ состояніи на все смотрѣть глазами своего новаго министра. Въ этомъ была ошибка Шишкова, которая и наталкивала его на составленіе разныхъ безтактныхъ бумагъ. Ими онъ ставилъ государя въ непріятное положеніе. Онъ по опыту зналъ безполезность доказывать Шишкову, что ему все представляется въ преувеличенномъ видѣ. Въ этомъ случаѣ самолюбивый старецъ обыкновенно забрасывалъ горячими словами, на которыя его противникъ не всегда могъ находить что отвѣчать. Притомъ же онъ всегда увѣрялъ государя, что только одна неизмѣнная горячая любовь и вѣчная преданность къ нему заставляютъ его говорить непріятную правду, что онъ, министръ его, не можетъ отказаться отъ нея, не отвѣтивъ за это передъ Богомъ. Во всемъ этомъ Шишковъ нисколько не лицемѣрилъ и не обманывалъ государя, который, съ своей стороны, вполнѣ вѣрилъ въ его честность. Тѣмъ труднѣе ему было имѣть сношенія съ своимъ министромъ. Обыкновенно онъ удерживалъ у себя такія бумаги, обѣщаясь прочесть еще разъ на свободѣ, и затѣмъ старался не заговаривать о нихъ. Онъ часто не принималъ Шишкова съ докладами и, наконецъ, поручилъ Аракчееву сноситься съ нимъ. По этому поводу Шишковъ въ началѣ іюля ѣздилъ къ Аракчееву въ Грузино, переговорилъ съ нимъ о всѣхъ дѣлахъ и любовался, какъ онъ говоритъ, чудесными красотами

поселенія (военнаго), которому, кажется, не совсѣмъ сочувствовалъ. Съ этого времени стали составляться письма къ Аракчееву въ томъ же духѣ, въ какомъ писались къ императору, съ жалобами, что его бумаги не утверждаются императоромъ, безъ чего онъ чувствуетъ себя связаннымъ, безсильнымъ воспротивиться злу. Онъ хорошо зналъ, что его письма Аракчеевъ будетъ читать императору.

Мы не знаемъ, Аракчеевъ ли внушилъ ему мысль писать обвинительныя бумаги противъ библейскаго общества, а съ тѣмъ вмѣстѣ и противъ бывшаго его предсѣдателя и основателя, князя Голицына, или самому ему пришла эта мысль, но съ этого же времени начинаются его филиппики противъ дѣятельности общества, несмотря на то, что предсѣдателемъ его, вмѣсто Голицына, былъ уже митрополитъ Серафимъ. „Хотя это,—говоритъ онъ,—не прямо относится къ моему званію, но имѣетъ тѣсную съ нимъ связь, ибо гдѣ сѣется развратъ, тамъ никакія сѣмена просвѣщенія не прозябнутъ... Мнѣ поручено министерство просвѣщенія, но какое просвѣщеніе можетъ быть тамъ, гдѣ колеблется вѣра? Если библейскія общества будутъ по прежнему существовать... то я министромъ просвѣщенія быть не гожусь... не сдѣлавъ ничего полезнаго, лишусь я и того добраго имени, которое долговременностію моей жизни и службы пріобрѣсть могъ“.

Злоба на библейское общество у Шишкова вытекала изъ многихъ причинѣ. Во-первыхъ, его возму-

щало сношеніе русскаго библейскаго общества съ великобританскимъ, которое онъ подозрѣвалъ въ стремленіи „къ ниспроверженію всѣхъ христіанскихъ религій и къ установленію на развалинахъ ихъ какой-то неизвѣстной всеобщей религіи подъ приманчивымъ названіемъ внутренняго христіанства“.

Ложный взглядъ британскаго общества на греческую церковь, по увѣренію Шишкова, переходилъ и въ русское общество, которое явилось будто бы орудіемъ козней иноземцевъ, посягающихъ на святость православія и на спокойствіе Россіи. Онъ видитъ злостное направленіе даже въ этихъ словахъ, напечатанныхъ въ отчетѣ русскаго библейскаго общества: „Небесный союзъ вѣры и любви, учрежденный посредствомъ библейскихъ обществъ въ великомъ христіанскомъ семействѣ, открываетъ великую зарю брачнаго дня христіанъ и въ то тремя, когда будетъ единъ пастырь и едино стадо, то-есть когда будетъ одна божественная христіанская религія во всѣхъ различно-образованныхъ христіанскихъ исповѣданіяхъ, которыя въ началѣ различествовали между собою въ нестроеніи, но нынѣ въ семъ духѣ и могутъ и будутъ оставаться при своихъ различіяхъ“. Ересь видитъ Шишковъ въ этихъ словахъ, недоумѣвая, какимъ образомъ греко-россійская церковь съ лютеранскою могутъ оставаться единымъ стадомъ и подъ единымъ пастыремъ. Въ существованіи библейскихъ обществъ онъ видитъ

благовидный предлогъ къ тайнымъ сношеніямъ ихъ корреспондентовъ о мѣрахъ исполненія общаго плана, т е. разрушенія христіанскихъ исповѣданій.

Поддался Шишковъ и взгляду изувѣра-Фотія, „будто неприлично русскимъ архіереямъ, въ противность апостольскимъ постановленіямъ, быть вмѣстѣ въ одномъ обществѣ съ католиками и лютеранами и со всѣми иновѣрцами: имъ человѣкъ во фракѣ проповѣдуетъ слово Божіе—Божіе по его названію, но въ самомъ дѣлѣ не такое“. Неприлично ему казалось и то, что священныя книги раздаются не руками церкви, а какимъ-то отдѣльнымъ обществомъ. Но особенно приводилъ въ ужасъ Шишкова переводъ священныхъ книгъ на русскій языкъ. Въ этомъ онъ видитъ вѣрное средство поколебать самую вѣру, и по обыкновенію увлекается самыми нелогическими доводами, называя русскій языкъ только простымъ нарѣчіемъ, а церковно-славянскій возвышеннымъ нарѣчіемъ того же самаго языка. Отсюда по реторическимъ правиламъ онъ считаетъ русскій языкъ не соотвѣтственнымъ важности священнаго писанія. „Если языкъ домашняго воспитанія въ законѣ Божіемъ,—писалъ онъ,—будетъ различенъ съ языкомъ служенія въ церкви, то изъ сего непремѣнно долженствуютъ произойти соблазны и расколы, произойти единственно отъ раздѣленія сихъ языковъ... Переводы священнаго писанія съ высокаго языка, называемаго славянскимъ, на простой въ общежитіи употребляемый

языкъ, называемый русскимъ, подъ предлогомъ лучшаго разумѣнія церковныхъ книгъ придуманы для уменьшенія ихъ важности и поколебанія вѣры... Мнѣніе сіе, возникшее отъ незнанія силы языка и недостатка здраваго разсудка, заразившее не только нынѣшнихъ свѣтскихъ писателей, но даже и самое духовенство, простерлось до такой степени, что въ отчетахъ библейскихъ обществъ сіе искаженіе священныхъ писаній называютъ переводомъ на природный русскій языкъ, словно какъ будто тотъ былъ для насъ чужой. Отселѣ презрѣніе къ кореннымъ самымъ знаменательнѣйшимъ словамъ; отселѣ несвойственность многихъ выраженій, отселѣ неразуміе сильнаго краткаго слога и введеніе на мѣсто онаго почерпнутой изъ чужихъ языковъ безтолковицы. Для чего дѣлать сію перемѣну? какая въ томъ надобность? Если скажемъ, что многія слова вышли изъ употребленія, и никто ихъ не понимаетъ, то это неправда; они употребляются въ священныхъ писаніяхъ, въ церковной службѣ, во всѣхъ высокихъ свѣтскихъ твореніяхъ, въ лѣтописяхъ и законахъ. Не знать ихъ есть утверждать отпаденіе свое отъ вѣры, отъ языка и отъ наукъ; есть признавать, что мы ни молитвъ не читаемъ, ни въ церковь не ходимъ, и, словомъ, ничего кромѣ простыхъ другъ съ другомъ разговоровъ не знаемъ. Подобная мысль поведетъ насъ къ заключеніямъ, что и всю церковную службу должно переложить на просто-

народный языкъ; ибо когда я дома стану читать переиначенное евангеліе, то изъ того непремѣнно уже послѣдуетъ, что я читаемаго въ церкви евангелія или не буду разумѣть, или, слыша въ немъ иной языкъ и складъ, не буду имѣть должнаго къ нему уваженія. Можно ли о такомъ преступномъ намѣреніи, чтобъ языкъ воспитанія отдѣлить отъ языка церкви, подумать безъ ужаса“.

Нѣкоторыя заключенія Шишкова приводятъ въ недоумѣніе, изъ какихъ посылокъ они могли вытекать у него. Изъ того, что русскій человѣкъ имѣетъ возможность хорошо познакомиться съ содержаніемъ евангелія на своемъ языкѣ, онъ выводитъ, что это же самое евангеліе онъ перестанетъ понимать въ церкви или не будетъ уважать его, какъ будто уваженіе вызывается не святостью содержанія, а языкомъ. Онъ увлекается даже до забвенія, что и на славянскомъ языкѣ библія есть переводъ: „какъ дерзнуть,—восклицаетъ онъ,—на перемѣну словъ, почитаемыхъ изшедшими изъ устъ Божіихъ“. Онъ не хочетъ вѣрить, что простой русскій человѣкъ не все можетъ понимать на церковно-славянскомъ языкѣ и въ опровержение этого сравниваетъ выраженія самыя близкія—церковно-славянскія и русскія, или, съ намѣреніемъ унизить русскую рѣчь, переводитъ церковно-славянскія выраженія неподходящими по силѣ и тону русскими: какъ, напр.: дуракъ говоритъ: нѣтъ Бога (рече безумецъ въ сердцѣ своемъ). Такимъ образомъ

Шишковъ остался вѣренъ своимъ взглядамъ, которыхъ держался двадцать лѣтъ. И теперь всѣ несогласные съ его мнѣніемъ объ единствѣ церковнаго и русскаго языка являлись людьми злостными, врагами вѣры и отечества. Это уже была его манія. Такими мыслями наполнялъ онъ свои письма къ Аракчееву и къ самому императору, пользуясь каждымъ случаемъ. А этихъ случаевъ было много: объявленія о собраніи библейскаго общества, или о продажѣ священныхъ книгъ, имъ изданныхъ, или выходъ новой книжки Извѣстій о библейскихъ обществахъ, періодическаго ежемѣсячнаго изданія общества. Наконецъ, вмѣстѣ съ Аракчеевымъ, онъ приступилъ къ предсѣдателю библейскаго общества, митрополиту Серафиму, и принудилъ его прекратить изданія общества и не выпускать болѣе русскихъ переводовъ священнаго писанія. Въ своей бесѣдѣ съ митрополитомъ Шишковъ, между прочимъ, высказалъ такую мысль: „съ перемѣною министерства всѣ благомыслящіе люди ожидали и перемѣны направленія умовъ отъ прежней худой въ хорошую сторону, но когда черезъ полъ-года или болѣе увидятъ тожъ самое, что было доселѣ, то какое изъ того родится одобреніе и торжество для тѣхъ, которые всѣми силами и хитростями стараются не дать сдѣлаться сему перелому“. Здѣсь какъ нельзя лучше высказывается самый наивный администраторъ: онъ полагалъ, что достаточно только перемѣнить мини-

стерство, и направленіе умовъ само собою измѣнится. Но къ удивленію, оно не измѣнялось, и литераторствующій министръ ищетъ причины не въ своей нераспорядительности, не въ своемъ неумѣньи взяться за дѣло, а въ постороннихъ обстоятельствахъ. Вмѣстѣ съ Серафимомъ министръ просвѣщенія сдѣлалъ государю представленіе о необходимости немедленно закрыть библейское общество со всѣми его отдѣленіями. Но государь не былъ убѣжденъ крайними доводами двухъ старцевъ, ослѣпленныхъ страхомъ, и не рѣшался исполнить ихъ просьбу. При докладѣ Шишкова онъ возразилъ, что правительству надлежитъ быть тверду въ своихъ постановленіяхъ и не показывать слабости постоянною ихъ перемѣною. Этихъ словъ было достаточно, чтобы вызвать стараго литератора-министра на новое длинное литературное разсужденіе. Въ немъ онъ доказывалъ, что истинная слава царей, путь къ пріобрѣтенію народной любви состоитъ въ томъ, чтобъ не стоятѣ на неправости дѣла, а отмѣнять его, какъ скоро она будетъ замѣчена, несмотря на прежнее свое рѣшеніе: царь—человѣкъ, можетъ быть обманутъ и самъ обмануться. Затѣмъ доказывается неправость дѣла въ библейскомъ обществѣ, которое „своими пагубными заразами можетъ быть страшнѣе всякихъ непріятельскихъ нашествій". „Если нужно,—наставляетъ онъ,—закрытію ихъ придать нѣкоторую благовидность, не обнаруживая открывшейся зло-

намѣренной цѣли ихъ, то можно сдѣлать сіе разными образами: напримѣръ, предоставить синоду донесть о ненадобности болѣе оныхъ или и безъ сего донесенія дать указъ, что какъ уже напечатано достаточное количество библій, то, почитая дальнѣйшее попеченіе о томъ болѣе ненужнымъ, всѣ библейскія общества закрыть и всѣ въ оныхъ дѣла препроводить для храненія въ святѣйшій синодъ, которому впредь по мѣрѣ надобности издавать библіи на прежнемъ основаніи, какое было до введенія библейскихъ обществъ Такимъ или подобнымъ образомъ можно прекратить оныя и отнять у иностранцевъ надежду возобладать надъ нами не силою оружія, чего они не могутъ, но лукавствами и хитростію, когда посѣютъ между нами секты и раздоры“.

Въ заключеніе авторъ взываетъ къ государю слѣдующимъ образомъ: „Ты одинъ можешь укротить сей духъ буйства, порывающійся изъ чужихъ земель вторгнуться въ Россію, никогда о немъ не знавшую. Покажи себя защитникомъ православной вѣры своей и покровителемъ другихъ христіанскихъ вѣръ, не попуская раздѣляться имъ на секты и ереси. Будь прямо русскій царь, надѣющійся на своихъ вѣрноподданныхъ. Возвысь дворянъ, ограду твоего престола; будь отецъ народу, но не давай возмущать его преждевременными внушеніями о вольности, увлекающими его въ своевольство. Да посѣется между сими двумя состояніями тишина и миръ, а не вражда и злоба.

Тогда ты одинъ посреди своего народа будешь сильнѣе всѣхъ царей. Одно слово твое, одинъ взоръ разсѣетъ въ царствѣ твоемъ всѣхъ вольнодумцевъ, учениковъ чужихъ земель. Они почувствуютъ заблужденіе свое и обратятся на правый путь. Престолъ твой оградится вѣрнѣйшими тебѣ сердцами и чужеземныя козни не посмѣютъ и приближаться къ предѣламъ твоего царства. Ты защитилъ народъ свой отъ вооружившейся на него Европы — ты спасешь отъ сильнѣйшаго врага, адскаго духа, устремляющагося искоренить въ немъ вѣру и всѣ добродѣтели. Твой народъ возлюбитъ тебя, чуждыя страны прославятъ, потомство будетъ тебѣ благодарно и Богъ, по долговременной жизни, приметъ тебя въ свои объятія. Государь! всякій, кто скажетъ тебѣ несходное съ симъ, скажетъ ложь, не преданъ тебѣ, не любитъ тебя".

Не писалъ Шишковъ съ такимъ жаромъ и въ годъ дѣйствительнаго бѣдствія русскаго народа, когда Москва была занята непріятелемъ, въ годъ сильнаго возбужденія его чувства и фантазіи. Изъ этого можно заключить, въ какомъ настроеніи былъ онъ въ это время. Но затѣмъ является вопросъ: о чемъ же собственно хлопоталъ онъ? Съ помощью Аракчеева и митрополита Серафима ему удалось парализовать дѣйствія библейскаго общества: оно хотя и не было закрыто оффиціально, но продолжало существовать только по имени; книги, по его мнѣнію, вредныя могли быть, по его же распоряженію, за-

держиваемы цензурою; дворянство пользовалось всѣми своими правами и нисколько не было унижено, чтобы молить объ его возвышеніи. Кажется, мы не ошибемся, если скажемъ, что ему хотѣлось своимъ краснорѣчіемъ подѣйствовать на личныя убѣжденія государя, который самъ былъ склоненъ къ мистицизму и приближалъ къ себѣ людей, принадлежащихъ противной сторонѣ. Шишкову казалось, что эти люди имѣютъ на него вліяніе, отчего и всѣ его представленія государю остаются безъ послѣдствій. Назначенный въ министры для дѣйствія, а не для разсужденій, онъ требуетъ, чтобы самъ государь однимъ взглядомъ разсѣялъ всѣхъ вольнодумцевъ; пусть они почувствуютъ свое заблужденіе и обратятся на правый путь, а себѣ онъ оставлялъ трудъ направлять государя. Поставивъ себя въ ложное отношеніе къ государю, къ обществу и къ дѣлу, онъ явился несостоятельнымъ администраторомъ. Убѣжденія его и на этотъ разъ не подѣйствовали на государя: онъ не рѣшался произнести своего слова противъ библейскаго общества и оттолкнуть отъ себя людей, которыхъ считалъ преданными себѣ.

Задавшись задачей искоренить или подавить ненавистный ему духъ времени, Шишковъ не ограничивался предѣлами своего вѣдомства, а хотѣлъ направлять и всѣ другія. Вооружившись противъ библейскаго общества, онъ сталъ вторгаться и въ самый синодъ и вмѣшиваться въ его опредѣленія. „Синодъ,—доносилъ онъ государю,—нынѣ состоитъ по

большей части изъ лицъ, долго участвовавшихъ въ прежнемъ духѣ и направленіи; какъ по сему участвованію, такъ и по связямъ, ими сдѣланнымъ, могутъ они быть не совсѣмъ чужды пристрастія:.. Многія обстоятельства открываютъ, какимъ образомъ духовныя особы по примѣченной въ нихъ податливости къ нововводимому образу мыслей выбирались для заступленія важнѣйшихъ мѣстъ и въ члены синода, дабы съ свѣтскими членами библейскихъ обществъ составить одинъ духъ и тѣло". Поэтому онъ совѣтовалъ нѣкоторыхъ смѣнить другими.

Такимъ образомъ Шишковъ, такъ-сказать, вторгался въ вѣдомство, на которомъ должна лежать вся забота о дѣлахъ вѣры. Этимъ вторженіемъ онъ опять, по крайней своей ревности, впадалъ въ обыкновенную безтактность и ставилъ въ неловкое положеніе и членовъ синода, и государя, и себя. Прежде всего онъ воспользовался запрещенною за шесть лѣтъ книгою Станевича: „Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души", написанною противъ мистическаго журнала Лабзина „Сіонскій Вѣстникъ". Для подробностей мы воспользуемся воспоминаніемъ Сушкова, который приводитъ разсказъ московскаго митрополита Филарета, бывшаго тогда архимандритамъ и ректорамъ петербургской духовной академіи и переводчика нѣкоторыхъ частей библіи. „Въ этой книгѣ заключалось много выраженій слишкомъ оскорбительныхъ для предержащей власти и вообще для духа правленія того времени. Иннокентій (архимандритъ)

былъ цензоромъ этой книги и лежалъ больной, а потому не обратилъ должнаго вниманія на тетради, которыя посылалъ ему постепенно Станевичъ. На мою бѣду я посѣтилъ его во время болѣзни, когда рукопись лежала у него на столѣ... Я взглянулъ на заглавіе и оставилъ ее безъ вниманія, не ожидая въ ней найти ничего особенно замѣчательнаго; черезъ нѣсколько дней она явилась въ свѣтъ и произвела много шума. Въ тотъ самый день, когда я получилъ ее отъ автора, князь Голицынъ потребовалъ меня къ себѣ и съ негодованіемъ показалъ мнѣ экземпляръ, весь исчерченный замѣтками... „Знаете ли вы эту книгу?—спросилъ князь:—она исполнена непріязненныхъ мнѣній, и я хочу доложить о ней государю. Какъ могъ Иннокентій пропустить ее?“ Я старался извинить моего товарища передъ княземъ его нездоровьемъ и просилъ удержаться отъ доклада государю для того, чтобы дать мнѣ время просмотрѣть ее и исправить погрѣшности, перепечатавъ листы. Дѣйствительно, я самъ изумился тому, что нашелъ въ этой книгѣ и поспѣшилъ съ нею къ Иннокентію. Онъ отвѣчалъ мнѣ коротко, что готовъ претерпѣть за правду всякое гоненіе; я пошелъ къ митрополиту (Михаилу) просить его, чтобы онъ помогъ какъ нибудь этому дѣлу... Митрополитъ осуждалъ почти каждое слово. Я сказалъ ему: оставимъ то что безтолково, исправимъ только то, что можетъ принести намъ вредъ [1]“...

[1]) Записки Сушкова о московскомъ митрополитѣ.

Проходило время за пересмотромъ и исправленіемъ книги, а между тѣмъ князь Голицынъ доложилъ о ней государю, и она была запрещена. Она-то и попала въ руки министра Шишкова. Замѣтивъ, что въ ней опровергаются ложныя понятія, разсѣянныя во многихъ сочиненіяхъ, и защищается православная церковь, Шишковъ тотчасъ воспалился фантазіей и вообразилъ, что потому-то именно она и запрещена, чтобы не мѣшать распространяться злостнымъ идеямъ въ духѣ времени, и не хотѣлъ обратить вниманія на оскорбительныя для правительства выраженія, на что указываетъ Филаретъ. Онъ, конечно, даже одобрялъ такія выраженія, судя по тѣмъ бумагамъ, какія онъ предлагалъ государю для подписи въ осужденіе прежняго министерства. Не наведя, хотя бы изъ осторожности справки о причинѣ запрещенія книги, онъ тотчасъ же, снесся съ митрополитомъ Серафимомъ, котораго, какъ видно совершенно успѣлъ подчинить своему вліянію. Книга была оправдана съ религіозно-православной точки зрѣнія, и вотъ министръ, не мѣшкая, подноситъ государю для подписи проектъ рескрипта. Государь, конечно, могъ забыть подробности содержанія запрещенной книги. Въ рескриптѣ осуждалось это запрещеніе какъ несправедливое, съ обвиненіемъ цензуры гражданской и синодской, и поручалось министру просвѣщенія слѣдить, чтобы „въ издаваемыхъ впредь сочиненіяхъ и переводахъ, особливо же въ преподаваніи по училищамъ наукъ, ничего колеблющаго вѣру и благочестіе не укрывалось“, и

истреблять разсѣянныя въ книгахъ и иначе внушаемыя лжеученія. Смягчивъ сказанныя обвиненіи, императоръ, наконецъ, подписалъ рескриптъ 17 ноября 1824 г. Шишковъ достигъ своей цѣли: однимъ и тѣмъ же рескриптомъ осуждено дѣйствіе прежняго министерства, отчасти задѣтъ синодъ, приказано усилить цензурный надзоръ за всѣми книгамн и наконецъ позволено вновь напечатать запрещенную книгу, въ которой много оскорбительныхъ выраженій для духа правленія того времени, какъ выразился митрополитъ Филаретъ. Шишковъ былъ доволенъ, но не догадывался, какъ такими рескриптами можно колебать вѣру въ правительство. Онъ былъ увѣренъ, что колеблютъ ее другіе; онъ же хочетъ поддержать ее строгими цензурными постановленіями.

Опираясь на данный ему рескриптъ, Шишковъ еще смѣлѣе напалъ на синодъ, разрѣшившій московскому Филарету напечатать сочиненные имъ катихизисы краткій и пространный. Написать ихъ поручилъ Филарету синодъ по предложеніы Серафима. По мѣрѣ того какъ подвигалась работа, Филаретъ читалъ ее Серафиму и исправлялъ согласно съ его указаніемъ. Затѣмъ уже совсѣмъ готовый трудъ внесенъ въ синодъ, который, вполнѣ его одобривъ, испросилъ у государя повелѣніе напечатать его. Съ согласія же синода всѣ тексты въ немъ были напечатаны въ русскомъ переводѣ, но церковными буквами. Филаретъ въ награду получилъ орденъ св.

Александра Невскаго при рескриптѣ (2 іюня 1823 г.), въ которомъ между прочимъ сказано: „за назидательные труды въ поученіе паствѣ и начертаніе по духу православной восточной церкви и въ разумѣ евангельской истины катихизиса, одобреннаго святѣйшимъ синодомъ". Въ 1824 году нужно было сдѣлать второе изданіе катихизиса, причемъ синодъ вновь пересмотрѣлъ его и одобрилъ [1]). Только одинъ Шишковъ увидѣлъ злостную цѣль въ томъ, что тексты допущены въ русскомъ переводѣ и славянскими или церковными буквами. По его понятіямъ это могло принести „крайній вредъ благочестію, нравамъ, и, слѣдовательно, государству и отечеству" [2]). Сильно злобился на это Шишковъ, напалъ даже на Серафима, и тотъ не могъ достойнымъ образомъ отразить его. Наконецъ, 21 ноября онъ написалъ Серафиму оффиціальное письмо, въ которомъ, въ силу даннаго на его имя рескрипта отъ 17 ноября, предлагаетъ синоду пріостановить печатаніе и разсылку катихизиса, пока не послѣдуетъ новое высочайшее на то разрѣшеніе. Но ставя свой авторитетъ выше авторитета цѣлаго синода, онъ тутъ же выказываетъ свою крайнюю простоту въ религіозныхъ дѣлахъ. Онъ называетъ „Символъ вѣры" молитвою: Вѣрую во единаго Бога, и это слово перешло въ указъ святѣйшаго синода типографской конторѣ, какъ отношеніе министра просвѣщенія. „Не знаю,

[1]) Филаретъ моск., Сушкова, прилож. стр. 50, 51.
[2]) Письмо къ Аракчееву, Зап. Шишк. 2. ч., стр. 206.

кому приписать должно обнаруженное здѣсь столь сбивчивое понятіе о дѣлахъ церковныхъ — пишетъ Филаретъ Серафиму, — и съ такимъ понятіемъ неизвѣстные дѣйствователи вземлютъ судъ себѣ надъ святѣйшимъ синодомъ! Утвержденіе на тя надѣющихся, утверди, Господи, церковь"! Въ другомъ письмѣ Филаретъ называетъ Шишкова свѣтскимъ человѣкомъ, который по своему произволу произвелъ себя не только въ богословы, но и въ судію вѣры и церкви. „Если сомнительно православіе катихизиса, — пишетъ Филаретъ, — столь торжественно утвержденнаго святѣйшимъ синодомъ, то не сомнительно ли будетъ и православіе самого святѣйшаго синода? Допущеніе сего сомнѣнія не потрясетъ ли іерархіи до основанія, не возмутитъ ли мира церкви? Не произведетъ ли тяжкаго церковнаго соблазна? Надъ дѣяніемъ святѣйшаго синода, касательно ученія вѣры, вѣрный и достойный принятія судъ, по правиламъ святыя соборныя и апостольскія церкви, можетъ быть не иной, какъ судъ чрезвычайно полнаго собора помѣстнаго или вселенскаго подъ покровительствомъ благочестивѣйшаго государя императора" [1]).

При извѣстномъ отношеніи къ Шишкову, Серафиму было крайне неловко передъ Филаретомъ; онъ старался смягчить дѣйствіе министра, объясняя, что виною было не сомнѣніе въ православіи катихизиса, а русскій переводъ символа вѣры, молитвы Господ-

[1]) Сочин. Сушкова, стр. 50, прилож.

дней и десятословія. „Вы спросите,—пишетъ онъ Филарету,—почему русскій языкъ не долженъ имѣть мѣста въ катихизисѣ, а наипаче краткомъ, который предназначенъ для малыхъ дѣтей, незнакомыхъ вовсе съ славянскимъ языкомъ... На сей и на другіе многіе вопросы, которые по сему случаю сдѣлать можно, я удовлетворительно отвѣтствовать вамъ никакъ не могу. Надѣюсь, что время объяснить намъ то, что теперь намъ кажется темно. А время сіе скоро, по моему мнѣнію, настанетъ“ [1]).

Такую переписку вели между собою іерархи, но никто голоса не возвысилъ, и катихизисъ стали отбирать по училищамъ, а молва стала говорить, что его будутъ жечь. Министръ же просвѣщенія и не думалъ, что онъ колеблетъ авторитетъ синода, который правитъ православною церковью. Ему только казалось, что онъ спасаетъ церковь отъ зла. Такимъ образомъ, въ своей слѣпой ревности министръ переступилъ за ту черту, гдѣ начинается колебаніе авторитетовъ власти, и гдѣ считающій себя просвѣщеннымъ человѣкомъ неразумно начинаетъ сѣять зло, думая, что служитъ добру.

Можно было ожидать, что у Шишкова уже готовъ былъ новый цензурный уставъ, и онъ ждалъ только рескрипта государя съ приказаніемъ обратить особенное вниманіе на печать; но объ уставѣ были только слухи, и рескриптъ не ускорилъ его. По [illegible] слухамъ Карамзинъ писалъ къ Дмитріеву:

[1]) [illegible]

„новый министръ просвѣщенія думаетъ учредить новую цензуру, и посадить въ этотъ трибуналъ человѣкъ шесть или семь: на всякую часть литературы будетъ особенный цензоръ. То-то раздолье! Словесность наша съ цензорами процвѣтетъ и безъ авторовъ". [1]).

Но новый министръ ограничивался пока запрещеніемъ нѣсколькихъ книгъ, напечатанныхъ въ прежніе годы, и разрѣшеніемъ къ печати двухъ-трехъ сочиненій, задержанныхъ цензурою князя Голицына. Кромѣ того, было предписано отобрать изъ духовныхъ и свѣтскихъ училищъ мистическія книги, которыя и безъ того не читались учениками, потому что, по своей туманности, не были имъ доступны [2]). Всѣ изданія Лабзина были запечатаны въ книжной лавкѣ Глазунова. Страхъ Шишкова постоянно поддерживался нѣмецкими газетами изъ Германіи; по нимъ можно было слѣдить, какъ неутомимо и яростно правительственныя лица Пруссіи и Австріи преслѣдовали и искореняли революціонный духъ, который имъ мерещился и въ наукѣ, и въ литературѣ, и во всѣхъ проявленіяхъ общественной жизни. Они развивали мысль, что между всѣми революціонерами существуетъ организованный тайный союзъ, направленный противъ всѣхъ европейскихъ правительствъ. Шишковъ и нѣкоторые дру-

[1]) Переписка съ Дмитріевымъ, стр. 378.

[2]) „Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія", ч. I, ст. 504.

гіе, напуганные этою мыслью, заключали по нѣскольким случайностямъ, что и у насъ непремѣнно должны быть революціонеры; имъ и не приходило въ голову спросить себя и обсудить,—возможно ли было у насъ, въ самомъ дѣлѣ, серьезное революціонное движеніе? Революціонерами имъ казались всѣ, кто не раздѣлялъ ихъ взглядовъ, и отсюда вытекала необходимость идти по стопамъ германскихъ правительствъ. Шишковъ въ своихъ выводахъ пошелъ еще далѣе. „Я не безъ основанія полагаю,—писалъ онъ къ Аракчееву,—что Германія, при такихъ строгихъ и рѣшительныхъ мѣрахъ правительства, какія въ ней оглашаются, должна меньше быть заражена тѣми духовными и политическими сектами, противъ которыхъ она вопіетъ и которыя у насъ отъ необуздыванія ихъ усиливаютъ“. Изъ этого вытекало, что если въ Германіи стѣснялась свобода научнаго развитія, то, конечно, не у насъ она могла быть допущена. Германскіе университеты у насъ уже были заподозрѣны въ томъ же вредномъ направленіи, въ какомъ обвинялся петербургскій университетъ. Была даже мысль, что полезно не только для семействъ и частныхъ лицъ, но и для блага государства, вызвать изъ Германіи всѣхъ русскихъ студентовъ. Но испугались, что „такое распоряженіе, хотя и основанное на благоразумной предусмотрительности, сдѣлается предметомъ злонамѣренныхъ толковъ“. Приказано только было, избѣгая

всякой гласности, изыскать средства къ удаленію русскихъ студентовъ изъ университетовъ: гейдельбергскаго, іенскаго, гессенскаго и вюрцбургскаго, которые сдѣлались будто-бы извѣстными по вреднымъ правиламъ, тамъ преподаваемымъ, и нетерпимымъ безпорядкамъ, Это средство было найдено въ дѣйствіи на родителей, отправившихъ или отправляющихъ своихъ дѣтей въ заграничные университеты. Губернаторы должны были представлять родителямъ, какой опасности они подвергаютъ дѣтей, а при случаѣ, и сообщать имъ, что, не принявъ благонамѣреннаго совѣта, они тѣмъ покажутъ собственный свой образъ мыслей съ невыгодной стороны и приготовятъ существенныя неудобства въ Россіи для своихъ дѣтей [1]). Шишковъ во взглядѣ на университеты и на науку сходился съ Магницкимъ, хотя, какъ мы видѣли, и не одобрялъ его суроваго преслѣдованія русскихъ профессоровъ. Правда, министръ съ особеннымъ уваженіемъ относился къ слову просвѣщеніе, но трудно сказать, что онъ понималъ подъ этимъ словомъ: современное просвѣщеніе ему казалось развращеніемъ. Его отношеніе къ научнымъ изслѣдованіямъ видно изъ его отзыва объ ученомъ статистическомъ трудѣ академика Германна. Числомъ смертоубійствъ и самоубійствъ въ Россіи авторъ въ своей статьѣ

---

[1]) „Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія въ царствованіе Александра I“, 1823 г., 451.

старается до нѣкоторой степени опредѣлить нравственное и политическое состояніе народа. „Статью объ исчисленіи смертоубійствъ и самоубійствъ,— пишетъ Шишковъ,—приключившихся въ два минувшіе года въ Россіи, почитаю не токмо ни къ чему не нужною, но и вредною. Первое: какая надобность знать о числѣ сихъ преступленій? Второе: по какимъ доказательствамъ всякій читатель можетъ удостовѣренъ быть, что число сіе отнюдь не увеличено? Третье: къ чему извѣщеніе о семъ можетъ служить? Развѣ къ тому только, чтобы колеблющійся преступникъ, видя предъ собою многихъ предшественниковъ, могъ почерпнуть изъ того одобреніе, что онъ не первый къ такому дѣлу приступаетъ? Мнѣ кажется, подобныя статьи, неприличныя къ обнародованію оныхъ, надлежало бы къ тому, кто прислалъ ихъ для напечатанія, отослать назадъ съ замѣчаніемъ, чтобъ и впредь надъ такими пустыми вещами не трудился. Хорошо извѣщать о благихъ дѣлахъ, а такія, какъ смертоубійство и самоубійство, должны погружаться въ вѣчное забвеніе" [1]).

Вотъ до какихъ заключеній можетъ дойти строгій моралистъ, непонимающій настоящихъ цѣлей науки. Съ своей моральной точки зрѣнія, онъ считаетъ себя въ правѣ смѣло говорить о всемъ, что

[1]) „Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи въ царствованіе Александра I", Сухомлинова.—Приложеніе къ „Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія", ноябрь, 1866 г.

даже недоступно его разумѣнію, и всегда считать здравый смыслъ на своей сторонѣ. Но не одна статистика страдала отъ министра просвѣщенія. Послѣ безпорядковъ въ виленскомъ университетѣ, императоръ приказалъ Аракчееву, Шишкову и сенатору Новосильцеву, производившему слѣдствіе, составить комитетъ и изыскать мѣры, чтобы устранить всякіе безпорядки въ учебной средѣ на будущее время. Конечно, въ комитетѣ главную роль пришлось играть Шишкову. Положено было изъ числа наукъ исключить политическія науки и естественное право, уменьшить въ гимназіяхъ число уроковъ реторики и поэзіи, и усилить языки: латинскій, греческій и русскій; поручить университету составить перечень тэмъ для классныхъ ученическихъ упражненій и разсмотрѣть всѣ учебники, написать новыя правила съ цѣлью утверждать и сохранять въ молодыхъ людяхъ страхъ Божій, чтобы учащіеся вели жизнь богобоязненную и не занимались самоуправствомъ, чтобы почитали всякое начальство, чтобы студенты посѣщали лекціи, всегда ходили въ мундирахъ и не вступали ни въ какія тайныя общества, чтобы безъ дозволенія ректора не посѣщали ни театры, ни рауты, никакія увеселенія; не отлучались ни за городъ, ни на общественныя гулянья; чтобы не читали и у себя

не имѣли никакихъ книгъ, противныхъ вѣрѣ и системѣ русскаго правительства [1].

Понятно, что Шишковъ не могъ задумываться надъ задачею народнаго просвѣщенія. Въ этомъ случаѣ его можно назвать правымъ: просвѣщать народъ, подъ гнетомъ крѣпостного права, было несогласно съ нравственными цѣлями просвѣщенія. Карамзинъ, напротивъ, негодовалъ на рѣчи Шишкова противъ распространенія грамотности въ народѣ: онъ думалъ, что народъ необходимо подготовить къ свободѣ нѣкоторымъ просвѣщеніемъ. Въ концѣ 1824 года онъ писалъ иронически къ Дмитріеву о Шишковѣ: „возставать противъ грамотности есть умножать къ ней охоту: слѣдственно, дѣйствіе хорошо и достойно цѣли министерства, которому ввѣрено народное просвѣщеніе. Какова Харибда, такова и Сцилла: корабль нашъ стучится объ ту и объ другую, а все плыветъ; я увѣренъ, что Россія не погрязнетъ въ невѣжествѣ, т. е. увѣренъ въ милости Божьей“ [2]).

„Что такое образованіе, знанія для народа не свободнаго,—говорилъ Сперанскій,—какъ не средство живѣе почувствовать бѣдственность своего положенія, источникъ волненій, которыя могутъ только способствовать къ большему его порабоще-

---

[1]) „Русскій Архивъ“, 1874.—„Исторія виленскаго учебнаго округа. Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія“, часть I, 1824, г. ст. 489.

[2]) „Переписка съ Дмитріевымъ“, стр. 388.

нію или могутъ навлечь на страну ужасы безначалія. Изъ человѣколюбія столько же, сколько изъ политики, слѣдуетъ оставить рабовъ въ невѣжествѣ, если не хотятъ дать имъ свободы" [1]).

XV.

Противники и друзья Шишкова—Кончина императора Александра Павловича.—Новое царствованіе.—Цензурный уставъ. Шишковъ—членъ верховнаго суда.—Отставка.

Въ маѣ 1825 года быдъ назначенъ судъ надъ Поповымъ, какъ надъ участникомъ въ переводѣ книги Госнера. Шишковъ никакъ не могъ примириться съ мыслью, что Поповъ, уйдя изъ министерства просвѣщенія вмѣстѣ съ княземъ Голицынымъ, получилъ мѣсто въ почтовомъ департаментѣ съ неменьшими выгодами. Безнаказанность Попова, по его мнѣнію, бросала тѣнь на имя государя, такъ какъ всѣ могли думать, что государь одномысленъ съ Поповымъ, который оказался врагомъ православія; а съ этимъ вмѣстѣ и сила его, какъ министра и преслѣдователя враговъ вѣры, должна была умаляться. „Если кто послѣ оказался въ подобной же дерзости и преступленіи,—писалъ онъ къ Аракчееву,—то какимъ образомъ, спустя одному, можно безъ наруше-

[1]) „Очерки общественнаго движенія при Александрѣ I", А. Н. Пыпина,—„Вѣстн. Евр." 1870, іюнь, стр. 681.

нія справедливости наказать другого“. Вотъ что собственно его заботило, но можно вполнѣ повѣрить ему, что личной злобы ни къ кому у него не было. Онъ хотѣлъ наказывать только тогда, когда безнаказанность могла ослабить силу законной власти. Не даромъ Карамзинъ называлъ его незлобіе — голубинымъ.

Дѣло о Поповѣ поступило въ общее собраніе сената. Сенаторъ Сумароковъ обвинялъ его въ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ, клонившихся къ потрясенію вѣры и правительства. Сенаторъ же Муравьевъ-Апостолъ, разбирая подробно обвиненіе, не соглашался съ нимъ и въ поступкѣ Попова не находилъ ничего преступнаго, что казалось Шишкову и ему подобнымъ. Каково же было удивленіе и негодованіе министра просвѣщенія, когда до него дошли всѣ подробности сенатскаго засѣданія. „О мнѣніи Сумарокова,—писалъ онъ,—многіе говорили съ нѣкоторымъ кощунствомъ (другими словами: не соглашались съ нимъ, не находя въ немъ основательности), тогда какъ мнѣніе Муравьева превозносили похвалами, и въ общемъ собраніи большая половина сенаторовъ къ нему пристала. Изъ сего можно уже нѣсколько усмотрѣть новомысліе!“ восклицаетъ Шишковъ. Изъ сената дѣло поступило въ государственный совѣтъ, гдѣ и были прочитаны мнѣнія обоихъ сенаторовъ. Шишковъ говоритъ, что совѣсть никогда не перестала бы укорять его, если бы онъ не вступился въ это дѣло. Онъ объявилъ, что хочетъ письмен-

но представить свое мнѣніе, и засѣданіе было отложено. На слѣдующій разъ онъ представилъ критическій разборъ мнѣнія Муравьева-Апостала. Въ немъ, какъ и во многихъ своихъ литературныхъ разборахъ, онъ незамѣтно для себя ставитъ вопросъ нелогично и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не юридически, и отсюда дѣлаетъ крайне односторонніе выводы. Онъ выходитъ изъ того факта, что комитетъ министровъ нашелъ книгу Госнера зловредною для вѣры и правительства; но забылъ объ одномъ, что эта книга разсматривалась не въ подлинникѣ, а въ переводѣ, слѣдовательно, переводилась тогда, когда еще не была осуждена. Не обративъ вниманія на это обстоятельство, Шишковъ объявляетъ, что не можетъ быть и вопроса—виноватъ ли переводчикъ: по здравому разсудку, онъ виноватъ болѣе сочинителя, такъ какъ этотъ иностранецъ и писалъ по-нѣмецки, а тотъ—русскій подданный—хотѣлъ то же самое зло сдѣлать вреднѣйшимъ, распространяя его на нашемъ языкѣ. „Изъ сего слѣдуетъ неоспоримое заключеніе, что въ одномъ и томъ же дѣлѣ меньше виноватаго осуждать, а больше виноватаго оправдывать,—не сходно ни съ какимъ понятіемъ о законахъ и правосудіи. Такъ какъ достовѣрно, что Поповъ участвовалъ въ переводѣ книги, то и оправдывать его нѣтъ возможности, кромѣ развѣ, когда позволено будетъ говорить несообразное ни съ обстоятельствами сего дѣла, ни съ законами, ниже съ здравымъ разсудкомъ“.

Такимъ образомъ, сдѣлавъ Попова преступникомъ прежде осужденія книги, Шишковъ по пунктамъ старается опровергнуть Муравьева, и въ заключеніе объявляетъ, что въ его мнѣніи нѣтъ суда, основаннаго на правдѣ и законахъ, а есть произвольная защита противъ обвиненія, сдѣланнаго комитетомъ министровъ. При началѣ чтенія своей бумаги въ государственномъ совѣтѣ, Шишковъ просилъ послѣ каждой статьи дѣлать ему возраженія, для чего онъ будетъ останавливаться; но чтеніе его прошло при общемъ молчаніи. Онъ уже думалъ, что всѣ были согласны съ нимъ, но когда стали отбирать голоса, то большинство членовъ оказалось на сторонѣ Муравьева, и въ числѣ ихъ (кто бы могъ подумать!— восклицаетъ Шишковъ) были: Милорадовичъ, Васильчиковъ, и даже другъ его, Мордвиновъ. Но моралистъ не усомнился въ непогрѣшимости своихъ выводовъ, а силился оправдать свою неудачу моралью: „Сіе показываетъ, что противъ правды говорить трудно, и что, зная напередъ силу неправды, хотя и пристаютъ къ ней, но въ-тихомолку, стыдясь гласнымъ образомъ защищать ее“, Но на этомъ Шишковъ не хотѣлъ остановиться. Онъ написалъ государю письмо и жалобу, въ которой называетъ оправданіе Попова противозаконнымъ и грозитъ вредными послѣдствіями. Здѣсь, по обыкновенію, фантазія его соединяетъ все, что можетъ напугать воображеніе ужасами революціи, даже извѣстное дѣло петербургскихъ профессоромъ смѣшиваетъ въ одно

съ частыми городскими воровствами и грабежами, съ нелѣпыми слухами о какихъ-то попахъ съ козлиными рогами; тутъ же приводитъ мечтательное стихотвореніе, которое не пропустилъ цензоръ и въ которомъ онъ подозрѣваетъ воззваніе къ возмущенію; словомъ, выказалъ въ своемъ письмѣ крайне-разстроенное воображеніе. „Въ оправданіе,—заключаетъ онъ,—только и слышишь, что твердятъ: „да это господствующій духъ времени“... Вездѣ—въ сенатѣ, въ совѣтѣ, въ комитетѣ министровъ, въ публикѣ, и при самомъ дворѣ—духъ сей находитъ защиту и покровительство. Я очень вѣрю, что не всѣ дѣйствуютъ по злонамѣренію; но когда отъ всеобщаго покровительства произойдетъ всеобщее зло, то меньше ли зло сіе будетъ пагубно отъ того, что иной способствовалъ ему созрѣвать отъ незнанія, или по какой-либо пріязни или связямъ... Чего не дѣлаютъ на свѣтѣ страсти и обманы.... Не вѣрь мнѣ, если сомнѣваешься въ искренности моихъ словъ или почитаешь меня излишне-предающимся своимъ мечтаніямъ; но не вѣрь и другимъ; смотри не на слова людей, но на дѣла ихъ“. Конечно, императоръ считалъ подобныя письма Шишкова мечтаніями и оставлялъ ихъ безъ вниманія.

Но Шишковъ не рѣшался отступить отъ начатой борьбы. Онъ, такъ сказать, противъ воли государя хотѣлъ спасать его, вѣру, отечество; онъ смотрѣлъ на это какъ на подвигъ. „Надлежало мнѣ,—говоритъ онъ,—или уступить обстоятельствамъ или

безуспѣшно и со вредомъ себѣ противоборствовать онымъ. Я избралъ послѣднее". Онъ только сожалѣлъ о нерѣшительности государя, которая не поддерживала его. „Возмущенія, происходившія въ Гишпаніи, въ Неаполѣ и пребываніе государя въ Австріи перемѣнили во многомъ образъ мыслей его,— пишетъ Шишковъ,—онъ пересталъ помышлять о дарованіи вольности народу, о соединеніи всѣхъ вѣръ, о новой философіи подъ именемъ высокихъ таинствъ, разрушившей всѣ связи обществъ и о другихъ подобныхъ сему мечтаніяхъ. Случай, подавшій поводъ къ перемѣнѣ министерства народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, казалось, открылъ ему злонамѣренность тѣхъ правилъ, которымъ доселѣ послѣдовалъ онъ съ такою ревностію. Благосклонное вниманіе его ко всѣмъ моимъ представленіямъ и кроткое выслушиваніе смѣлыхъ моихъ вопіяній противъ учрежденій и книгъ, имъ самимъ вводимыхъ и одобряемыхъ, подавали мнѣ надежду, что, поддерживаемый силою гласа и твердостію воли его, могу я благоуспѣшнѣе дѣйствовать, исторгая сѣмена лжеученій и препятствуя выростать имъ. Но вскорѣ увидѣлъ я, что всѣ мои надежды были тщетны. Привязанность или какъ бы нѣкая страсть его къ прежнимъ своимъ дѣяніямъ и образу мыслей, не взирая на силу опытовъ и убѣжденій, не могла въ немъ истребиться, такъ что, казалось, онъ, самъ съ собою борясь, увлекался поперемѣнно то тѣми, то другими мыслями. Очевидность доказа-

тельствъ и сильныя мои настоянія принуждали его соглашаться на предпріемлемыя мною мѣры, но онъ разрушалъ ихъ тайнымъ образомъ".

Такъ Шишковъ смотрѣлъ на государя.

„Мудрено ли,—замѣчаетъ онъ,—что многіе смотрѣли на меня, какъ на человѣка страннаго, хотящаго ладонью своей руки остановить быстрое теченіе потока". До него доходили слухи, что его противники называютъ его **инквизиторомъ**, что̀, кажется, нѣсколько его огорчило, но, обратившись къ **словопроизводству**, онъ скоро нашелъ въ немъ успокоеніе. „Что́ значитъ слово **инквизиція**? спрашиватъ онъ:—оно собственно значитъ **розыскъ**,— но какой?—Ни казни, ни мученія, ибо сихъ никто не требуетъ; но просто розысканіе или изслѣдованіе актовъ, изъ коихъ бы можно было увидѣть, какое въ нихъ скрывается намѣреніе—худое или доброе. Вотъ что называютъ они инквизиціею! Но если сіе изслѣдованіе, которому они даютъ толь ненавистное имя, кажется имъ такъ страшнымъ, то стало быть дѣла ихъ нечисты, и если не хотятъ, чтобъ открыты были тайныя ихъ пружины, то стало быть, хотятъ, чтобъ оныя не прежде были примѣчены, какъ тогда, когда уже всѣ предпринимаемыя противъ нихъ мѣры будутъ поздны и безуспѣшны".

Многіе въ это время осуждали Шишкова за то, что онъ не только не удалилъ изъ министерства Магницкаго, но еще поддался его вліянію и позволялъ ему распоряжаться по-прежнему. Шишковъ,

[illegible]

зоръ противъ Магницкаго. Сперанскій, быв-
ь Магницкаго, а потомъ глубоко презирав-
навелъ Панаева на мысль соединиться нѣ-
ъ порядочнымъ людямъ, близкимъ къ Шиш-
раскрыть передъ нимъ зло, которое онъ
. При этомъ Сперанскій называлъ Магниц-
осударственнымъ злодѣемъ, который стоитъ
почтеннаго старца Шишкова и препятствуетъ
ъ его, какъ бы слѣдовало". Эти слова Пана-
ринялъ къ сердцу и уговорилъ директора де-
мента народнаго просвѣщенія Языкова и пра-
я канцеляріи министра князя П. Ширинскаго-
матова соединиться и избавить министерство
человѣка, который кладетъ на него пятно, и
рый опуталъ добраго старика-министра своими
ями.

Въ это самое время Магницкій, разорившій два
иверситета, задумывалъ сдѣлать то же и съ треть-
ъ. Онъ донесъ министру о дурномъ направленіи
реподаванія въ Дерптскомъ университетѣ, о гос-
одствующемъ тамъ либерализмѣ и слабомъ управ-
еніи, и настаивалъ довести о томъ до свѣдѣнія им-
ператора. Конечно, онъ разсчитывалъ, что его по-
шлютъ для слѣдствія, а онъ постарается сдѣлать при-
вычное ему подлое дѣло. Но государь приказалъ са-
мому министру осмотрѣть университетъ. Ничего по-
добнаго, о чемъ доносилъ Магницкій, не оказалось.
Шишковъ возвратился въ Петербургъ очень доволь-
ный и сообщилъ о томъ государю. Этимъ воспол-

зовались сговорившіеся чиновники Шишкова и стали раскрывать передъ нимъ прежніе подвиги Магницкаго: при князѣ Голицынѣ онъ былъ ревностнымъ покровителемъ библейскихъ обществъ, и распространялъ ихъ силой въ обширномъ казанскомъ округѣ, требуя, чтобы каждый вступающій студентъ имѣлъ при себѣ библію и новый завѣтъ съ переводомъ на русскій языкъ и псалтырь по-русски, а какъ скоро почуялъ намѣреніе закрыть эти общества, началъ ихъ преслѣдовать и проч. Шишковъ все это выслушивалъ, иногда даже со смѣхомъ, но продолжалъ свою сдержанность. Скоро представился другой случай. Магницкій узнаетъ, что изъ пострадавшихъ петербургскихъ профессоровъ Германнъ опредѣленъ императрицей Маріей Өеодоровной въ должность инспектора классовъ въ Смольномъ монастырѣ, а Арсеньевъ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ въ преподаватели инженернаго училища. Объ этомъ Магницкій написалъ отношеніе къ министру, вставивъ такую фразу: „правительство изгоняетъ вредныхъ профессоровъ, а члены императорской фамиліи даютъ имъ мѣста“, и при этомъ требовалъ донести о томъ государю. Вѣроятно, онъ разсчитывалъ подвести такимъ поступкомъ самого недальновиднаго Шишкова, имѣя въ виду занять его мѣсто. Воспользовавшись этимъ, Панаевъ возбуждалъ Шишкова противъ дерзкаго доносчика, но Шишковъ ограничился только тѣмъ, что не далъ хода доносу.

Магницкій не унялся и грозился лично доло-

жить о томъ государю, если министръ отказывается. „Это уже взяло старика за живое,—говоритъ Панаевъ:—онъ велѣлъ ему отвѣчать, что не его, министра, дѣло входить въ распоряженія членовъ императорской фамиліи по ихъ учебнымъ заведеніямъ и что если онъ, Магницкій, напишетъ ему третью такую бумагу, то онъ доложитъ государю объ его дерзости“.

Настроивъ министра противъ Магницкаго, трое заговорщиковъ уговорили его дать имъ предписаніе разобрать критически ревизію казанскаго университета, произведенную Магницкимъ, и потомъ разсмотрѣть дѣйствія его въ качествѣ попечителя учебнаго округа. Пока готовилась эта работа, въ министерствѣ сдѣлано было новое распоряженіе, чтобы выжить изъ Петербурга казанскаго попечителя, который уже шесть лѣтъ не заглядывалъ въ Казань: онъ жилъ въ столицѣ, пользуясь своимъ званіемъ члена Главнаго правленія училищъ. Было послано циркулярное предложеніе попечителямъ—оставаться всегда при своихъ округахъ. Магницкій справедливо принялъ это предписаніе за вызовъ, обращенный къ его личности, такъ какъ всѣ другіе попечители и безъ того жили въ своихъ округахъ. Онъ поспѣшилъ къ Аракчееву, который посовѣтовалъ ему исполнить на первый разъ волю начальства, а тамъ можно будетъ все передѣлать. Магницкій отправился въ Казань, даже не явившись къ министру, который былъ очень раздраженъ такимъ его поступкомъ. Непріятели Магницкаго воспользовались но-

вымъ случаемъ, стали говорить Шишкову, что, наконецъ, и онъ дождется того же, чего дождался князь Голицынъ: его портретъ былъ вынесенъ изъ конференцъ-зала казанскаго университета по приказанію Магницкаго, несмотря на то, что онъ самъ когда-то хлопоталъ о подпискѣ со всего округа для написанія этого же самаго портрета. Шишковъ припомнилъ, что за нѣсколько мѣсяцевъ Магницкій дѣйствительно приходилъ къ нему съ живописцемъ, чтобы списать и съ него портретъ для казанскаго университета. Теперь онъ могъ убѣдиться, что за человѣкъ былъ тотъ, противъ кого его предостерегали еще въ самый день назначенія его въ министры. Поведеніе Магницкаго все болѣе и болѣе раздражало его. Изъ Казани писали, что попечитель называетъ министра *старымъ дуракомъ*, ждетъ только его смерти, чтобы свернуть головы своимъ врагамъ. Письмо было показано Шишкову, и тогда старикъ уже рѣшился дѣйствовать, лишь только возвратится государь изъ Таганрога. Магницкій, не предвидя ничего, воспользовался злосчастной смертью Аракчеевской любовницы и прискакалъ утѣшать своего покровителя. Вскорѣ затѣмъ пришло извѣстіе о смерти Александра Павловича, но это только ускорило паденіе, которое самъ себѣ приготовилъ Магницкій. Уже безъ всякаго повода со стороны Шишкова, онъ былъ высланъ изъ Петербурга какъ человѣкъ дерзкій и вредный. Случай избавилъ Шишкова отъ Магницкаго.

Кончина императора сильно опечалила Шишкова: онъ дѣйствительно любилъ государя и готовъ былъ для него пожертвовать всѣмъ, безкорыстно служилъ ему, но со службою онъ соединялъ и мысль о правдѣ, измѣнить которой онъ не рѣшился бы ни за какія царскія милости; онъ боялся царскаго гнѣва, но за правду готовъ былъ принять и его. И если слова Шишкова не имѣли большой силы у государя, то не потому, чтобы царь не любилъ правды, а потому, что не все было правдой, что принимало за правду воспаленное воображеніе Шишкова. „Сопровождая гробъ его,—писалъ Шишковъ,— не могъ я, при всемъ холодѣ моей старости, воздержаться, чтобы не воздохнуть о нёмъ слѣдующими стихами:

Тебя, монархъ, не столь еще въ годинѣ давной,
Воююща въ войнѣ преславной,
Повсюду я сопровождалъ,
И гласъ твоихъ велѣній сильныхъ,
И громъ побѣдъ твоихъ предивныхъ
Народамъ возвѣщалъ.
А днесь... о, что сказать дерзаю!
Останки тлѣнные твои
(Теките слезъ ручьи)
Въ могилу темную сопровождаю!
Создатель неба и земли,
Моленью нашему внемли:
Разставшись съ жизнію земною,
Да будетъ онъ съ Тобою!

13 декабря Шишковъ присягнулъ новому императору Николаю Павловичу; а на другой день

утромъ его сильно встревожила вѣсть о бунтѣ на Исакіевской площади. „Я рѣшился было,—разсказываетъ онъ,—несмотря на головную боль, черезъ силу ѣхать во дворецъ; но мнѣ сказали, что по причинѣ великаго стеченія людей, проѣхать будетъ трудно". Въ страхѣ онъ долженъ былъ остаться дома и узнавать отъ своихъ чиновниковъ о происходящемъ. Одинъ изъ нихъ, Сербиновичъ, весь день не отходилъ отъ него и занесъ въ свои записки тѣ вѣсти, которыя приходили къ нимъ [1]. „Я ночую въ спальнѣ у министра,—заключаетъ онъ описаніе этого дня,—племянникъ его и три чиновника въ залѣ, на коврѣ". Подъ такой охраной напуганный старикъ разсуждалъ о совершившемся печальномъ событіи. „Все это плоды тѣхъ зловредныхъ дѣйствій и книгъ, противъ которыхъ я безполезно вооружался". Но ни ему, ни другимъ, дѣйствовавшимъ въ его духѣ, не приходила, конечно, мысль, что и они бросали сѣмена, изъ которыхъ выросли эти плоды. Они не могли понять, что своими стѣснительными крайностями вызывали другія, противоположныя крайности, которыя развивались въ тайнѣ и должны были принимать своеобразныя и преступныя формы, вырываясь наружу. Они не понимали, что, стараясь насильственно подавлять силы ума, они заставляютъ ихъ принять неправильное и незаконное направленіе. Ничего бы этого не было, если бы ими лучше понималось истинное

[1]) Воспоминанія Сербиновича, „Русск. Старина", 1874 г., т. III.

отношеніе власти къ умственной жизни общества, если бы они насильственно не связывали внутреннюю жизнь его съ явленіями западной жизни, если бы не смѣшивали вольнодумство съ наукою, если бы сами разумнѣе относились къ жизни. Они только стерегли русское общество отъ вліянія западныхъ идей и новой науки, ждали возмущенія оттуда, откуда оно не могло быть, и не подозрѣвали, что не западныя идеи возмущали образованное общество, а Аракчеевы, Магницкіе и имъ подобные, оскорблявшіе и здравый смыслъ, и нравственное чувство. Шишковъ ни въ чемъ не винилъ себя, но въ оправданіе ему и другимъ можно сказать: не вѣдали, что творили. А историческій законъ все же оставался неизмѣннымъ.

Получивъ новое доказательство въ правотѣ своихъ мнѣній и внушеній, которыя дѣлались покойному императору, Шишковъ въ первый разъ явился къ Николаю Павловичу съ докладами 24 декабря. „Никогда не имѣлъ я прежде случая бывать у него,—говоритъ Шишковъ,—или съ нимъ бесѣдовать; онъ принялъ меня весьма милостиво. Ободренный симъ, сказалъ я ему: Государь, позвольте мнѣ напередъ доложить вамъ о себѣ самомъ; ни я, ни служба моя, ни образъ мыслей моихъ, ни сношенія мои съ покойнымъ императоромъ по дѣламъ весьма немаловажнымъ, вамъ неизвѣстны; а потому и почитаю я за должное вашему величеству, при вступленіи вашемъ на престолъ, обо всемъономъ

донести, дабы имѣли вы полное о томъ свѣдѣніе“... Государь согласился его выслушать, и онъ разсказалъ о своей службѣ при Александрѣ Павловичѣ, въ особенности о 1812 г. и о томъ, какъ императоръ, благодаря его убѣжденіямъ, рѣшился оставить свое предводительство надъ арміею и отправился въ Москву —это Шишковъ всегда ставилъ себѣ въ подвигъ. „На многіе еще вопросы мои,—замѣчаетъ Шишковъ,—о приключеніяхъ, происходившихъ отъ опасныхъ и вредныхъ толкованій о вѣрѣ и правительствѣ, отзывался онъ, что не имѣлъ никакихъ о томъ свѣдѣній“. Чтобы познакомить его со всѣмъ этимъ, министръ передалъ ему всѣ свои письма къ Александру Павловичу и къ Аракчееву, съ содержаніемъ которыхъ мы уже знакомы. Читалъ ли ихъ Николай Павловичъ, мы не знаемъ; но на этотъ разъ ограничился приказаніемъ составить новый цензурный уставъ. Затѣмъ Шишковъ приступилъ къ литературному изложенію своихъ мыслей и по отношенію къ новому императору. Такъ какъ дѣло Попова не было еще кончено и должно было поступить на разрѣшеніе государя, то Шишковъ поспѣшилъ написать къ нему письмо, изложивъ все дѣло съ своей точки зрѣнія и съ обыкновенными своими опасеніями за вѣру и государство, и опираясь на недавнія прискорбныя событія. Но не помогло ему и на этотъ разъ краснорѣчивое его описаніе. По собственному его признанію, письмо его не имѣло успѣха: „Поповъ былъ оправданъ и награжденъ;

а Муравьевъ-Апостолъ, по желанію его, былъ отпущенъ въ чужіе краи“. Въ это время на глазахъ Шишкова возвышались лица, которыхъ онъ еще недавно считалъ вредными по ихъ новымъ идеямъ, чуть не злонамѣренными, и изъ которыхъ иные были его литературными врагами, удачно отражали его нападки и въ то же время выводили его собственныя заблужденія: Дашковъ и Блудовъ, по указанію Карамзина, назначены въ статсъ-секретари, князь Голицынъ получилъ орденъ Андрея Первозваннаго. Карамзинъ, хотя и отказался отъ всякихъ почетныхъ должностей, но безпрестанно бывалъ у государя и бесѣдовалъ съ нимъ. Шишковъ могъ понять, что бороться съ тѣми идеями, которыя онъ называлъ новыми, было ему очень трудно; но онъ еще чувствовалъ силу въ своихъ рукахъ: ему приказано было поспѣшить новымъ цензурнымъ уставомъ. Это дѣло онъ поручилъ директору своей канцеляріи, князю Ширинскому-Шихматову, къ которому уже давно имѣлъ особенное довѣріе, представивъ его государю какъ человѣка благоразумнаго и усерднаго къ пользамъ престола и отечества. Работать князю не пришлось долго: въ Главномъ правленіи училищъ уже лежалъ готовый уставъ, составленный Магницкимъ въ компаніи съ Руничемъ 1823 г. По инструкціи министра, нужно было сообразоваться со всѣми бывшими нашими и иностранными уставами, извлечь изъ нихъ „нужнѣйшія, лучшія, приноровленныя къ обстоятель-

ствамъ времени правила, въ которыхъ бы, не стѣсняя ни малѣйше талантовъ писателей, заграждались пути къ покушеніямъ вводить хитрыя и часто распещренныя цвѣтами злонамѣренныя сочиненія“.

Но не помогли ни иностранные уставы, ни искреннее желаніе министра ни малѣйше не стѣснять талантовъ писателей, изъ рукъ его вышелъ, какъ называли, чугунный уставъ. Ему недоставало просвѣщеннаго взгляда на литературу, на науку, на правильное отношеніе литературы и науки къ началамъ государственнымъ и общественнымъ; въ немъ господствовалъ одинъ строгій полицейскій взглядъ на произведенія ума. Въ немъ запрещали цѣлые отдѣлы наукъ, какъ, напр., философія, политика, геологія, всякое разсужденіе, гдѣ авторъ отъ разсмотрѣнія природы восходилъ мыслію къ божеству; запрещалось все, что могло показаться противнымъ какому бы то ни было правительству или вѣроисповѣданію. Кромѣ этого, самъ авторъ еще подвергался тяжелой отвѣтственности какъ за пропущенное цензурою, такъ и за представленное въ рукописи сочиненіе, если бы оказалось въ немъ что-либо предосудительное.

Съ цензурою соединялась и критика, которая должна была опредѣлять безпристрастіе автора и чистоту русскаго языка. Каждая статья устава обсуживалась подробно министромъ и его директоромъ, и по сознанію перваго нѣкоторыя статьи нужно было внести для удержанія неблагонамѣрен-

ныхъ писателей отъ покушеній **проходить черезъ цензуру хитрымъ прикрытіемъ вредныхъ своихъ мыслей.**

Этотъ уставъ былъ утвержденъ государемъ 10 іюня 1826 г. Раздался общій голосъ противъ строгости новой цензуры; говорили, что по такому уставу можно и „Отче нашъ„ перетолковать якобинскимъ нарѣчіемъ: русской наукѣ и литературѣ приходилось зачахнуть. Одному только Шишкову казалось, что уставъ строгъ лишь для вольнодумцевъ, а что благонамѣренныхъ писателей онъ нисколько не стѣсняетъ.

Въ это же время Шишковъ былъ членомъ верховнаго суда надъ декабристами. Но по болѣзни онъ не могъ постоянно присутствовать въ судебныхъ засѣданіяхъ. Однако же онъ и здѣсь подалъ свое особенное мнѣніе, которое было въ пользу преступниковъ. Большинство голосовъ опредѣляло ту или другую казнь каждому изъ осужденныхъ. Болѣзнь помѣшала Шишкову присутствовать въ тѣхъ засѣданіяхъ, когда подавались голоса; но онъ находилъ, что исчисленіе большинства голосовъ производилось неправильно. Вотъ какъ онъ представляетъ это дѣло: „Полагая, что изъ 70 человѣкъ присутствующихъ членовъ:

4	члена	осуждаютъ на смерть,			
24	„	на вѣчное заточеніе,			
10	„	„	20-лѣтнее		„
15	„	„	12	„	„
11	„	„	10	„	„
6	„	„	8	„	„

по симъ голосамъ сочтено за большинство оныхъ число 24, яко превосходнѣйшее противу всѣхъ прочихъ, взятыхъ порознь, и потому рѣшено, что подсудимый приговоренъ къ вѣчному заточенію. Но сей счетъ невѣренъ и ошибоченъ. Надлежитъ расчислять слѣдующимъ образомъ:

4 члена осуждаютъ на отнятіе жизни;
66 членовъ присуждаютъ сохранить жизнь.

Слѣдовательно, большинство голосовъ состоитъ изъ 66 противъ 4. Изъ сихъ 66 голосовъ, остающихся еще судіями:

24 осуждаютъ на вѣчное заточеніе,
42 „ „ временное „

24 голоса отвергаются, остается 42, по коимъ подсудимый приговоренъ къ заточенію временному. Изъ сихъ 42 голосовъ:

10	осуждаютъ	на	20	лѣтнее заключеніе
15	„	„	12	„ „
11	„	„	10	„ „
6	„	„	8	„ „

Ежели и здѣсь изъ сихъ четырехъ раздѣленій взять за большинство голосовъ 15, яко превосходнѣйшее, то и въ этомъ не будетъ точной справедливость; ибо хотя оно превышаетъ всѣ другія числа, но также превышаетъ только каждое изъ нихъ порознь, а не всѣ вмѣстѣ. Между тѣмъ всѣ они совокупно составляютъ число 27, и всѣ вообще говорятъ не то, что̀ утверждаютъ 15 членовъ;

а потому большинство голосовъ долженствовало бы быть на ихъ сторонѣ; но какъ и они, т. е. всѣ три раздѣленія несогласны между собою, и каждое изъ нихъ опредѣляетъ разное число лѣтъ, то и оныя не могутъ составлять большинства голосовъ. Въ такомъ случаѣ для соблюденія точнаго вывода надлежитъ взять въ разсужденіе голосъ каждаго члена. Сей выводъ достовѣрнѣйшимъ образомъ извлечется слѣдующимъ разсчисленіемъ:

Каждый	изъ	10	членовъ	осуждаетъ	на	20	лѣтъ,	выходитъ 200
"	"	15	"	"	"	12	"	" 180
"	"	11	"	"	"	10	"	" 110
"	"	6	"	"	"	8	"	" 48

„Такимъ образомъ, слагая сіи числа, будетъ 42 и 538, изъ коихъ, раздѣляя второе на первое, $42:538 = 12^{17}/_{21}$, выйдетъ, что по среднему числу каждый изъ 42 членовъ приговариваетъ подсудимаго къ заточенію на $12^{17}/_{21}$, т. е. почти на 13 лѣтъ, а не на вѣчное, какъ выходило по прежнему расчисленію. Только ни малая разность въ приговорахъ, опредѣляющихъ участь человѣческую, не можетъ быть оставлена безъ обращенія на то правосуднаго вниманія“.

Нельзя было найти врага бо̀льшаго, какъ Шишковъ, всѣмъ, по его мнѣнію, нарушителямъ общественнаго порядка, но чувство строгой справедливости въ немъ постоянно подавало громкій голосъ. Онъ былъ собственно врагомъ того, что онъ счи-

талъ зломъ, и хотѣлъ, чтобы оно было подавлено, но противъ самыхъ личностей у него не было злобы; его сердце скорѣе говорило за нихъ. Вотъ это-то высокое нравственное чувство и очищаетъ его личность, которая, несмотря на его крайніе и отсталые взгляды, привлекала къ себѣ всѣхъ, кто близко зналъ его даже изъ молодого поколѣнія, хотя они и не раздѣляли его образа мыслей.

Записка Шишкова была прочитана въ общемъ собраніи верховнаго суда; нѣкоторые согласились съ нимъ; но такъ какъ дѣло было уже кончено, то дѣлать новое перечисленіе голосовъ оказалось неудобнымъ. Но на такомъ отказѣ Шишковъ не успокоился. Гдѣ былъ вопросъ о справедливости, тамъ у него не было страха. Онъ не побоялся послать свою записку къ императору, но, по его замѣчанію, „на оную не послѣдовало никакого отвѣта“.

Въ слѣдующемъ году Шишкову пришлось еще разъ вступить въ борьбу съ противниками. Императоръ приказалъ министру внутреннихъ дѣлъ составить особый комитетъ и поручить ему написать уставъ для цензуры иностранныхъ книгъ. При этомъ позволялось не стѣсняться уставомъ внутренней цензуры, а, напротивъ, подвергнуть и его подробному разсмотрѣнію, не смотря на недавнее его обнародованіе. Въ новый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Ланскаго, былъ назначенъ и Шишковъ, а главнымъ редакторомъ товарищъ министра внутрен-

нихъ дѣлъ Дашковъ. Пришлось, наконецъ, встрѣтиться двумъ литературнымъ противникамъ. Шишковъ все еще продолжалъ смотрѣть на Дашкова свысока. Онъ не признавалъ себя побѣжденнымъ въ старинномъ спорѣ о слогѣ и думаль, что его слабыя возраженія противъ основательной критики Дашкова достаточно доказали ея нелѣпость. Дашковъ съ своей стороны также не совсѣмъ жаловалъ Шишкова. Ему было даже досадно, что Карамзинъ сдѣлался товарищемъ Шишкова по Россійской академіи. Еще въ 1819 году онъ писалъ И. И. Дмитріеву изъ Турціи: „Вяземскій изъ Варшавы горько жалуется на критиковъ Карамзина и еще, кажется, на его вступленіе въ Академію. Признаюсь—вамъ однимъ—что я несовсѣмъ далекъ отъ сего мнѣнія. Отложимъ отъ академическаго списка нѣсколько именъ истинно почтенныхъ и славныхъ, кто изъ истыхъ членовъ (отличился) заслугами и литературнымъ характеромъ? Какая будущая польза могла въ глазахъ Н. Мих. (Карамзина) привести въ забвеніе его обиду, обиду всей нашей словесности? Принимая позднее его избраніе въ самомъ снисходительпомъ смыслѣ, не значитъ ли оно, что Н. М. до изданія русской исторіи не написалъ ничего дѣльнаго, ничего достойнаго сравниться съ безсмертными трудами Поспѣлова, Гнѣдича, Муравьева, Оленина и Богъ знаетъ кого еще. Грѣшно намъ открывать, по библейскому выраженію, наготу отца, но, право, многимъ пламеннымъ почитателямъ

Карамзина пріятнѣе было бы думать, что будущіе достойные академики скажутъ: rien ne manque à sa gloire, il manquait à la notre, нежели видѣть его теперь крестникомъ Шишкова". [1]).

Понятно, что встрѣча съ такимъ человѣкомъ, какъ Дашковъ, въ одномъ комитетѣ старику не могла быть пріятна, особенно когда Дашковъ сталъ дѣлать вѣскія замѣчанія противъ многихъ статей Шишковскаго устава. Это уже онъ принялъ за личное оскорбленіе, по-прежнему приписывалъ все вольнодумству, и даже подозрѣвалъ личную противъ себя злобу. Критика устава казалась ему не иначе какъ скудоумною. Конечно, безъ возраженій онъ не могъ оставить ее и написалъ ихъ цѣлую тетрадь. Въ свою очередь Дашковъ, поддерживаемый прочими членами, опровергалъ раздраженнаго старца, и завязалась полемика. „Она была весьма полезна,— говоритъ въ своихъ запискахъ [2]) князь Одоевскій,— ибо дала поводъ къ разъясненію разныхъ вопросовъ о цензурѣ, а равно и разныхъ мнѣній или, лучше сказать, фразъ, считавшихся по привычкѣ за непреложную истину, и вошедшихъ въ правительственныя распоряженія и даже въ законы изъ источниковъ самыхъ противоположныхъ: изъ измѣнившихся политическихъ обстоятельствъ и другихъ временныхъ скоропреходящихъ случайностей, изъ ученія библей-

[1]) „Русск. Арх. 1868 г„ № 4. Письма къ И. И. Дмитріеву.
[2]) „Русск. Арх." 1874 г.

скихъ обществъ, изъ мистическаго направленія, изъ личныхъ козней Магницкаго, изъ блестящихъ фразъ графа Ж. де-Местра и наконецъ, даже изъ ученія іезуитовъ, которыхъ пребываніе въ Россіи и въ особенности воспитаніе, полученное у нихъ нѣкоторыми лицами, впослѣдствіи дѣйствовавшими на службѣ, не осталось безъ вліянія на понятія, имѣвшія тогда ходъ въ нашей правительственной сферѣ. Шишковъ видѣлъ, что его побѣждаютъ, что въ уставъ принимаются совсѣмъ другіе принципы, и почелъ за лучшее отказаться отъ комитета, изложивъ въ письмѣ къ государю жалобы на свое неловкое положеніе и боязнь за будущее народное спокойствіе, когда новый уставъ будетъ допускать сѣять сѣмена нечестія и разврата. Но, къ крайнему прискорбію Шишкова и къ общей радости всѣхъ людей науки и литературы, новый уставъ былъ утвержденъ въ 1828 г. Старый министръ долженъ былъ понять, что время его прошло совершенно.

Въ это же время Шишковъ предсѣдательствовалъ въ другомъ комитетѣ, который былъ составленъ въ 1826 г. 14 мая по приказанію императора, съ цѣлью написать новые уставы для всѣхъ учебныхъ заведеній въ имперіи, выработавъ опредѣленную систему общественнаго образованіи. При немъ состоялъ еще подкомитетъ изъ академиковъ и профессоровъ, которые должны были составить учебныя программы и опредѣлить обязательные учебники. Комитетъ составляли слѣдующія лица: гр. Ламбертъ, гр. Сиверсъ,

Сперанскій, Уваровъ, Шторхъ, графъ Строгановъ, Перовскій.

Въ первомъ засѣданіи Шишковъ прочиталъ свою обширную записку о преобразованіи учебныхъ заведеній. Онъ указывалъ на многія причины ихъ упадка. Одна изъ главныхъ, по его мнѣнію, было „несовершенство уставовъ, въ которыхъ упущена изъ виду главнѣйшая цѣль народнаго просвѣщенія—образованіе, приспособленное къ потребностямъ разныхъ состояній“. Къ этому министръ прибавляетъ и недостатокъ общаго и частнаго надзора надъ учебными заведеніями. „Я нашелъ,— говоритъ онъ,—что нѣкоторые попечители по три и даже по шести лѣтъ (какъ, напр., Магницкій) не бывали во ввѣренныхъ имъ округахъ“. Къ причинамъ упадка университетовъ министръ отнесъ „дарованіе нѣкоторымъ заведеніямъ преимуществъ, превосходящихъ тѣ, какими пользовались университеты; такъ, въ царскосельскомъ и ришельевскомъ лицеяхъ, въ благородныхъ университетскихъ пансіонахъ можно было пріобрѣсть 9-й классъ съ половиною учености, требующейся для полученія ученыхъ степеней, соотвѣтствующихъ симъ классамъ“. Шишковъ винитъ правительство въ томъ, что большинство молодыхъ дворянъ не оканчиваетъ курса не только въ гимназіяхъ, даже въ уѣздныхъ училищахъ. „Большая часть людей,—пишетъ онъ,— увлекается ближайшими къ нимъ выгодами преимущественно предъ отдаленными, хотя бы то было

и большими. Отецъ хочетъ видѣть сына своего скорѣе пристроеннымъ къ какому бы то ни было мѣсту, съ нѣкоторымъ званіемъ въ обществѣ, и гораздо скорѣе и надежнѣе достигаетъ сего, не обучая его ничему, кромѣ первоначальныхъ свѣдѣній, въ приходскомъ училищѣ преподаваемыхъ. Молодого человѣка съ столь ограниченнымъ образованіемъ стоитъ только записать въ какое-либо присутственное мѣсто канцеляристомъ и чрезъ три года онъ будетъ офицеромъ. Для чего же потеряетъ онъ пять или шесть лѣтъ на обученіе въ уѣздномъ училищѣ или гимнизіи“?

Помѣхою для успѣшнаго развитія учебныхъ заведеній Шишковъ считалъ и ограниченность суммъ, опредѣленныхъ на училища и скудость содержанія, назначеннаго для всего педагогическаго персонала: „оно не только не обезпечиваетъ людей семейныхъ, но и для холостыхъ крайне недостаточно“.

Для того, чтобы поднять заведенія и привлекать въ нихъ большее число учениковъ, министръ предлагалъ установить званіе почетныхъ попечителей гимназій, которые бы покровительствовали заведенію, имѣли бы надъ нимъ постоянный надзоръ и содѣйствовали бы умноженію суммъ пожертвованіями; а кончившимъ съ похвалою курсъ наукъ въ гимназіи и удостоеннымъ одобрительныхъ свидѣтельствъ давать право на полученіе 14-го класса черезъ шесть мѣсяцевъ по вступленіи въ гражданскую службу, если они усердіемъ и способностями

успѣютъ пріобрѣсть вниманіе начальства. Наконецъ, онъ предлагалъ для дворянъ учредить особые пансіоны при гимназіяхъ и нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищахъ. Не прочь былъ министръ употребить и насиліе, чтобы заставить оканчивать полный курсъ въ училищѣ. „Всякаго состоянія родителей,—говорилъ онъ въ своей запискѣ,—представляющихъ дѣтей своихъ для обученія въ казенное заведеніе обязывать подписками, чтобы они прежде окончанія курса ученія въ тѣхъ заведеніяхъ не имѣли права отбирать дѣтей, кромѣ уважительныхъ случаевъ“. Но сильно возставалъ министръ противъ частныхъ пансіоновъ и предлагалъ закрыть ихъ всѣ черезъ три года послѣ утвержденія новаго устава. „Частное или домашнее воспитаніе,—замѣчаетъ онъ,—должно быть терпимо, но одно только народное, общественное заслуживаетъ одобреніе правительства... Главнымъ и непремѣннымъ правиломъ считаю я наблюденіе, чтобы общественному воспитанію во всѣхъ частяхъ дано было такое направленіе, чтобы оно не изглаживало въ русскихъ характера народнаго, но чтобы улучшало и укрѣпляло оный. Главная цѣль учрежденія всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеній есть образованіе вѣрныхъ подданныхъ государя, просвѣщенныхъ и усердныхъ сыновъ церкви и отечества“ [1]).

Эти общія фразы въ скоромъ времени болѣе

[1]) Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи, Шмидта Переводъ съ нѣмецкаго Нейлисова 1878 г.

опредѣлились тремя словами, которыя стали полагать въ основаніе всѣхъ оффиціальныхъ разсужденій о воспитаніи: православіе, самодержавіе и народность. Нельзя не замѣтить, что съ нѣкоторыми взглядами старца-Шишкова сошелся молодой поэтъ Пушкинъ, который представилъ, по желанію императора Николая, свое мнѣніе о народномъ воспитаніи 15-го ноября 1826 г. Мы имѣемъ основаніе даже думать, что Пушкину извѣстна была записка Шишкова. Онъ также стоитъ за общественное воспитаніе и хочетъ противопоставить его домашнему: „въ Россіи,—пишетъ онъ,—домашнее воспитаніе есть самое недостаточное, безнравственное. Ребенокъ окруженъ одними холопами, видитъ гнусные примѣры, своевольничаетъ или рабствуетъ, не получаетъ никакихъ понятій о справедливости, о взаимныхъ отношеніяхъ людей, объ истинной чести. Воспитаніе его ограничивается изученіемъ двухъ или трехъ иностранныхъ языковъ и начальнымъ основаніемъ всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ какимъ-нибудь нанятымъ учителемъ. Воспитаніе въ частныхъ пансіонахъ немногимъ лучше. Здѣсь и тамъ оно кончается на шестнадцатилѣтнемъ возростѣ воспитанника. Нечего колебаться, во что бы то ни стало подавить воспитаніе частное... Молодой человѣкъ, не воспитанный въ государственномъ училищѣ, вступая въ службу, не получаетъ впередъ никакихъ выгодъ и не имѣетъ права требовать экзамена“.

Точно также Пушкинъ затрогиваетъ вопросъ и о чинахъ: „Чины сдѣлались страстію русскаго народа. Въ другихъ земляхъ молодой человѣкъ кончаетъ курсъ ученія около 25-ти лѣтъ; у насъ онъ торопится вступить какъ можно ранѣе въ службу, ибо ему необходимо въ 30 лѣтъ быть полковникомъ или коллежскимъ совѣтникомъ. Онъ входитъ въ свѣтъ безъ всякихъ основательныхъ познаній, безъ всякимъ положительныхъ правилъ: всякая мысль для него нова, всякая новость имѣетъ на него вліяніе. Онъ не въ состояніи ни повѣрить, ни возражать: онъ становится смѣлымъ приверженцемъ или жалкимъ повторителемъ перваго товарища, который хочетъ оказать надъ нимъ свое превосходство или сдѣлать изъ него свое орудіе". Пушкинъ совѣтуетъ извлечь нѣкоторую пользу изъ самаго злоупотребленія и представить чины цѣлію и достояніемъ просвѣщенія; вмѣстѣ съ этимъ увлечь все юношество въ общественныя заведенія, подчиненныя надзору правительства: „должно его тамъ удержать, дать ему время перекипѣть, обогатиться познаніями, созрѣть въ тишинѣ училищъ, а не въ шумной праздности казармъ. Онъ хотѣлъ бы продлить обыкновенный курсъ ученія въ среднихъ заведеніяхъ по крайней мѣрѣ еще на три года и по мѣрѣ того повышая и чины, даваемые при выпускѣ" [1]).

Въ комитетѣ устройства учебныхъ заведеній вы-

[1]) Девятнадцатый вѣкъ, Бартенева. 1872 г.

сказывали свои мнѣнія гр. Ламбертъ, князь Ливенъ, гр. Сиверсъ. Разногласіе между ними было примирено высочайшимъ рескриптомъ на имя Шишкова, гдѣ, между прочимъ, сказано: „Почитая народное воспитаніе однимъ изъ главнѣйшихъ основаній благосостоянія державъ, я желаю, чтобы для онаго были поставлены правила, вполнѣ соотвѣтствующія истиннымъ потребностямъ и положенію государства. Для сего необходимо, чтобы повсюду предметы ученія и самые способы преподаванія были по возможности соображаемы съ будущимъ вѣроятнымъ предназначеніемъ обучающихся, чтобы каждый, вмѣстѣ съ здравыми для всѣхъ общими понятіями о вѣрѣ, законахъ и нравственности, пріобрѣталъ познанія, наиболѣе для него нужныя, могущія служить къ улучшенію его участи и, не бывъ ниже своего состоянія, также не стремился чрезъ мѣру возвыситься надъ тѣмъ, въ коемъ, по обыкновенному теченію дѣлъ, ему суждено оставаться... Нахожу нужнымъ нынѣ же повелѣть, чтобы въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, казенныхъ и частныхъ, а равно въ гимназіяхъ и равныхъ съ ними принимались только люди свободныхъ состояній, не исключая и вольноотпущенныхъ“...

Этимъ же рескриптомъ дозволялось крѣпостнымъ и дворовымъ людямъ обучаться въ уѣздныхъ и приходскихъ школахъ.

Несмотря на желаніе императора, чтобы коми-

теть какъ можно скорѣе кончилъ свои работы, онѣ затянулись слишкомъ на два года. „Я требую непремѣнно, чтобы дѣло шло поспѣшнѣе“ [1]), писалъ Николай Павловичъ въ ноябрѣ 1827 года; но оно могло быть окончено только черезъ годъ при участіи новыхъ членовъ: Крузенштерна и Блудова. Новые уставы были обнародованы 8-го декабря 1828 г., когда Шишковъ уже не былъ министромъ.

Въ концѣ своей службы Шишкову пришлось встрѣтиться еще съ однимъ изъ своихъ прежнихъ литературныхъ враговъ, Блудовымъ, который въ юности былъ жаркимъ защитникомъ и поклонникомъ Карамзина и не щадилъ Шишкова ни въ критикѣ, ни въ остроумныхъ эпиграммахъ. Онъ былъ назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и главноуправляющимъ иностранными исповѣданіями. Объ отношеніяхъ министра и его товарища Вигель въ своихъ зипискахъ говоритъ слѣдующее [2]): „Совѣстливый Блудовъ щадилъ старость Шишкова, оказывалъ всевозможное уваженіе, старался заставить его забыть прежнія литературныя ссоры, прилежно вникая во всѣ дѣла министерства, но при несогласіи во мнѣніяхъ всегда искусно и осторожно склонялъ его на свою сторону, тогда какъ, въ силу данной ему инструкціи, онъ ежедневно могъ бы раздражать его. Впрочемъ, Шишковъ такъ

[1]) Исторія среднихъ учебныхъ заведеній, Шмидта.

[2]) Записки Вигеля, часть 7-я.

ослабѣлъ, что при докладываніи ему бумагъ почти всегда засыпалъ“.

Съ докладами къ государю являлся чаще Блудовъ, чѣмъ Шишковъ. Государь повидимому ждалъ, когда его министръ, сознавъ свою слабость, самъ подастъ въ отставку; но не дождавшись, рѣшился наконецъ уволить его. Разсказываютъ, что, явившись къ государю съ докладомъ, Шишковъ долго не могъ отпереть ключомъ свой портфель, руки его отъ слабости дрожали, такъ что императоръ помогъ ему въ этомъ, вынулъ бумаги и самъ прочиталъ ихъ. Послѣ доклада онъ ласково сказалъ министру: Александръ Семеновичъ, вы много и доблестно трудились, не пора ли вамъ и успокоиться? Къ этому онъ прибавилъ нѣсколько милостивыхъ словъ, выразивъ желаніе, чтобы Шишковъ продолжалъ присутствовать въ государственномъ совѣтѣ. На другой день министръ подалъ прошеніе объ отставкѣ. Государь оставилъ его членомъ государственнаго совѣта и президентомъ Россійской академіи съ полнымъ министерскимъ содержаніемъ [1]).

XVI.

Характеристика Шишкова. — Второй бракъ. — Послѣдніе годы.

Оставляя свой министерскій постъ, Шишковъ былъ увѣренъ, что своими административными рас-

[1]) Воспоминанія Пржецлавскаго, „Русская Старина, 1875.

поряженіями остановилъ вредное направленіе умовъ и подчинилъ духъ времени правительству; слѣдовательно, сдѣлалъ то, для чего, по его мнѣнію, онъ былъ призванъ императоромъ Александромъ. На это онъ указывалъ въ письмѣ къ императору Николаю. Онъ судилъ по бумажнымъ оффиціальнымъ отношеніямъ, которыя отвсюду къ нему присылались въ отвѣтъ на его распоряженія. Мы не скажемъ, чтобъ онъ выказалъ себя искуснымъ министромъ. Болѣе ораторъ, чѣмъ государственный человѣкъ, онъ слишкомъ вѣрилъ въ силу слова, и самъ нерѣдко поддавался льстивымъ словамъ разныхъ хитрецовъ и лицемѣровъ, которымъ нужно было прикидываться благочестивыми и благонамѣренными людьми. Но у него было постоянное стремленіе приближать къ себѣ людей дѣйствительно честныхъ и съ добрыми намѣреніями, и какъ онъ бывалъ радъ, если удавалось напасть на такого человѣка, и какъ привязывался къ нему. За то непріятное чувство производило въ немъ явное желаніе подчиненнаго поддѣлаться къ нему и выслужиться какою-либо выходкою. Такъ, извѣстный пріятель Магницкаго, Руничъ, отличившійся набѣгомъ на петербургскій университетъ, не надѣясь остаться попечителемъ петербургскаго учебнаго округа въ министерство Шишкова, всячески старался къ нему подбиться, и какъ мелкій человѣкъ употреблялъ и мелкія средства. Въ гимназіяхъ, напримѣръ, раздавались въ награду ученикамъ сочиненія Шишкова. Однажды министръ

пріѣхалъ на актъ въ одну гимназію и вздумалъ взглянуть на приготовленные подарки за благонравіе и отличные успѣхи въ наукахъ. Онъ видимо смутился, замѣтивъ все свои собственныя сочиненія, конечно, изящно переплетенныя [1]). Но не спасло это Рунича, когда у него открылись безпорядки по хозяйственной части.

Отъ министерства народнаго просвѣщенія былъ командированъ молодой профессоръ Сенковскій на ревизію училищъ въ Бѣлорусскій край. Оттуда онъ доносилъ, что все найдено имъ въ наихудшемъ положеніи, и предлагалъ при этомъ коренныя преобразованія. Изъ одного уѣзднаго города онъ прислалъ эстафету въ собственныя руки министру Шишкову съ приложеніемъ отобранныхъ отъ учениковъ какихъ-то стишковъ, гдѣ смѣялись надъ слѣдствіемъ Новосильцева въ виленскомъ университетѣ. На эту депешу профессоръ много разсчитывалъ. Но министръ сразу понялъ, къ чему клонились его доносы, и приказалъ написать ему выговоръ за то, что утруждаетъ начальство бѣздѣлицами, и Сенковскій былъ отозванъ въ Петербургъ [2]). Сражаться съ мальчиками за какіе-то пустые или нелѣпые стихи Шишкову казалось не дѣломъ уважающаго себя министра. Не удивительно, что онъ оставилъ хорошую память по себѣ во многихъ служившихъ у него честныхъ людяхъ.

---

[1]) Изъ записокъ Греча, „Русск. Арх.“ 1871.

[2]) Калейдоскопъ воспоминаній, „Русск. Арх.“ 1872.

Въ обществѣ Шишковъ и въ глубокой старости былъ интереснымъ собесѣдникомъ: съ одними онъ любилъ серьезный споръ, другихъ занималъ забавными разсказами о прошедшихъ временахъ, какъ человѣкъ бывалый. Сербиновичъ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ, что въ 1825 году, живя на дачѣ въ Царскомъ Селѣ, Шишковъ часто посѣщалъ Карамзина, и хотя по своимъ убѣжденіямъ не могъ во многомъ съ нимъ согласиться, но его посѣщенія всегда были пріятны семейству исторіографа: добродушные его разсказы о временахъ императрицы Екатерины II и Павла были такъ увлекательны, что доставляли большое удовольствіе особенно молодымъ людямъ [1]). С. Т. Аксаковъ также съ пріятностью вспоминаетъ о бесѣдахъ съ Шишковымъ.

Въ 1825 году Шишковъ оплакалъ свою жену, Дарью Алексѣевну, съ которой прожилъ болѣе тридцати лѣтъ и которая охраняла его домашнее спокойствіе, хотя и часто на него ворчала. По увѣренію всѣхъ, это была прекрасная женщина, и потеря Шишкова была очень чувствительна. Императоръ Александръ прислалъ ему изъ Таганрога утѣшительное письмо, на которое Шишковъ отвѣчалъ жалобою, что изнуренныя старостію силы его изнурены еще болѣе долговременнымъ страданіемъ и смертію жены. Понятно, какъ трудно было оставаться въ одиночествѣ старцу, привыкшему къ постоянному и самому внимательному уходу за собою.

[1]) „Русск. Старина", 1874.

При его разсѣянности и забывчивости ему нужны были заботливый глазъ, заботливая рука, даже заботливый умъ, которые бы поддерживали всю прежнюю обстановку жизни, сдѣлавшуюся необходимою по его старческимъ привычкамъ. И вотъ, несмотря на свою дряхлость, онъ снова женится, чтобы имѣть при себѣ, по его собственному выраженію, няньку. Выборъ его палъ на вдову, Юлію Осиповну Лобаржевскую, которой было уже за сорокъ пять лѣтъ. Отецъ ея былъ генералъ Нарбутъ, а мужъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, послѣ отреченія отъ престола польскаго короля Станислава-Августа, послѣдовалъ за нимъ въ Петербургъ. Полька и католичка, она любила открытую жизнь въ свѣтскомъ обществѣ—условія, повидимому, не совсѣмъ согласныя съ требованіями и привычками Шишкова. Мы не можемъ сказать, что собственно ихъ сблизило и соединило. Но понятно, что такой странный запоздалый бракъ долженъ былъ вызвать въ городѣ много толковъ. Разсказываютъ, что когда Шишковъ испрашивалъ у императора Николая Павловича позволенія на женитьбу, то государь пригласилъ къ себѣ въ кабинетъ императрицу Александру Ѳедоровну и съ улыбкой представилъ ей маститаго жениха, какъ будущаго молодого [1]). Въ Юліи Осиповнѣ оставались еще слѣды прежней красоты, притомъ же она была умна, великосвѣтски образована, но едва ли замѣнила хилому старику его добрую и простую

[1]) Воспоминанія Пржецлавскаго, „Русск. Старина“, 1875 г.

Въ об... ...ракѣ Шишкова
былъ ни... ...одни говорятъ, что
любилъ с... ...хозяйку, преданную
ными ра... ...а нимъ съ заботли-
человѣкъ ...ячески старалась
нашихъ ... доставлять ему удо-
дачѣ въ ...ерамъ составляла ему
Кара... ...Аксаковъ же въ
во м... ...итъ иначе: „Новая су-
всег... ...кова людьми совсѣмъ
дум... ...и я не могъ равно-
Ек... ...аго Шишкова посреди
д... ...анныхъ и заносчивыхъ,
...обращавшихся съ нимъ
...Шишковъ, повидимому,
...новымъ своимъ положе-
...его было мнѣ слишкомъ
...накомые стали рѣдко къ
...въ своей извѣстной сатирѣ
...въ женскомъ отдѣленіи, та-
...г-жу Шишкову среди ея

...то не слыхалъ:
...нѣ гренадеръ,
...вышелъ
...старовѣръ;
...атласный,
...рьяхъ и цвѣтахъ,
...въ, поясъ красный
...въ башмакахъ.
...олкъ гусаров...

Юлія Осиповна старалась сдѣлать свой домъ веселымъ и по воскресеньямъ устраивала вечера, на которые собирались молодые люди, преимущественно поляки, танцовать съ польками или играть въ карты съ хозяиномъ. Между ними попадались и темныя личности, которыя иногда втираются въ свѣтскіе салоны. Они пользовались страстью хозяина къ карточной игрѣ, вызывали его на игры азартныя, къ которымъ онъ былъ склоненъ еще въ молодости, и изъ которыхъ въ то время была въ ходу игра палки или тентере, и безсовѣстно обыгрывали старика [1].

Между гостями привѣтливой хозяйки бывалъ и поэтъ Мицкевичъ и даже увлекался какою-то молодой особой, дочерью сенатора и родственницей Шишкова и Кутузова. Но она была русская, и Мицкевичъ не допустилъ развиться своей страсти [2].

По воскресеньямъ же бывалъ у Шишкова обязательный обѣдъ для его родственниковъ, которыхъ было много. Нѣкоторые изъ нихъ подолгу гостили въ его домѣ, а по словамъ Аксакова, въ послѣдніе годы за нимъ внимательно и нѣжно ухаживали двѣ его родныя племянницы. По словамъ же другихъ, въ домѣ Шишкова были двѣ партіи — жены и племянницы; одни изъ гостей были постоянными посѣтителями первой, другіе — второй. Вѣчныя ссоры двухъ хозяекъ много огорчали Шишкова [3].

---

[1]) Калейдоскопъ воспоминаній, „Русск. Арх.“, 1872.

[2]) Тамъ же.

[3]) „Русск. Арх.“, 1873 г.—Изъ біографіи Сахарова.

Обыкновенно послѣ обѣда Шишковъ уходилъ къ себѣ въ кабинетъ и укладывался на диванъ для отдохновенія, а наемная женщина принималась чесать его серебристую голову. Если съ нимъ обѣдалъ гость, то и его хозяинъ приглашалъ за собою и занималъ разсказами и анекдотами изъ своихъ воспоминаній, или вступалъ въ споръ о разныхъ предметахъ. Изъ современныхъ писателей онъ еще допускалъ Жуковскаго, но не любилъ Пушкина; болѣе же всѣхъ не терпѣлъ Греча и Булгарина. „Сѣверную Пчелу“ онъ называлъ „Сѣвернымъ Жукомъ“, и каждый разъ при чтеніи этой газеты сердился на иностранныя слова, которыя попадались тамъ. Иногда его сбивали съ толку, основываясь на его любимомъ положеніи, что всѣ языки происходятъ отъ славянскаго, а славянскій и русскій одинъ и тотъ же языкъ. Собесѣдникъ замѣчалъ ему, что въ такомъ случаѣ у насъ нѣтъ иностранныхъ словъ, а всѣ славянскія. Старый ораторъ старался какъ-нибудь выпутаться изъ этого противорѣчія и представлялъ, что нѣкоторыя славянскія слова нужно считать выродившимися въ чуждыя слова и теперь невозможно прослѣдить ихъ связь съ корнемъ [1]).

Старость налагала свою руку и на зрѣніе Шишкова: оно слабѣло и не позволяло ему много заниматься письмомъ и чтеніемъ, что̀ его очень огорчало. Въ послѣдніе годы онъ уже назначалъ засѣданія Россійской академіи у себя въ домѣ: на нихъ

[1]) Воспом. Пржецлавскаго.

читались и разбирались работы по составленію академическаго словаря русскаго языка, разныя нѣчто, не забывалось и славянское корнесловіе. Ни труды Востокова, ни Павскаго нисколько не успѣли измѣнить филологическихъ взглядовъ хилаго президента академіи. Не найдя въ Павскомъ сочувствія къ своимъ выводамъ и разсужденіямъ, Шишковъ ни за что не соглашался баллотировать его въ члены академіи, не смотря на многія просьбы другихъ членовъ изъ духовенства; при этомъ онъ припоминалъ и старинный доносъ Магницкаго, будто бы Павскій исказилъ переводъ св. писанія, которымъ занимался вмѣстѣ съ другими для библейскаго общества. Точно также онъ не допускалъ до баллотировки и Греча, который былъ ему ненавистенъ по прежнимъ столкновеніямъ изъ-за академической грамматики. Хотя Россійская академія обращалась въ такой же трупъ, въ какой и президентъ ея, но иногда случалось, что въ ней вспыхивалъ огонекъ на добро для науки. Такъ, при посредствѣ С. Т. Аксакова Шишковъ познакомился съ извѣстнымъ болгариномъ Венелинымъ, авторъ книги „Древніе и нынѣшніе болгаре", и слѣдствіемъ этого знакомства было ученое путешествіе Венелина въ Болгарію, для чего академія, конечно по предложенію президента, назначила ему три тысячи рублей. Въ дополненіе къ картинѣ послѣднихъ старческихъ лѣтъ жизни Шишкова воспользуемся еще разъ словами Аксакова:

„Въ 1832 или 1833 году, пріѣзжалъ Александръ

Семеновичъ въ Москву, чтобы лечиться искуственными минеральными водами, которыхъ въ Петербургѣ еще не было. Онъ жилъ у старинныхъ своихъ друзей Бакуниныхъ. Я нерѣдко приходилъ къ нему; онъ всегда былъ мнѣ очень радъ и охотно говорилъ о русской словесности. Я представилъ тогда ему моего старшаго сына, который былъ воспитанъ въ чувствахъ уваженія къ Шишкову. Александръ Семеновичъ очень его полюбилъ и даже обласкалъ, вопреки своей обыкновенной неласковости. Воды не помогли больному, уже дряхлому старику; напротивъ, были вредны, и онъ скоро уѣхалъ въ Петербургъ. Памятникомъ этого послѣдняго пребыванія Шишкова въ Москвѣ остался у меня одиннадцатый томъ русской исторіи Карамзина, изданный послѣ его смерти Д. Н. Блудовымъ. Шишковъ бралъ его у меня, чтобъ прочесть, и сдѣлалъ на поляхъ много замѣтокъ. Въ 1836 г. я ѣздилъ въ Петербургъ. Здоровье Шишкова и особенно зрѣніе очень ослабѣли; но я нашелъ его бодрымъ духовно и даже иногда веселымъ. Онъ почти ощупью отыскивалъ въ шкафѣ нужную ему книгу, доставалъ ее и заставлялъ меня кое-что прочесть вслухъ.

„Въ 1839 г. въ ноябрѣ я пріѣзжалъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ Гоголемъ. Шишковъ былъ уже совершенно слѣпъ. Я навѣщалъ довольно часто Александра Семеновича: онъ былъ еще на ногахъ, но становился часъ отъ часу слабѣе, и жизнь видимо угасала въ немъ. Я никогда не говорилъ съ Шишковымъ о

Гоголѣ: я былъ совершенно убѣжденъ, что онъ не могъ, не долженъ былъ понимать Гоголя. Въ это время бывалъ я свидѣтелемъ, какъ Александръ Семеновичъ кормилъ цѣлую стаю голубей, ощупью отворяя форточку и выставляя кормъ на тарелкѣ.

„Наконецъ въ исходѣ 1840 г. я видѣлъ въ послѣдній разъ Александра Семеновича. Это былъ уже трупъ человѣческій, недвижимый и безгласный. Только близко наклонясь къ нему, можно было замѣтить, что слабое дыханіе еще не прекратилось. Мнѣ разсказывали, что онъ и прежде бывалъ иногда въ такомъ положеніи по нѣскольку недѣль, что его жизнь поддерживали, вливая ему въ ротъ раза четыре въ день по нѣскольку ложекъ бульона, что иногда вдругъ это состояніе проходило, онъ какъ будто просыпался, начиналъ сидѣть на постели, вставать и ходить по комнатѣ съ помощью другихъ, и выѣзжалъ прокатываться. Разсказывали мнѣ также, что одинъ разъ во время подобнаго летаргическаго сна, когда уже никто не церемонился около него, говорили громко, шумѣли и ходили, какъ около покойника, къ которому всѣ равнодушны, вдругъ вбѣжалъ камердинеръ и сказалъ довольно тихо, что государь остановился у воротъ и прислалъ спросить о здоровьѣ Александра Семеновича. Къ общему изумленію, почти испугу, въ ту же минуту Шишковъ открылъ глаза и довольно твердымъ голосомъ сказалъ: „благодарю государя, скажи ему,

что мнѣ лучше",—и впалъ въ прежнее безчувствіе, продолжавшееся еще двѣ недѣли.

Шишкова тревожила мысль, какъ жена его, католичка, отнесется къ погребальнымъ обрядамъ православной церкви, и какъ она разойдется съ его родственниками. Онъ опасался между ними несогласій и ссоръ. Чтобы предупредить это, онъ назначилъ своими душеприкащиками Горголи, Рибопьера, Танѣева, Красовскаго, Панаева и Сербиновича. Имъ онъ поручалъ принять ближайшее участіе въ погребеніи его тѣла. Главной наслѣдницей онъ дѣлалъ свою жену, которая, какъ писалъ онъ, по болѣзненному состоянію требовала особеннаго попеченія Ихъ же просилъ онъ вслѣдствіе того: „приложить попеченіе о сохраненіи согласія и миролюбивомъ окончаніи всѣхъ дѣлъ между моею женою и моими родственниками, о собливо остающимися въ моемъ жилищѣ двумя племянницами моими, вдовою Дарьею Александровною и дѣвицею Настасьею Дмитріевною Шишковыми, въ сиротствующемъ состояніи которыхъ, равно какъ и всей моей родни, я принимаю живѣйшее участіе. Посему я прошу и умоляю ихъ всѣхъ моею къ нимъ любовью, чтобы онѣ, по христіанскому долгу и по чувству взаимной ко мнѣ любви, почтили память мою искреннимъ единодушіемъ и всѣмъ возможнымъ вниманіемъ къ послѣдней волѣ умирающаго, который всегда желалъ сохранить между ними миръ. Хотя я надѣюсь, что онѣ не отрекутся исполнить мою послѣднюю о томъ

просьбу, но еслибы ожиданіе мое, сверхъ всякаго чаянія, осталось въ чемъ-либо неисполненнымъ, то въ семъ случаѣ я покорнѣйше прошу всѣхъ пріятелей моихъ оказать моимъ родственникамъ нужную помощь совѣтами и увѣщаніями; въ могущихъ же возникнуть какихъ-либо недоразумѣніяхъ между ними принять на себя полезное для нихъ посредничество, и еслибы представилась необходимость, то быть и добрыми примирителями въ ихъ несогласіяхъ, стараясь окончить ихъ домашнимъ образомъ и безъ огласки".

Въ началѣ 1841 г. Шишковъ скончался.

Въ послѣдніе годы своей жизни онъ приводилъ въ порядокъ свои записки и письма, какъ факты для своей біографіи. Послѣ его смерти большая часть изъ множества его бумагъ попала на Толкучій рынокъ, гдѣ ихъ и скупали лица, занимавшіяся литературой, отыскивая разныя библіографическія рѣдкости. Но вѣроятно многія бумаги совсѣмъ пропали, въ томъ числѣ и часть его записокъ, составляющихъ воспоминанія объ юныхъ годахъ жизни.

Полное собраніе сочиненій Шишкова въ XVII книгахъ издано при его жизни отъ Россійской академіи, съ посвященіемъ императору Николаю Павловичу.

